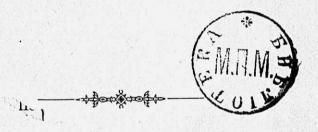
МАГНЕТИЗМЪ И ГИПНОТИЗМЪ.

ЛЕКЦІИ ПРОФЕССОРА ПСИХОЛОГІИ

801-18 довтора Ю. Охоровича. 347

Изданіе редакціи журнала "Ревусь".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1896.

Къ исторіи магистизма.

Восемнадцатый въкъ — въкъ реформъ, которымъ, однако, не соответствоваль умственный рость всего общества. Для философіи и медицины онъ начался при дурныхъ предзнаменованіяхъ: въ 1700 г. появилось англійское сочиненіе Гедеона Гарвея, придворнаго врача королей Карла II и Вильгельма III «О суетности философіи и медицины», въ которомъ онъ доказываль, что философы не нашли ни одной точки истины, а доктора ни одного върнаго средства, и что поэтому слъдуетъ отбросить всв искусственныя средства, а леченіе предоставить природъ. По его мнънію, врачъ не долженъ воображать, что лечить, потому что онъ тогда только и полезенъ, когда остается въ роли трезваго наблюдателя. Гар-

KHHTA HMEET

Листов печатиых	Выпуск .	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служеби. Ngny. Ng.Ng. списка и порядковый	93
9						4 147 85	Ŀ÷.

Довволено цензурою. С.-Петербургъ, 29-го апръля 1896 г.

C.-HETEPBYPTT. Тип. В. Демакова, Новый пер., д. № 7.

12400-0

2013041462

Къ исторіи магнетизма.

Восемнадцатый въкъ — въкъ реформъ, которымъ, однако, не соотв' втствоваль умственный рость всего общества. Для философіи и медицины онъ начался при дурныхъ предзнаменованіяхъ: въ 1700 г. появилось англійское сочиненіе Гедеона Гарвея, придворнаго врача королей Карла II и Вильгельма III «О суетности философін и медицины», въ которомъ онъ доказываль, что философы не нашли ни одной точки истины, а доктора ни одного върнаго средства, и что поэтому следуетъ отбросить всв искусственныя средства, а леченіе предоставить природъ. По его мненію, врачь не должень воображать, что лечить, потому что онъ тогда только и полезенъ, когда остается въ роли трезваго наблюдателя. Гарвей былъ сторонникомъ метода выжидательнаго (экспектативнаго), котораго придерживался еще Гиппократь, но недостаточно радикально, по мнвнію Гарвея.

Такого реда крайній скептицизмъ обусловливался, въроятно, степенью тогдашняго знанія. Такъ оно въ дъйтвительности и было. Медицина того времени была въ

едицина то

SEXONE SEXONE SOO (VATOR SOO (VAT

2013041462

Довволено цепзурою. С.-Петербургъ, 29-го апръля 1896 г.

1

плачевномъ состояніи. Въ ней господствовала полифармація или злоупотребленіе лекарствами. Теперь, правда, ихъ больше, чемъ прежде, но мода на нихъ скоропроходяща, а употребление ихъ несравненно умърениве, благодаря именно темъ нападкамъ, которыя были сделаны въ XVIII в. на полифармацію. Наоборотъ, въ XVII и XVIII вв. новыя средства вводились съ чрезвычайною трудностью; такъ, завоевавшій себ'в нынв права гражданства emetyk не быль разрышаемъ факультетомъ; врачу, который прописываль въ лихорадкъ хининъ, грозили отнятіемъ диплома; къ антимонію долгое время относились враждебно; а привитіе осны, нын'в обязательное, парижскій факультеть призналь въ 1745 г. «легкомысліемъ, преступленіемъ, средствомъ магін». Но такая враждебность къ новымъ средствамъ не пом'вшала, однако, огромному ихъ количеству, такъ какъ въ предыдущихъ въкахъ искатели лечебныхъ средствъ не оставались праздными. Къ темъ изъ нихъ, которыя завъщала намъ древность (было-же ихъ довольно, и еще Плиній протестоваль противъ ихъ чрезмірности), прибавились не только тв, которыя открыль Галенъ, Арпстотель медицины, въ духв своей гуморальной теоріи, но еще масса отвратительныхъ микстуръ, декохтовъ, мазей, которыя арабы позаимствовали отъ неопрятныхъ обитателей Востока; въ XVI в. присоединили еще цѣлую фармакологію «минеральныхъ ядовъ» Парацёльза, почти неизвъстныхъ; въ XVIII в. ко всему этому Штёркъ, вънскій врачь, прибавиль еще яды растительные. Въ назначеній мушекъ, пластырей, промывательныхъ всякаго рода не задумывались и щедрою рукою пускали кровь

Такъ называемыя магическія средства, рекомендованныя Paracels'омъ, V. Helmont'омъ, Maxwell'емъ, Wirdig'омъ и др., были или забыты, или же къ нимъ относились неодобрительно, какъ къ дьявольскимъ продълкамъ; а средства естественныя, физическія, какъ гидропатія, гимнастика, электричество, массажъ — были еще въ колыбели. Между тъмъ подъ охраной монополіи по большимъ дорогамъ бродили толпы шарлатановъ, торговавшихъ всякаго рода спецефиками, даже «элексиромъ въчной жизни». Никогда тайное врачеваніе такъ не преслъдовалось, и никогда не практиковалось оно въ такихъ широкихъ размърахъ.

Какимъ образомъ большинство тогдашнихъ практиковъ врачей понимали свою задачу, даетъ намъ понятіе дневникъ исторіи бользни короля Людовика XIV. который велся впродолжение свыше 60 л. (1647-1711) тремя перворазрядными врачами: Vallot, Doguin и Fagon. «Ничего не можеть быть печальнье и забавиве, говорить одинь изъ историковъ медицины, этого подлиннаго памятника, въ которомъ узкость и шарлатанство оттиняются еще болие потышной формой изложения; читая его, нельзя не посм' вяться надъ этимъ факультетомъ и не сочувствовать бъдной особъ короля, на мученія котораго расходовались по истинъ королевскія суммы. Нужно было им'ть жел'взную комплексію, чтобы выдержать это коновальское леченіе». Amelot de la Haussaye разсказываеть, что Bouvard, главный врачь Людовика XIII, прописалъ своему достойному націенту впродолжение одного года 215 лекарствъ, 212 промывательныхъ и 47 разъ пускалъ ему кровь! Мы видимъ, что

Людовикъ XIII, лечившій другихъ отъ золотухи наложеніемъ рукъ по прим'єру предковъ, самъ подвергался энергичному леченію. Такова была рутина.

Посмотримъ же, каковы были прогрессивныя стремленія?

Они держались совершенно противоположнаго направленія.

Передовое стремленіе, берущее начало отъ эпохи возрожденія, отр'єшилось прежде всего отъ схоластической болтовни толкователей Аристотеля въ философіи и толкователей Галена въ медицинъ и обратилось къ греческимъ оригиналамъ; тогда не понимали еще, что проще всего следовало бы обратиться къ самой природе, т. е. выйти на путь наблюденій и опыта. Постепенно пришли и къ этому, и, подъ конецъ XV в., въ жизнь пробиваются анатомическія диссекціи. Но если въ труп'в не находили того, что предполагалъ Галенъ, то допускали какую-то игру природы — ошибку ея. Въ XVI в. еще не знали, что кровь обращается и какимъ образомъ она вырабатывается изъ пищи; равнымъ образомъ не знали еще о млечных сосудахъ, открытыхъ Asellio въ 1622 г., и самъ Asellio думалъ, по примъру Галена, что кровь вырабатывается печенью; лимфатическіе каналы открылъ только Pudbeck въ 1650 г. Изобратение микроскопа и термометра не находило себъ еще примъненія въ медицинъ, только пульсъ выслушивали старательно. Что же касается лекарствъ, то, наперекоръ господствовавшей рутинь, всв реформаторы медицины конца XVII и XVIII в. были сторонниками умъренности въ употребленіп ихъ и, значить, были противниками полифармаціп.

Они не заходили такъ далеко въ своемъ отрицании, какъ Гарвей, но приближались къ его идеямъ. Назовемъ прежде всего великаго Boerhaave'a, одну изъ прекраснъйшихъ личностей въ исторіи медицины. Согласно механическому принципу онъ пытался включить жизнь въ физическія формулы и въ этомъ онъ согласовался съ духомъ своей эпохи, которой онъ былъ безспорно выдающимся представителемъ. Вначалѣ духовный, -- поэже философъ, врачъ и математикъ, Boerhaave поражалъ обширностью своихъ познаній и уже на 22-мъ году своей жизни пріобр'влъ славу оратора. Въ Лейден'в, гдв онъ былъ преподавателемъ, голландская медицинская школа стояла высоко, благодаря исключительно господствовавшему въ ту эпоху либерализму; онъ быль такъ любимъ и уважаемъ, что, когда послѣ долгой бользни вышель въ городъ, всё дома засветились иллюминаціей. Одаренный способностью яснаго, сжатаго изложенія, онъ былъ несравненнымъ профессоромъ; не любитель метафизики, онъ хотя и былъ знакомъ съ ней основательно, но хотель твердо стоять на почве наблюдений и во всемъ согласоваться съ природой. Когда ему приходилось говорить ученикамъ о лекарствахъ, то онъ предостерегалъ ихъ: «будьте осторожны, говорилъ онъ, вопросъ касается здоровья и жизни человъка». Разсказываютъ, что когда онъ умеръ, то въ его бумагахъ нашли вавъщаніе врача слёдующаго содержанія: «Если хочешь быть здоровъ, живи гигіенично, держи ноги и животъ въ теплъ, голову въ прохладъ и остерегайся лекарствъ».

Механически-физическая теорія его была преждевре-

менна, жизнь не дала включить себя въ формулы, но самая тенденція пережила его и выразилась еще сильнъе въ личностяхъ его учениковъ, между ними Truchin главенствовалъ во Франціи, Haller — въ Германіи, а Von-Swieten—въ Австріи.

Представителемъ совершенно противоположнаго направленія — біологически-психическаго, отрицающаго претензію механиковъ постигнуть тайны жизни, былъ современникъ Boerhaave'a Stal, творецъ Анимизма, не менье извъстный, но уступающій ему въ краснорьчіп и менье популярный; онъ также былъ сторонникомъ выжидательнаго леченія, ограничивая до тіпітит'а задачу врача; только вмъсто силъ физическихъ, дъятельнымъ началомъ жизни онъ признавалъ душу. Имъ издано въ 1730 г. сочиненіе: «Экспектація, какъ искусство леченія», искусство, въ которомъ онъ только приближается къ абсолютному скептицизму Гарвея.

Ноffman, какъ сторонникъ идей Boerhaave'a, тоже является противникомъ полифармаціи. Въ своей: «Системъ раціональной медицины» онъ рекомендуетъ менье энергичныя средства. Онъ одинъ изъ первыхъ причислилъ къ лечебнымъ средствамъ: купанья и минеральные источники, и высказалъ извъстный афоризмъ: «Если заботишься о здоровъв, остерегайся лекарствъ и врача». Это не мъшало ему имъть манію къ спецефикамъ. (Самъ онъ пользовался лекарствами, только по секрету).

Большое поражение полифармации нанесъ Venel, участникъ по составлению энциклопедии: онъ ставитъ гигиену выше лечения.

Къ самымъ знаменитымъ врачамъ, по крайней мъръ

изъ тъхъ, которые имъли болъе всего вліянія на практическую медицину, принадлежалъ англичанинъ Броунъ. творецъ теоріи «возбудимости нервныхъ волоконъ», на которую опирается отчасти Месмеръ; популярностью своею онъ обязанъ тому, что въ хаосѣ различныхъ системъ и средствъ врачи-практики искали какой-нибуль путеводной нити, какого-нибудь упрощенія, которое могло бы зам'внить несуществующую еще философію медицины. Такое удобное для практики упрощение п предложилъ Броунъ. Онъ дёлилъ всё болёзни на стеническія и астеническія, предполагая, что всі болізни происходять или отъ избытка спль и возбудимости, или отъ недостатка ихъ. Въ первомъ случав онъ рекомендуетъ покой, діэту, холодную воду для питья, легкія послабляющія средства; во второмъ-усиленное питаніе, возбуждающіе напитки, тепло, свётъ, нашатырный спиртъ, эфиръ, опій — вообще средства подкриляющія, а изъ лекарствъ-хину (это было ужъ въ концѣ XVIII в.).

Къ несчастію, Броунъ причислиль себя къ астеникамъ и черезчуръ подбадриваль себя употребленіемъ опія и крѣпкихъ ликеровъ. Личность эта въ высшей степени оригинальна. Отданный сначала въ ученіе къ ткачу, онъ начинаетъ заниматься науками только съ 16 лѣтъ; изучаетъ философію и теологію, работаетъ по ночамъ ради куска хлѣба, выпрашиваетъ у профессоровъ позволеніе посѣщать лекціи безплатно, переводитъ товарищамъ диссертаціи на латинскій языкъ, приготовляетъ другихъ къ экзаменамъ, которыхъ еще самъ не сдавалъ, и еще будучи въ университетъ пріобрѣтаетъ славу. Въ 1779 г. издаетъ сочиненіе, которое возстанов-

ляетъ противъ него эдинбургскій факультетъ. Преслѣдуемый за свои убѣжденія, онъ ведетъ борьбу, забывая о потребностяхъ жизни, затѣмъ попадаетъ въ тюрьму за долги и, наконецъ, умираетъ отъ удара, и послѣ смерти дѣлается популярнымъ не только въ Англіи, но въ Германіи, Италіи и даже во Франціи — внѣ оффиціальныхъ сферъ. Больше всего держались оффиціальнаго пути знаменитые французскіе доктора.

Великій Bordeu, который, по словамъ одного изъ историковъ, какъ бы сконцентрировалъ въ себв передовую французскую медицину XVIII в., былъ сторонникомъ Сталя и противникомъ Бёргава; этимъ онъ возстановиль противь себя всемогущаго Bouvard'a, который понималъ полемику такимъ образомъ, что обвинилъ его въ покраже у паціента. Такъ какъ Буваръ быль придворнымъ врачемъ, то факультетъ, согласно его желанію, постановиль лишить Bordeu диплома, и только новымъ постановленіемъ парламента вернули ему его права. Превосходный писатель (первый французскій врачь и писатель вмъстъ) -- Bordeu принялъ на себя защиту хирурговъ отъ докторовъ. Въ тѣ времена это было проявленіемъ необычайнаго мужества, потому что хирурговъ ставили подъ одинъ уровень съ цирульниками. Онъ также былъ сторонникомъ средствъ менве сильныхъ, вслъдствіе чего энергичный Буваръ всегда предсказываль ему, что онъ умреть на висилиць. Когда въ 1796 г. Bordeu умеръ отъ апоплексическаго удара, «Journal Medécine» осмъяль его еще въ некрологь, а Bouvard прибавилъ: «Я не думалъ, чтобы онъ умеръ въ горизонтальномъ положеніи».

Bordeu быль человыкь честный, смылаго ума; всы функціи жизни онь сводиль къ движенію и ощущенію и обезсмертиль себя своимь взглядомь на кровь, какъ «жидкую ткань».

Стоитъ еще упомянуть объ одномъ французскомъ реформаторъ Bartezъ, какъ о человъкъ выдающагося ума. Бользненный, но способный, онъ десяти льтъ уже былъ знакомъ съ тогдашней элементарной математикой и физикой, зналъ выдающихся греческихъ и римскихъ авторовъ — но имѣлъ несчастіе указать учителю грамматическую ошибку, за что и быль исключень изъ школы. Сначала онъ решается сделаться священникомъ, но, вдохнувъ скептицизмъ вѣка, бросаетъ духовное званіе и кидается на медицину, какъ на легчайшее, по его мненію, средство сделать карьеру. Кончивъ курсъ двадцати лътъ, онъ получаетъ награды и мъсто военнаго врача, далве двлается профессоромъ въ Montpellier, потомъ, будучи назначенъ консультантомъ двора, хлопочетъ о дворянствъ, наконецъ получаетъ должность королевскаго секретаря и главнаго врача принца Орлеанскаго. Туть онъ сталкивается съ Bouvard'омъ; отношенія ихъ были таковы, что однажды они подрались на консультаціи у больнаго. Это не пом'вшало однако ему сдівлаться членомъ академін наукъ, королевскаго медицинскаго общества, гигіеническаго общества и т. д. Но всего этого ему было мало. Холодный, заносчивый, деспоть, нетерпящій противорічій, Bartez постоянно ропщеть, что тоть или другой предвосхитиль его идею; онъ просто страдалъ маніей преследованія; наконець, его въ самомъ дель начали преследовать и выгнали изъ отечества за аристократическое направленіе.

Bartez является представителемъ эмпиріи, опыта, но онъ слишкомъ придерживался традиціи. О немъ можно сказать, что это быль ходячая энциклопедія объ руку съ амбиціей. Гордый съ равными и низшими, льстецъ передъ высшими, онъ принимаетъ въ разсчетъ только у положение и не смягчается выражениемъ человъческого чувства. Bartez лучшій представитель тогдашней медицины; о худинхъ ея представителяхъ мы можемъ составить понятіе по типу Мольера въ его комедіяхъ и изъ Gil-Blas'a Lesage'a. При такихъ то условіяхъ и на такой почвъ выступаетъ на сцену новый реформаторъ; онъ раздёляеть скептитизмъ Гарвея относительно лекарствъ, и взамень ихъ предлагаеть нечто иное: онъ желаеть поддерживать жизнь жизнью-же; физикъ школы Boerhaave'a, онъ тоже поклонникъ природы, но понимаетъ ее по своему. Скептикъ и отчасти мистикъ, онъ хотълъ связать забытыя и непонятыя мистическія традиціи Ванъ-Гельмонта (Van Hellmont) съ механическими и матеріальными тенденціями въка.

Въ томъ, что онъ провозгласилъ, было такъ мало схожаго съ тѣмъ, что господствовало, что и удивляться нельзя ожидавшей его судьбѣ, зная о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались и прежніе реформаторы. Чтобы понять, что онъ сдѣлалъ, мы должны отступить назадъ и вернуться къ XVI в. До тѣхъ поръ, не менѣе 14-ти в., господствовалъ въ медицинѣ великій Галенъ, творецъ гуморальной теоріи и такъ назыв. раціональной медицины. Читали только Галена, слушали только его, авторитетомъ былъ только онъ.

Въ XVI в. два человъка осмълились опрокинуть этого

идола; а именно V. Hellmont и Parazels; въ особенности послѣдній. Парацельзъ началъ свои лекціи (въ 1527 г.) съ того, что принесъ произведенія Галена и сжегь ихъ въ аудиторіи. Этимъ способомъ нагляднаго обученія онъ хотѣлъ выразить, что все прошлое въ медицинѣ нужно считать несуществующимъ. Что-же онъ хотѣлъ воздвигнуть на этомъ мѣстѣ? Двѣ вещи: фармакологію минеральныхъ ядовъ и мистическую теорію магнетизма. Первая была осязательная и ясная, вторая темная и неуловимая. Современники его выбрали первую, отбросивъ вторую. Эта вторая теорія зародилась въ головѣ Пара- Оцельза во время долгаго путешествія по Индіи, Египту, Греціи, гдѣ онъ встрѣчалъ столько таинственнаго и чудодѣйственнаго.

Эту вторую теорію Парацельза возстановиль V. Hellmont, предшественникь анимизма Sthal'я (Сталя). Онь быль того мивнія, что со времени Гиппократа медицина не сдвлала ни одного шага впередъ и даже утверждаль, что Галенъ свель ее съ пути нормальнаго ея развитія и толкнуль назадъ, усиливаясь затемнить трезвыя идеи Гиппократа туманными идеями Плагона. Одинъ отрывокъ изъ сочиненій V Hellmont'а достаточно выяснить намъ его направленіе.

«Я избъгалъ до сихъ поръ, говоритъ онъ, снимать завъсу съ великой тайны и представлять наглядныя доказательства того, что въ человъкъ сокрыта сила, при посредствъ которой онъ можетъ волей и воображениемъ дъйствовать внъ себя и даже на извъстномъ разстояни»... Эта одна истина, утверждаетъ онъ въ другомъ мъстъ, имъетъ больше значения, чъмъ все то, что написали о

медицинъ галенисты. Вотъ эту-то другую медицину и ръшилъ возстановить Месмеръ, отряхнувъ ее отъ мистическихъ формулъ и сведя на почву повседневной практики. Подобно другимъ реформаторамъ XVIII в. школы Boerhaave'a (Бергава) онъ ищеть механическихъ законовъ жизни, подобно имъ чувствуетъ несовершенства фармацевтической терапін; по приміру Броуна сводить жизнь къ раздражительности тканей; или, върнъе, хсчетъ согласовать идеи Броуна о раздражительности съ идеями Bordeu (Бордё) о движеніп; по прим'вру Bartez'a (Бартеза) и даже съ большей отчетливостью, онъ прии знаетъ первенствующее значение нервовъ и мускуловъ надъ остальными тканями; кром'в того, онъ вводитъ нсвый д'вятель, неизв'єстный его предшественникамъ: «мірсвой флюндъ», какъ посредствующее начало нервной возбужденности (раздражительности). Жизнь, по его мнвніюэто движеніе; покой-это смерть. Движеніе твердыхъ п жидкихъ частичекъ организма находится въ зависимости отъ волоконъ мускуловъ, которыми управляютъ нервы. Когда деятельность нервовъ ослабляется, волокна, образующія сосуды, перестають сокращаться нормальнымъ образомъ, наступаетъ застой въ обращении соковъ, т. е. болёзнь. Организмъ, при содействіи силы самосохраненія, стремится возстановить нормальное въ немъ обращение соковъ, но не всегда въ немъ самомъ достаточно для этого силы. Борьбу самод'вятельности организма съ препятствіями онъ называеть «стремленіемъ пересилить бользнь» — «кризисомъ». Не следуетъ смѣшивать симптомы болѣзни съ проявленіями кризиса. Вся задача доктора поддержать организмъ въ его стрем-

леніп пересилить бользнь, если начался кризись; а если онъ еще не наступиль, то вызвать его; и на это только одно средство: усилить нервные токи другими нервными токами. Эти токи зависять оть прилива и отлива міроваго флюнда, который оживляеть нервы, следовательно, нужно регулировать этоть приливъ и отливъ, чтобъ помочь натуръ. Такое вліяніе здороваго организма на больной во власти человъка и называется «животнымъ магнетизмомъ».

Ни одна бол'взнь не можеть пройти безъ кризиса. Такъ какъ въ этомъ заключается сущность ученія Месмера, то постараюсь прим'врами выяснить лучше, что нужно понимать подъ «кризисомъ». Возьмемъ два случая, совершенно противуположные.

Мы пивемъ мъстное воспаление, напримъръ, воспаленіе легкихъ — это бол'єзнь; но къ м'єстному воспаленію присоединилась общая горячка; это уже не есть бользнь, но следствіе реакціи организма противъ болезни. Организмъ, стремясь уничгожить и какъ-бы отвести мъстное воспаленіе, вызываетъ воспаленіе общее. Задача врача не прерывать горячку, но ускорить ея точеніе, чему способствуетъ магнетизированіе. Если магнетизировать больнаго съ самаго начала м'встнаго воспаленія, то при этомъ состояніе больнаго должно, повидимому, ухудшиться, но въ результатъ бользнь сократится. Сократится она и тогда, когда горячка сама по себ'в достигла необходимаго тахітита, потому что тогда магнетезпрованіе способствуеть ея пониженію. Врачь, который противодъйствуетъ этому естественному стремленію организма. замедляетъ теченіе бользии, вмісто леченія.

Возьмемъ теперь другой примъръ:

Если горячка, вызванная силою самосохраненія организма, оказалась недостаточною для отвлеченія пли уничтоженія недуга; если организмъ истощился въ борьбъ, то случаются, что наступаеть безсознательное состояніе. Что д'ялаеть въ такихъ случаяхъ врачъ? Онъ старается насильно будить больнаго и приводить его въ чувство. Поступая такъ, онъ плохо д'ялаетъ, потому что это «кризисъ». Къ нему прибъгаетъ натура за неимъніемъ лучшаго: измученный организмъ отдыхаетъ и этимъ возстановляется. Это не есть бользнь, но лекарство.

Въ одномъ изъ журналовъ недавно описывалась слъдующая исторія: «Однажды былъ интересный случай летаргическаго сна съ 17-ти л. юношей. Онъ забольлъ воспаленіемъ легкихъ; докторъ не подавалъ надежды. Въ четвергъ пополудни предполагали, что онъ не проживетъ и сутокъ. Около 2-хъ ч. ночи началась агонія, а въ 7½ утра констатирована смерть. Немедленно стали дълать приготовленія къ похоронамъ. Между тымъ, сестра, находившаяся при тыль брата, замытила, что покойникъ открываетъ глаза и дышитъ; она испугалась и закричала; на ея крикъ сбыжались домашніе. Призванный докторъ заявилъ, что это случай летаргическаго сна. Послы этого наступилъ кризисъ, и есть надежда, что юноша выздоровьетъ».

Такіе случан бывають и въ другихъ бользняхъ, въ другой формъ. Сомнамбулизмъ, т. е. сонъ, въ которомъ больной говоритъ и двигается, бываетъ также проявленіемъ кризиса. Магнетизмъ вызываетъ его искусственно, чтобы ускорить кризисъ.

Месмеръ, однако, не добивался непремѣнно усыпленія своихъ больныхъ, онъ только ихъ магнетизировалъ, а выборъ формы кризиса предоставлялъ натурѣ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ правъ; можно его упрекнуть лишь въ одномъ: онъ придавалъ слишкомъ много значенія одной формѣ кризиса, — «конвульсіямъ».

Францискъ Антоній Месмеръ былъ сыномъ лѣсничаго въ одной изъ прирейнскихъ деревень. Родился онъ въ 1734 г. Съ дѣтства онъ имѣлъ склонность къ уединенію, размышленію и наблюденію природы. Въ особенности любилъ онъ видъ текущихъ водъ и не разъ, идя берегомъ Рейна, опаздывалъ въ школу, удалившись съ пути и слѣдуя за теченіемъ таинственнаго горнаго ручейка. Можно было бы сказать, что видъ величавой рѣки овладѣвалъ его пылкимъ воображеніемъ, придавая живую окраску его взглядамъ на природу и наталкивая его на будущую теорію «прилива и отлива міроваго флюнда».

О томъ, что Месмеръ первоначально изучалъ философію, упомянуто въ его лекарскомъ дипломѣ, начинающемся слѣдующими словами: «Высоко ученый г-нъ Антоній Месмеръ, родомъ изъ Месбурга въ Швабіи, д-ръ философіи, послѣ многолѣтняго изученія медицины, представилъ ученую письменную работу и желаетъ отъ насъ получить дипломъ д-ра медицины. Мы можемъ удовлетворить столь законному его желанію, провъривши его знанія со всего курса медицины и выслушавъ защиту его диссертаціи,—«О дѣйствіи планетъ на человѣческое тѣло» и убѣдившись, что въ этомъ отношеніи онъ высказалъ большую начитанность и знанія врачебнаго ис-

кусства, охотно даемъ ему званіе, котораго онъ вполн'в достоинъ. Предоставленной намъ Е. Им. Вел. Маріей Терезіей властію, упомянутаго Ф. А. Месмера сегодня, 31-го мая 1766 г. докторомъ медицины именуемъ, и торжественно разр'яшаемъ ему давать врачебные сов'яты и прим'янять на практик'я эту науку во всей ея полнот'я». Подписали ректоръ В'янскаго университета и пять профессоровъ, между ними изв'ястный Van-Swienten, главный врачъ императрицы, ученикъ Бергава.

Въ латинскомъ сочиненіи, о которомъ было упомянуто Месмеръ задался мыслью разследовать, нетъ-ли доли правды въ вірованіяхъ о вліяніяхъ небесныхъ світилъ на человъчество? И онъ пришелъ къ убъждению, что тъла, подчиняясь закону всеобщаго тяготвнія, обусловливающаго приливъ моря, оказываютъ подобныя-же действія на водяные пары, на атмосферу и вообще на всь тыла, находящіяся на поверхности земли; но это тонкое вліяніе обнаруживается только въ исключительных случаяхъ. Къ такимъ случаямъ можно отнести періодичность нѣкоторыхъ историческихъ фазъ, а также періодическія переміны нікоторых болізней, постоянно повторяющіяся и всеми докторами удостоверенныя. Вліянія эти передаются посредствомъ тонкой, всепроникающей матеріи (которую нынѣ называютъ «эфиромъ»), которая, вслѣдствіе чередующихся сближенія п отдаленія между небесными тёлами иземлей, обнаруживаетъ извёстнаго рода приливъ и отливъ. Всъ свойства тълъ Месмеръ ставитъ въ зависимость отъ взаимодъйствія этой тонкой міровой матеріи съ нашей грубой матеріей. Отсюда является следствіемъ то, что всв свойства матерін проявляются то слабве.

то сильнее, въ зависимости отъ прилива и отлива къ ней этой міровой волны. Относя это къ бользнямъ, такое укрыпленіе или ослабленіе, дыйствуя прежде всего на нервную систему, украпляеть или ослабляеть реакцію организма противъ патологическаго состоянія, т. е. нарушенія гармоніи функцій, и причиняеть или естественный кризисъ, или возвратъ болезненныхъ симптомовъ. Если. въ дъйствительности, явленія эти болье сложны и менье правильны, чемъ какъ-бы следовало изъ предъидущаго, то потому, что къ этимъ вліяніямъ, не зависящимъ отъ нашей воли, присоединяются иные, ближайшіе діятели, а именно, кром'в вліянія небесныхъ тель на землю н одновременно на находящіяся на ней существа въ отдёльности, дёйствуетъ также вліяніе однихъ существъ на другія, зависящее отъ ихъ природы, близости и отдаленія. Первый факть объясняеть намь то, что во всв времена, независимо отъ разнообразныхъ системъ леченія, часто взаимно противор вчащихъ другь другу, больные выздоравливали или умирали, какъ выздоравливали и оставленные вовсе безъ врачебной помощи; наконецъ что въ извъстныхъ эпохахъ, независимо отъ человъческихъ усилій, смертность увеличивалась или уменьшалась. На основаніи этого Месмеръ сводить къ чисто механическимъ причинамъ прилива и отлива всемірнаго агента то, что сторонники жизненной силы отъ временъ Сталя и до него приписывали спасительному дъйствію органической природы. На тотъ же факть, что существа также оказывають вліяніе другь на друга, авторъ указываетъ, какъ на средство, въ которомъ старается найти основы для искусственнаго, по нашему

произволу направленнаго, вліянія, противодъйствуя этимъ условіямъ общеміровымъ, которымъ мы должны подчиняться непроизвольно. Если бы удалось, говоритъ онъ, искусственно вызвать приливъ или отливъ міроваго агента, когда нервы требуютъ такого укрѣпленія или солабленія, то этимъ способомъ, мы могли бы нервныя бользин лечить непосредственно, а косвеннымъ образомъ могли бы лечить и другія бользин, сльдуя за природой, избытая такимъ путемъ лекарственныхъ веществъ, чуждыхъ и враждебныхъ натуръ, полезность которыхъ оказывается сомнительною при болье глубокой критикъ, а вредъ, приносимый ими, увы, слишкомъ часто очевиденъ.

Какимъ образомъ Месмеръ напалъ на мысль о томъ что одни существа могутъ вліять на другія?

Минуемъ указанія, которыя онъ могъ найти у писателей XVI в. (нашлись такіе, которые обвиняли его въприсвоеніи чужихъ пдей), такъ какъ хотя нынѣ они и кажутся намъ понятными послѣ того, что онъ сдѣлалъ, но не слѣдуетъ забывать, что, безъ теперешняго нашего знанія, тѣ указанія представляются слишкомъ туманными, неуловимыми мистическими бреднями ослабленнаго ума; кромѣ того, они нарочно были формулированы неясно, и изъ нихъ ученики Парацёльза, Van-Hellmont'а и Мах-well'а ничего не вынесли.

Мы можемъ указать на два факта, которые дали мысли Месмера это направленіе:

1) Онъ былъ впечатлителенъ и утверждалъ, что съ дътства испытывалъ особое ощущение, если кто-нибудь близко стоялъ сзади него, даже тогда, когда онъ не могъ объ этомъ догадываться.

2) Неоднократно онъ замѣчалъ, что въ случаяхъ кровопусканія, кровь струплась больше или меньше въ зависимости отъ того, стоялъ ли онъ ближе или дальше отъ больнаго (д-ръ Кёрнеръ).

Въ началъ своей лечебной практики въ Вънъ Месмеръ, недовольный дёйствіемъ лекарствъ, пробовалъ примёнять статистическое электричество (гальванизмъ не былъ еще извъстенъ), и ему приходила мысль, что электричество и есть тотъ всемірный агенть, который служить посредникомъ для взаимодъйствія небесныхъ и земныхъ тьлъ. Потомъ онъ перемвнилъ мивніе. Успвшные опыты его примъненія магнита къ леченію изумляли его. Стальныя бляшки разной формы, издёлія отца Гелля (извёстнаго и уважаемаго тогда астронома), оказались такъ дъйствительны при лечении нъкоторыхъ бользней, что снова Месмеръ началъ усматривать въ земномъ магнетизмъ средство искусственно вызывать придивъ и отливъ міровой матеріи (міроваго флюнда) съ цілью деченія. На эту мысль, главнымъ образомъ, навело его то обстоятельство, что у одной дъвушки, у которой различные припадки были въ зависпмости отъ прилива крови къ головъ, онъ легко прекращалъ приливы крови (конгестію) прикладываніемъ 3-хъ магнетическихъ бляшекъ: 2-хъ на ноги и 3-ю на желудокъ. Въ иныхъ случаяхъ боль устранялась или перем'вщалась дальше къ конечностямъ. Производя на разные лады опыты, вм'есто магнита однажды онъ случайно приблизиль къ больной только руку и результать получился одинаковый, еще даже лучше, а дальнейшія наблюденія подтвердили, что движеніями рукъ передъ тъдомъ или такъ называемыми

«пассами» можно вызывать различныя явленія, до этого приписываемыя то дійствію электричества, то дійствію земнаго магнетизма. Месмерь вывель изъ этого заключеніе, что въ тілі человіка сокрыта сила, способная измінять движеніе нервныхъ токовъ безъ помощи постороннихъ діятелей; это заключеніе было не достаточно основательно, потому что эти переміны можно было приписать дійствію одного воображенія. Кажется, впослідствіи Месмеръ призналь справедливость этого замінанія, хотя онъ никогда вполнів не оціниваль значенія психическаго вліянія.

Одинъ случай въ практикъ утвердилъ Месмера въ его взглядъ на магнетизмъ, какъ на чисто физическій дъятель. Леченіе одной больной было начато при чрезвычайно благопріятныхъ условіяхъ.

Дѣвица Остерлинъ, страдавшая истеро-эпилептическими припадками, была однимъ изъ тѣхъ исключительныхъ «медіумовъ», какъ ихъ теперь называютъ, съ которыми удаются самые тонкіе опыты магнетизма. Убѣдившись, что ее можно подчинить извѣстному вліянію безъ ея вѣдома, а слѣдовательно, безъ участія воображенія, Месмеръ убѣдился, что магнетизмъ есть извѣстнаго рода «физическій» дѣятель, и началъ изучать законы его. Придя къ извѣстнымъ, опредѣленнымъ результатамъ и выводамъ, онъ рѣшилъ подѣлиться ими съ своими прежними профессорами университета.

Прежде всего онъ обратился къ барону Штёрку, тогдашнему декану университета, который зам'встиль Van-Svitena, пользовавшагося славою энергичнаго врача.

Нужно сказать, что онъ, какъ говорять, попаль паль-

цемъ въ небо. Въ силу противорвчія, присущаго столь многимъ характерамъ, Штёркъ, примънявшій сильныя средства въ медицинской практикъ, въ обыденной жизни былъ чрезвычайно нерфшительный, и никогда не взялъбы на себя отвътственности за другаго. Славой своей онъ обязанъ, главнымъ образомъ, основательному знанію химіи и тому еще, что, не довольствуясь ядами, завъщанными Парацельзомъ, онъ открылъ другіе (или возобновилъ употребленіе), дъйствующіе будто бы и въ нензлечимыхъ бользняхъ. Съ чрезвычайнымъ успъхомъ онъ назначалъ аконитъ, белладону и другія растительныя вещества въ такихъ дозахъ, что они не убивали больнаго, но только парализовали боли, а психическое вліяніе поддерживало больныхъ.

Когда Месмеръ разсказалъ ему, какимъ способомъ онъ вызываетъ или прекращаетъ конвульсіи движеніемъ и прикладываніемъ рукъ, какъ онъ передаетъ магнетизмъ своего тела предметамъ неодушевленнымъ, и потомъ дёйствіемъ ихъ вызываеть тё же явленія, какъ и рукой, то Штёркъ счелъ его за сумасшедшаго, и не хотель присутствовать при его опытахъ, а уговаривалъ его, чтобы онъ, огласивъ такія новости, не скомпрометировалъ факультета. Тогда Месмеръ обратился къ члену лондонской академін Ingenhause'y, изв'єстному своими изследованіями надъ проводимостью тепла. Ингенгаузъ былъ дурно предупрежденъ о пемъ слухами, которые ходили въ ученомъ мірѣ, и даже самъ разсказывалъ о немъ, какъ о шарлатанъ, приписывающемъ себъ открытія, которыя могли бы быть только плодомъ небеснаго генія, если предположить ихъ истинными. Предугадывая

это, Месмеръ просидъ его къ себъ присутствовать при опытахъ. Ипгенгаузъ явился и засталъ уже больную въ припадкъ; она лежала на постелъ въ обморокъ и безъ сознанія. Изъ разсказа видно, что это быль не обычный обморокъ, но магнетическій сонъ, о которомъ, однако, Месмеръ не имълъ еще понятія, принимая это особое состояніе за обыкновенный обморокъ. Въ типичныхъ случаяхъ магнетического сна, усыпленный человъкъ находится подъ спеціальнымъ и исключительнымъ вліяніемъ магнетизёра, слышить только его и подчиняется ему; а при исключительной впечатлительности субъекта можеть находиться подъ вліяніемъ магнетизера, даже на разстоянін и безъ своего в'Едома. Усыпленный субъектъ относится къ прикосновенію двояко: или онъ переносить прикосновение къ себъ только магнетизера и реагируетъ болъзненно на всъ другія, или онъ не чувствуеть вовсе чужаго, а къ прикосновению магнетизера чрезмфрно чувствителенъ. Этотъ именно случай и былъ съ дъвицею Oesterlin: съ нею дълались конвульсіи, когда Месмеръ прикасался къ ней; когда же къ ней прикасался кто другой, она не чувствовала вовсе. И такъ, прежде всего констатированъ этотъ фактъ. Потомъ Месмеръ указалъ, что подобныя же дъйствія можно вызвать и безъ прикосновенія, - приближая палецъ къ рукв или ногв, но не прикасаясь къ нимъ, онъ вызываль въ нихъ судороги. Потомъ онъ делаль те же опыты на разстояніи 8-ми фут., вні поля зрінія больной, у которой къ тому же были закрыты глаза. Потомъ дъйствоваль сквозь чужія тыла, между прочимъ, за плечами Ингенгауза, и результать быль тоть же. Нако-

нецъ, для демонстрированія того, что индивидуальное вліяніе можеть быть сообщено постороннимъ тѣламъ, онъ сдёлалъ два опыта: одинъ съ неодушевленнымъ твломъ, другой съ живымъ. Для объекта неодушевленнаго выбрали шесть чашекъ; одну изъ нихъ Месмеръ подержаль въ своихъ рукахъ (не на глазахъ у больной) потомъ предложилъ кому-нибудь коснуться ею больной, последняя оставалась равнодушною къ прикосновенію, всёхъ чашекъ, кром'в той, которая была намагнетизирована. Ингенгаузъ еще разъ перемъшалъ чашки и повторилъ опытъ съ тъмъ же результатомъ. Въ другомъ опытъ, удостовърившись многократно въ томъ, что прикосновеніе Ингенгауза не дійствуеть на больную, Месмеръ взялъ его за руки, подержалъ ихъ въ своихъ, и посл'в этого, когда Ингенгаузъ касался больной, съ ней делались судороги точно также, какъ когда дотрогивался до нея Месмеръ. Ингенгаузъ призналъ себя убъжденнымъ, но въ то же время дружески совътовалъ Месмеру, чтобы онъ не портилъ себъ карьеру и объ этомъ открытіи не ділаль сообщеній.

Возвратившись домой и раздумывая надъ тѣмъ, что онъ видѣлъ, Ингенгаузъ перемѣнилъ мнѣніе; его раздражало и то, что Месмеръ не послушалъ его совѣтовъ; и вотъ Ингенгаузъ началъ разглашать, что все это одно фокусничество, что дѣвица Остерлинъ, очевидно, была въ соглашеніи съ Месмеромъ, что во всемъ этомъ ни слова нѣтъ правды. Слухи объ этомъ дошли и до больной, здоровье которой, благодаря леченью магнетизмомъ, поправлялось, —но мысль о томъ, что ее подозрѣваютъ въ обманѣ такъ разстроила ее, что она снова захворала.

Дальн'в ишее лечение окончательно возстановило ея здоровье, конвульси совершенно прекратились, а н'в сколько лътъ спустя, она вышла замужъ и им'вла дътей.

По поводу этого леченія и многихъ другихъ въ городъ было много толковъ о Месмеръ, но ученыя корпораціи относились къ нему, какъ къ обманщику. Задътый этимъ за живое, Месмеръ хлопоталъ о назначенін комиссін отъ академін, которая высказалась бы открыто о его метод'в, а также просилъ разрышенія д'влать опыты въ госинталяхъ. Разрешение это онъ получилъ, но комиссіи не было назначено. Тогда онъ обратился къ иностраннымъ академіямъ: изъ нихъ одна только ему отвътпла, что открытіе его считаеть иллюзіей, другая не отвітила вовсе. Видя, что этой дорогой далеко не уйдешь, Месмеръ рышилъ заняться исключительно леченіемъ больныхъ, а именно такихъ, которыхъ считали неизлечимыми, и состояніе бользни которыхъ было констатировано авторитетами, а иногда опредвлялось формальнымъ документомъ. Онъ думалъ, что такимъ путемъ добъется признанія своего метода. Въ наивности своей онъ допускалъ, что коллеги его сознають свою ошибку и изъ уваженія къ истине перестанутъ его поносить. Въ этомъ предположении его укръпило путешествіе въ 1775 г. въ Мюнхенъ, гдв, послв многихъ случаевъ излеченія, а также послі удачныхъ опытовъ при дворъ, Баварская Академія назвала его своимъ членомъ, и гдв въ следующемъ году онъ вылечилъ директора той же академіи Остервальда, отъ частичной слипоты въ соединении съ параличемъ. Возвратившись въ Ввну, онъ началъ работать въ этомъ направлении и

вылечилъ нёсколькихъ неизлечимыхъ больныхъ въ заведеніяхъ, а также при дворѣ. Результатъ былъ совершенно противоположный тому, чего можно было ожидать. До сего времени его вышучивали и игнорировали; теперь же признали въ немъ врага, отъ котораго нужно избавиться во что бы то ни стало.

Слава Месмера распространялась далеко. Весь городъ говорилъ о излеченін дівницы Звельферинъ (Zwelferine), осленией 17 леть тому назадь, деницы Осинъ (Ossine), истеричной чахоточной и дівнцы Парадись (Paradis), которая съ дътства ничего не видъла и была психически разстроена (разстройство истерическаго происхожденія). Эта послёдняя была дочерью секретаря Императрицы, и по причинъ своего убожества получала щедрое вспомоществованіе. Вышеупомянутый врачь Штёркъ лечилъ ее впродолжение 10-ти лътъ безуспъшно: онъ обкладывалъ ее мушками, піявками и фонтанелями, поддерживаль ей нагноеніе на всей голов'я впродолженіе 2-хъ м'ясяцевъ, а возникшее вследствіе этого нервное разстройство успокаивалъ слабительными, которыя давались цёлыми годами, и пичкалъ ее валеріаной. Результать быль тоть, что къ слёпоте прибавились судороги глазныхъ яблокъ и начало умопом'вшательства. Полагая, что средствъ этихъ недостаточно, Штёркъ применилъ электричество въ видъ сильныхъ искръ. Послъ 3000 электрическихъ сотрясеній больная была такъ разстроена, что оказалось необходимымъ усиленное кровопусканіе. Удивлялись, что, несмотря на такія радикальныя средства, больной не возвращается зрѣніе. Тогда Императрица прислала въ помощь другаго врача барона Вензеля, который ограничился констатированіемъ факта, что больная неиздечима. Въ отчаяніи родители обратились къ Месмеру. Правда, последній не обещаль возвратить зреніе, но объщалъ поставить глаза въ прежнее естественное положение и успокоить страдания больной. Съ этой цівлью онъ водилъ руками передъ нею п прикладывалъ ладони къ головъ ел и глазамъ. На четвертый день сокращеніе глазных мускуловъ ослабіло, вскорів потомъ лівый глазъ, по виду меньшій, пришелъ въ свое положеніе, а по минованіи кризиса, зам'єтно стало улучшеніе въ эрвніи: сперва явилась чувствительность къ свету, а потомъ и относительное просвътление формъ и красокъ. Месмеръ былъ такъ безтактенъ, что пригласилъ д-ра Штёрка удостовърить успъхи леченія. Штёркъ съ кислой физіономіей поздравляль его съ удачей, за глазами же интриговаль противъ коллеги. Къ этой интригъ присоединился и д-ръ Barth, который считался первымъ окулистомъ. Причина зависти была простая: Императрица, узнавъ объ успъхахъ леченія изъ газетныхъ сообщеній, сдівланных со всіми подробностями отцемъ больной, желала, чтобы дівнца Paradis была ей представлена. Нужно было не допустить этого, потому что если бы излечение было доведено до благополучнаго конца съ въдома Императрицы, то первый придворный врачъ и первый окулисть рисковали своими положеніями, и, кто знаеть, не заняль ли бы ихъмъсто «шарлатанъ» Месмеръ.

Для этого решили напугать родителей темъ, что Императрица, удостоверясь въ выздоровлении ихъ дочери, лишитъ ее пенсіи, назначенной ей только, какъ калеке.

Отецъ легко этому повърплъ и хотълъ бросить леченіе, мать же сразу воспротивилась этому. Начались домашнія сцены, въ силу чего здоровье дъвушки опять ухудшилось, но она все еще оставалась на попеченіи Месмера. Наконецъ, въ одно прекрасное утро Месмеръ получилъ отъ главнаго врача Штёрка письменное формальное «предписаніе» прекратить это леченіе. Императрицу увърпли, что все это обманъ, достигли этого тъмъ легче, что, по причинъ перерыва въ леченіи и разныхъ передрягъ, о которыхъ не стоитъ говорить, больная опять потеряла зръпіе.

Утомленный этой Сизифовой работой, и убъдившись, что «не славенъ пророкъ въ отечествъ своемъ», Месмеръ покинулъ Въну послъ 12-тилътней практики въней, и уъхалъ въ Парижъ.

Сначала Месмеръ не думалъ заниматься въ Парижъ практикой. Онъ просто хотълъ отдохнуть и поддержать сношенія съ ученымъ міромъ. Однако, онъ намъревался произвести рядъ опытовъ, долженствующихъ служить доказательствомъ существованія магнетизма независимо отъ его терапевтическаго примъненія. Такимъ образомъ онъ предполагалъ избъгнуть зависти заинтересованныхъ лицъ. Первые его опыты въ присутствіи г-на Леруа, директора академіи наукъ, и другихъ ученыхъ согласовались съ этимъ предначертаніемъ. Месмеръ не лечилъ, онъ только доказывалъ, что дъйствіемъ магнетизма можно вызывать и устранять извъстныя явленія, какъ-то: притуплять или усиливать каждое изъ чувствъ, вызывать галлюцинаціи, напр., галлюцинацію запаха съры, притупить обоняніе, пзмѣнить вкусъ воды, обра-

зовать искусственно опухоль и тутъ же разръшить ее, переволить пальцемъ боль и т. п. Опыты эти были такъ убъдительны, что Леруа взялся представить на разсмотрвніе академіи вопрось о магнетизмв. Въ назначенный день, съ біеніемъ сердца Месмеръ ожидалъ минуты, когда Леруа начнетъ ръчь. Его удивляло только, какъ новичка, что большинство ученыхъ громко разговаривали между собою вмёсто того, чтобы слушать оратора. Леруа многократно призываль къ порядку, прерываль рвчь, выжидаль, ничего не помогало: опоздавшіе академики продолжали сперва шумно входить, а потомъ поспешно выходили. Осталось несколько человекъ, изъ которыхъ некоторые дремали, а некоторые разговаривали. Види, что Леруа не кончаетъ, одни требовали нерерыва, другіе же того, чтобы сообщеніе было отложено, наконецъ, шутили и см'вялись. Тогда самъ Месмеръ просилъ Леруа отложить сообщение до другаго раза.

Этоть дебють об'вщаль немного. Однако, н'всколько членовь академіи заинтересовались опытами, которые имъ пришлось потомъ вид'вть, и желали доказательствъ того, что магнетизмъ можеть быть съ усп'вхомъ примыненъ къ терапіи. Умудренный опытомъ Месмеръ отговаривался, утверждая, что доказательства этого рода очень тонки, и всего бол'ве даютъ поводъ къ спорамъ. Каждый можетъ, конечно, всегда допустить, что и безъ помощи магнетизма больной могъ бы поправиться. Видя, однако, что одни теоретическія доказательства не достаточно уб'вдительны, онъ согласился приступить къ терапевтическимъ опытамъ. Было р'вшено, что Месмеръ займется леченіемъ н'всколькихъ больпыхъ, признанныхъ

неизлечимыми и им'ввшихъ письменные діагнозы отъ нарижскихъ знаменитостей. Было постановлено, что больные эти выдержать 3-хъ мъс. курсъ леченія у Месмера; по истеченіи срока коммисія отъ академін провврить результаты. Кажется, что вопрось быль правильно поставленъ. Для большаго спокойствія Месмеръ съ несколькими больными перевхаль въ деревеньку Creteuil близъ Парижа. Это было въ мав 1778. Г. Месмеръ усердно занялся леченіемъ своихъ паціентовъ, нереславъ въ академію ихъ документы относительно состоянія ихъ бользней за подписью несколькихъ членовъ факультета. Три мъсяца спустя нъкоторые изъ его больныхъ совершенно пришли въ себя, у другихъ зам'вчалось большее или меньшее улучшение. Когла приближался конецъ августа, а именно 22-го числа, Месмеръ письменно обратился въ академію, напоминая объ условіяхъ и прося назначить день, въ который члены коммисіи отъ академіи соблаговолять прибыть для провърки успъховъ леченія. Никакой, однако, коммисіи не было назначено и даже отвъта Месмеръ не получилъ.

Казалось бы, что достаточно было времени, чтобы убъдиться въ слъдующемъ: если кто хочетъ подарить міръ новой истиной, тотъ не долженъ искать признанія ея старыми авторитетами, но дѣлать свое дѣло и ждать конца, не обращая вниманія на окрики. Месмеръ долженъ былъ знать, что парижскій факультетъ точно также въ свое время осуждалъ новаторовъ, лечившихъ лихорадку хиной, и называлъ шарлатанами слабые умы, допускавшіе обращеніе крови въ организмѣ. Не только называли ихъ шарлатанами, но изгоняли ихъ пригово-

ромъ парламента. До XVII в. никто объ этомъ не слышалъ и было хорошо (Гарвей умеръ въ 1658 г.). Почему же магнетизмъ — понятіе еще болье неуловимое, чъмъ обращеніе крови, могь имъть привилегію быстраго признанія?

Но нашъ неисправимый новаторъ, обманувшись въ своихъ надеждахъ относительно академін наукъ, обратился къ королевскому обществу врачей, президентомъ котораго быль тогда Vicq-d'Azyr (Викъ-Дазиръ) -- изысканный, салонный докторъ, цветистый въ речи. Онъ имълъ извъстныя заслуги въ медицинъ (въ молодости подвергался даже преследованію), но, дождавшись высшихъ почестей, онъ заботился болье о своихъ кружевныхъ жабо и о вниманіи къ себ'в прекраснаго пола. чёмъ объ успёхахъ науки. Медицинскую академію онъ понималь, какъ товарищество взаимнаго обожанія, и если онъ не написалъ научнаго сочиненія, то впролодженіе 17-ти лётъ сочиниль 35-ть «похвальныхъ словъ» академін. Будучи доволенъ тімъ, что есть и было, онъ, очевидно, не могъ сочувствовать стремленіямъ относительно радикальных реформъ въ медицинъ. Кончилось ничьмъ. Сначала общество врачей требовало, чтобы Месмеръ преподнесъ имъ свой животный магнетизмъ въ видъ сирона, порошка или мази; въ такомъ только случав оно займется изследованиемъ его действительности. Это доказывало, что замѣтокъ его не читали. Потомъ, услыхавъ, что магнетизмъ не мазь и не сиропъ, согласились проконтролировать его способъ леченія, но его при этомъ такъ вышучивали, что теривнія Месмера не чватило. Коммисія вовсе не явилась, а пакеть съ документами, касающимися больныхъ, за подписью докторовъ факультета, Vicq-d'Azyr отослалъ ему нераспечатаннымъ.

Возмущенные этимъ, больные его, которыхъ онъ вылечилъ, сами опубликовали свидътельства о поправленіи своего здоровья, въ особенности трое изъ нихъ, совсѣмъ исцѣлившихся: Chevalier de Haussay — отъ паралича, г-жа de Berny—отъ слѣпоты и г-жа de la Mal-Maison отъ истеріи.

Со всёхъ сторонъ начали обращаться къ Месмеру. Приходили и ученые, но только по одиночкв. Объ одномъ изъ нихъ стоитъ упомянуть, такъ какъ онъ имълъ настолько гражданскаго мужества, что признавъ истину, сталъ ея защитникомъ. Это былъ д-ръ d'Eslon (Леслонъ), членъ общества, о которомъ мы упоминали, профессоръ и главный врачъ графа д'Артуа. D'Eslon самъ началъ дёлать опыты и получилъ тв же результаты, что и Месмеръ. Тогда онъ началъ склонять Месмера къ тому, чтобы онъ еще разъ постарался о признаніи этихъ фактовъ, если не учеными обществами, то хотя бы некоторыми известными докторами. Месмеръ, по мягкости своего характера, опять согласился, и началь лечить несколькихъ трудно-больныхъ и большею частью довель лечение до благопріятнаго конца. Когда дело дошло до утвержденія подлинности этихъ случаевъ выздоровленія, каждый боялся подписать. Ему поставляли на видъ, что очевидно больные, представленные неизлечимыми, на самомъ дълъ были излечимы. если онъ ихъ выдечилъ. Если нараличъ уступилъ леченію, значить это не быль настоящій параличь (орга-

ническій), а только нервное безсиліе, которое часто само собою проходить. Слепая девушка теперь правда хорошо видить, но кто поручится, что она прежде не была причастна обману. Какой-то военный, доведенный до меланхолін долгимъ катарромъ желудка, перенесъ удивительный кризисъ. после котораго хорошо себя чувствуетъ, но развъ сама натура не представляетъ намъ примъровъ такихъ кризисовъ, и кто же станетъ утверждать, что онъ вызванъ именно магнетизмомъ? Золотушная дівушка была, правда, покрыта вся ранами, а спустя 6 недъль, къ радости ея, у нея была уже злоровая гладкая кожа, но она была такъ молода, а чего не дълаетъ молодость! Больному, лишенному способности движенія и чувствительности, эта посл'ядняя возвратилась, но ноги остались безсильными, - д-ра Bertrand, Malloet и Sollier выразили свое удивленіе, что руки у него стали несколько подвижнее, но ведь это могло быть временнымъ изминениемъ болизни, и т. д. и т. д. Однимъ словомъ, Месмеръ лечилъ слепоту физическую, но не могъ найти средства противъ слепоты психической.

Кажется довольно было всего этого, но новичекъ d'Eslot все еще върилъ въ безпристрастіе коллегъ, и опять подговорилъ Месмера относительно опытовъ, хотя бы и не съ терапевтическою цѣлью. Доктора-скептики сами должны были приводить своихъ больныхъ, чтобы надъ ними экспериментировать. Три доктора объявились, но... забыли привести больныхъ. Волей неволей Месмеръ долженъ былъ производить эксперименты на своихъ больныхъ, но потому именно, что это были его

больные, они и были заподозрѣны въ соучастничествѣ съ нимъ; тамъ же, гдѣ этотъ аргументъ не могъ быть примѣненъ,—свалили все на воображеніе. Месмеръ вызывалъ и прекращалъ головную боль, обморокъ, судороги, вызывалъ потъ, передвигалъ пальцами боль къ конечностямъ, — все это признано фокусничествомъ.

Между темъ, наплывъ къ нему больныхъ становплся все больше и больше, такъ что Месмеръ изнемогалъ отъ работы. Весь городъ говориль о немъ. Впродолженіе одного года вышло около 200 брошюръ и намолетовъ за и противъ Месмера. Больные прославляли его искусство, доктора осмвивали его и смвшивали съ грязью. Постепенно въ поведеніи новатора произошла перемъна: безкорыстный до сихъ поръ и искавній главнымъ образомъ признанія ученыхъ, а не матеріальной выгоды, онъ началъ теперь подумывать о себв и решилъ обезпечить свое состояніе, оставивъ въ поков ученыя корпораціи. Между тімь ученикь его d'Eslon, полный еще въры и воодушевленія, ограждая себя отъ нападокъ, ръшилъ еще разъ обратиться къ ученымъ и тъмъ самымъ отвратить отъ себя упрекъ въ шарлатанствъ. который уже бросали и въ него. Посл'в неудачныхъ переговоровъ съ академіей наукъ и обществомъ врачей оставался еще университеть. D'Eslon желаль общаго собранія факультета, на которомъ онъ могъ бы сділать сообщение относительно собственных опытовъ и прелставить предложенія Месмера. Собраніе это состоялось 18-го сентября 1780 года.

Профессора собрались, но не за тѣмъ, чтобы слушать, а чтобы осудить d'Eslon'a. Первый говориль de Vauzèmes, самый младшій изъчленовь факультета.

Онъ принадлежалъ къ категоріи—увы, довольно распространенной въ нікоторыхъ университетахъ — безусыхъ ученыхъ, сдівлавшихъ рано карьеру по протекціи: они играютъ роль льстецовъ передъ старшими, и больше преданы дівлу охраненія достоинства своего положенія, чівмъ труду и науків. De Vauzèmes зналъ, что, идя противъ d'Eslon'а, онъ будетъ имівть большинство за собою, а потому смівло началъ задівать человівка, во сто разъ боліве его достойнаго.

«Г. Месмеръ, говорилъ онъ, вылечивалъ только нѣкоторыя болѣзни, какъ истерія и эпилепсія. Вскорѣ авторитетъ его началъ разростаться, и, по словамъ вѣнскаго
хирурга Леру, котораго онъ съумѣлъ отуманить, Месмеръ дошелъ до возможности исцѣлять добрую половину
страданій, поражающихъ родъ человѣческій. Наконецъ,
d'Eslon смѣло провозгласилъ, что онъ лечитъ всѣ болѣзни, даже неизлечимыя».

Уничтоживши такимъ образомъ противника de Vauzèmes задался цълью доказать три вещи:

- 1) «Что d'Eslon присоединился къ шарлатанству Месмера», это не требуетъ доказательства, такъ какъ d'Eslon публично хвалился своей дружбой съ Месмеромъ.
- 2) «Что онъ оскорбиль общество ученыхъ»; тутъ онъ прочель мѣткія слова изъ соч. d'Eslon'a: «Думаю, что легче было бы свести всѣ 4 главныя рѣки Франціи въ одно русло, чѣмъ собрать парижскихъ ученыхъ съ цѣлью безпристрастнаго обсужденія вопроса, не согласующагося съ ихъ понятіями».

3) «Что онъ отрекся отъ школьныхъ доктринъ и выработалъ воззрвнія, противныя здравой медицинв».

Здравой же медициной считалось въ то время та, которая практиковалась тогда во Франціи и о которой мы могли составить сужденіе изъ вышесказаннаго. Что касается до отступничества отъ школьной доктрины, то это была просто ложь, потому что въ ту пору d'Eslon не написаль еще новой теоріи, и въ своемъ сочиненіи съ большою осторожностью и очень добросовъстно представиль лишь факты изъ своихъ наблюденій, удерживаясь отъ толкованія ихъ.

Наконець, правовърный эскулапь съ жаромъ выступилъ противъ назначения какой-нибудь коммиси для изслъдования фактовъ, представленныхъ d'Eslon'омъ, на томъ основани, что это уронило бы достоинство факультета. Я приведу эту выдержку изъ его ръчи, потому что она забавна: «Г. Месмеръ желаетъ только выиграть время и заставить дольше говорить о себъ, но факультетъ, радъя объ общей пользъ, я увъренъ, не потерпитъ этого. Чъмъ кончались обыкновенно изслъдования мнимыхъ панацей всякаго рода шарлатановъ и обманщиковъ? Опыты, производившеся со всякаго рода спецефиками, развъ не поддерживали на нъкоторое время въру въ ничтожныя выдумки шарлатановъ?..»

Эти слова были покрыты сильными апплодисментами и шумнымъ выраженіемъ удовольствія. Съ этой минуты d'Eslon зналъ, что его ожидаетъ. Однако онъ рышилъ не сдаваться и сказалъ сдержанную рычь, переводя все на почву фактовъ. Въ заключеніе онъ предлагалъ отъ имени Месмера и своего выбрать 24-хъ больныхъ, изъ

нихъ 12-ть лечить обыкновенными средствами, а 12 — магнетизмомъ. Каждый больной долженъ быть предварительно изследованъ членами факультета; разделеніе больныхъ на двё половины должно быть сдёлано по жребію, а по истеченіи изв'єстнаго срока пусть сравнятъ результаты.

D'Eslon положилъ на столъ свои предложенія, изложенныя письменно, и вышелъ, чтобы предоставить свободу сов'вщанію.

Сов'вщаніе не было продолжительно. Вскор'в его вызвали и прочитали постановленіе въ силу котораго:

- 1) «D'Eslon предупреждается, чтобы впередъ онъ быль осторожные.
- 2) «Онъ лишается на годъ права голоса на засъданіяхъ факультета.
- 3) «По истечени года, если онъ не откажется отъ написаннаго имъ, то лишается профессорскаго званія.
  - 4) «Предложенія г. Месмера устраняются».

D'Eslon не успокоился. Побуждаемый вдвойнь и любовью къ дълу и собственнымъ интересомъ, онъ призываль къ себъ коллегъ, дълалъ опыты, лечилъ, объяснялъ и достигъ того, что въ непродолжительное время 30 докторовъ стали заниматься магнетизмомъ.

Факультетъ забилъ тревогу. Если бы такъ пошло дальше, то весь его авторитетъ исчезъ бы, поэтому на общемъ совъщании было постановлено преслъдовать отступниковъ, для чего изготовленъ былъ циркуляръ слъдующаго содержанія:

«Ни одинъ врачъ не им'ветъ права подавать голосъ за животный магнетизмъ ни въ своихъ сочиненіяхъ, ни въ практикѣ подъ опасеніемъ быть лишеннымъ своего званія».

Долженъ замѣтить, что угроза эта имѣла еще то значеніе, что къ этому присоединялось лишеніе пожизненной пенсіи и профессуры.

Изъ 30-ти докторовъ только одинъ имълъ ръшимость отказаться отъ подписи этого циркуляра. Это былъ д-ръ Donglée (Донгле). Пріятно вірить тому, что есть на свъть люди, для которыхъ убъждение выше интереса и поэтому я приведу здёсь кое-какія подробности. Д-ръ Donglée не быль магнетизеромъ, онъ только делаль научные опыты; но онъ полагалъ, что факультетъ не имълъ права ограничивать его изысканій. «Созвали насъ всёхъ человекъ 70, говоритъ онъ, и велели ждать въ особой заль. Я быль вызвань первымь. Вхожу, удивляясь, что еще никого не приглашають и сажусь, какъ подсудимый. Деканъ спрашиваетъ меня, платилъ-ли я за лекціи магнетизма? Еще более удивляясь вопросу, отвечаль, что г. d'Eslon вовсе не береть денегь за лекцін, что онъ приглашаетъ коллегъ въ помощь для изысканій, что это человъкъ незапятнанной честности, скромный и любезный, о чемъ, впрочемъ, факультетъ отлично знаетъ. Послъ долгихъ разспросовъ мнй предоставили циркуляръ для подписи. Я заявиль о своемъ всегдашнемъ уважении къ факультету и подчиненін ему. Что же касается животнаго магнетизма, то я высказаль о немъ следующее: я видель очень немногое до сихъ поръ и не на столько еще проникнутъ убъжденіемъ въ его дійствительности, чтобы применять его къ практике, потому что вопросъ этотъ требуетъ болве точныхъ наблюденій и продолжительныхъ опытовъ, а для того, чтобы магнетизировать больныхъ нужно много мужества, сплы, здоровья и терпанія, и самъ я не имаю возможности и намаренія магнетизировать больныхъ; но я считаю недостойнымъ предвзятое отношеніе къ вопросу и порицаніе изсладованія его, а потому подписаться не могу. Я поклонился и вышелъ».

Другіе вошли посл'в и... подписали. Фактъ этотъ затормозилъ на время научное развитіе ученія о магнетизм'в, но, однако, не могъ затемнить св'єта.

Измученный неравною борьбою, Месмеръ рышиль покинуть Францію. Но когда узнали объ этомъ его больные, между ними поднялся переполохъ и начались совъщанія о томъ, какъ удержать его въ Парижв. Некоторыя высокопоставленныя лица легко склонили королеву, почувствовавшую Месмеру, вмёшаться въ это дёло. Марія Антуанетта пзъявила желаніе, чтобы Месмеръ остался въ Парижь, а ньсколько дней спустя, тогдашній первый министръ de Maurepas (Морепа) пригласилъ его къ себъ. Посл'в обм'вна мыслей они пришли къ взаимному соглашенію и подписали сл'вдующее условіе между правительствомъ съ одной стороны и вънскимъ врачемъ съ другой. Такъ какъ Месмеръ не переставалъ домогаться признанія со стороны науки, то правительство должно было вызвать отъ себя 5 докторовъ и изъ нихъ только 2 могли быть членами тёхъ обществъ, которыя уже высказались противъ. Эти члены коммисіи отъ правительства должны были проконтролировать способы и пріемы леченія Месмера, и если бы они отозвались одобрительно, то долженъ былъ последовать рескриптъ министра следующаго содержанія:

- 1) Правительство признаеть, что открытіе Месмера достойно распространенія.
- 2) Желая его вознаградить за него и склонить остаться во Франціи, король даеть ему соотв'єтственное пом'єщеніе, въ которомъ онъ могъ бы принимать больныхъ и излагать свое ученіе врачамъ.
- 3) Для того, чтобы онъ имѣлъ возможность основаться во Франціи, правительство, признавая его заслуги, назначаетъ ему 20000 ливровъ пожизненной пенсіи.

Месмеръ подписалъ. Между тѣмъ, когда начали обдумывать выборъ членовъ коммисіи, явилось опасеніе, найдутся ли врачи, которые (на случай признанія ими магнетизма) пожелали бы открыто объявить войну факультету, обществу врачей и академіи наукъ.

Во избъжаніе могущихъ быть недоразумьній и споровъ, ставящихъ правительство въ неловкое положеніе, рышили обойтись вовсе, по крайней мърь на нъкоторое время, безъ признанія ученыхъ. Месмеръ быль вторично вызванъ къ министру.

— Правительство, говориль de Maurepas, достаточно осв'ядомлено относительно д'яйствительности метода Месмера посредствомъ многочисленныхъ свид'ятельствъ, выданныхъ ему отъ больныхъ, а потому не считаетъ бол'ве нужнымъ назначенія коммисіи. Возобновляя свои предложенія, правительство соглашается даровать ему об'ящанное безъ всякихъ оговорокъ и желаетъ только, чтобы въ число его учениковъ были приняты 3 ученыхъ, назначенныхъ отъ правительства, которые представятъ отчетъ о д'ятельности новаго института. Если бы отчетъ этотъ быль и неблагопріятнымъ, то онъ нисколько

не измѣнитъ принятаго рѣшенія относительно субсидій, назначаемыхъ Месмеру. Кромѣ обѣщанныхъ 20000 ливровъ правительство прибавляетъ еще 10000 ливровъ для найма помѣщенія взамѣнъ прежде предлагавшагося. Если бы отчетъ ученыхъ оказался благопріятнымъ, то Месмеръ можетъ разсчитывать на дальнѣйшія щедрыя субсидіи. Однимъ словомъ, предложено было больше, чѣмъ прежде. Но министръ не принялъ во вниманіе тотъ гвоздь, который сидѣлъ въ головѣ Месмера, а именно, чтобы добиться прежде всего признанія ученыхъ. Месмеръ уперся и отказалъ.

Въ письмѣ къ королевѣ отъ 29-го марта 1781 г. Месмеръ благодаритъ ее за ея благосклонность, но не можетъ, говоритъ, принять условій, въ которыхъ предполагается, что для него матеріальный интересъ стоить на первомъ планъ; кромъ того, говоритъ онъ, обширная популяризація иден не входить въ его нам'вренія, потому что магнетизмъ можетъ столько же послужить къ благу людей, сколько и послужить орудіемъ для элоупотребленій; прежде всего онъ добивался признанія «истины». Что же касается матеріальныхъ условій, то практика даетъ ему достаточно средствъ для прожитія, а потому онъ предпочелъ бы единовременное вознаграждение въ размъръ 400 — 500000 ливровъ. Кажется, что въ сущности Месмеръ мечталъ о положении перваго врача при дворь, что гарантировало бы его вліяніе на всю тогдашнюю медицину. Но извістно, что тогдашній дворъ находился въ шаткомъ положении и королева не рѣшилась бы для поддержанія пресл'єдуемаго иностранца бросить вызовъ цёлой вліятельной средё. Въ письмё своемъ Месмеръ, однако, заявляетъ, что котя онъ и вынужденъ отклонить предложеніе, но желая доказать свое подчиненіе вол'в королевы, онъ продолжитъ свое пребываніе въ Парижъ до 18-го сентября, т. е. до годовщины того дня, когда факультетъ не принялъ его предложеній.

Паціенты и друзья Месмера, слідя за неуспіхомъ его договоровъ со дворомъ, решились сами вознаградить его обманутыя надежды и вынскать средства для удержанія его въ Парижь. Съ этою целью ему предложили открыть платные курсы для подробнаго изученія его метода известнымъ числомъ лицъ. Плата назначалась высокая, а именно 2400 ливровъ отъ каждаго слушателя, которыхъ должно было быть не мен'ве 100. Подписка началась необыкновенно успѣшно: Месмеръ получилъ на 100000 болье, чьмъ его гарантировали, а именно 340000. Каждый изъ участвовавшихъ, хотя бы онъ и имътъ звание доктора, подвергался строгому экзамену и долженъ былъ представить поручительство относительно своей нравственности. Каждый изъ учениковъ давалъ письменное обязательство соблюдать тайны открытыя ему и не имёлъ права безъ разрышенія Месмера передавать другимъ, сообщенныя ему свѣдѣнія.

Легко понять изъ вышесказаннаго, что этотъ курсъ не могъ быть напечатанъ, и, такимъ образомъ, много указаній, основанныхъ на обширной опытности Месмера, утрачены. Мы узнаемъ, однако, изъ позднѣйшихъ источниковъ, отъ его учениковъ, что курсъ Месмера обнималъ общее воззрѣніе на философію природы, теорію болѣзней и ученіе о методахъ магнетизированія, которое онъ слѣпо не навязывалъ ученикамъ, но, напротивъ,

поощряль ихъ къ личнымъ изысканіямъ. Въ міросозерцаніи Месмера мы усматриваемъ «монизмъ»: онъ признавалъ только матерію и движеніе, матерію въ различныхъ степеняхъ ея «сгущенія» или «уплотненія» и движеніе въ его неуловимыхъ модуляціяхъ (изміненіяхъ). Его «міровой флюндъ» — это газъ только болве разрвженный, чёмъ другіе, а «животный магнетизмъ» — это не матерія, а свойство или движеніе, передающееся черезъ посредство этого міроваго флюнда. Месмеръ одинъ изъ первыхъ создалъ механическую теорію тепла. Раньше Ампера онъ высказалъ свой взглядъ на земной магнетизмъ, какъ на видоизменение электричества, и выска- у залъ глубокое понимание въ животной экономии, загадочныя стороны которой онъ указалъ лучше другихъ. Только посль открытій последнихь леть по физіологіи и психологін мы можемъ понять и оцёнить созданныя имъ теоріи, которыя онъ изложилъ въ другихъ своихъ запискахъ «Memoires de F. A. Masmer d-r en médecine sur ses découvertes» (Записки Месмера д-ра медиц. о его открытіяхъ) изд. въ 1826 г. съ прим'я. д-ра Picher-Granchamps, члена медиц. академін, и которыя я изложиль въ моей книгъ «De la suggestion mentale». Paris 1889 г. изд. II (О мысленномъ внушеніи. Охоровича).

Что касается собственно науки о магнетизмѣ, независимой отъ общихъ метафизическихъ теорій и свѣдѣній о томъ, что можно достигать при посредствѣ магнетизма, въ какой мѣрѣ онъ подчиняетъ намъ тѣло и духъ, то эти данныя охранялись величайшей тайной. Въ такъ называемый «залъ кризисовъ» (chambre de crises) входъ имѣли только нѣкоторые ученики, преимущественно док-

тора. По желанію учениковъ Месмеръ долженъ былъ повторить курсъ, причемъ часть прежнихъ учениковъ вторично записалась въ число слушателей. Некоторые изъ нихъ начали требовать, чтобы онъ издалъ печатный курсъ лекцій, но явилась сильная оппозиція въ лицъ ученыхъ и придворныхъ особъ; лекціи Месмера посъщали между прочимъ принцъ Конде, принцъ Бурбонскій, Лафайеть, принцъ de Coigni, de Montesquieu и т. д. Ръшено было, не принимая въ соображение денежнаго разсчета, напечатать только несколько десятковъ экземиляровъ практическихъ указаній, и то къ нікоторымъ параграфамъ сообщенъ былъ тайный ключъ или формулы. Даже не всв ученики получили по такому экземпляру, а только тѣ изъ нихъ, которыхъ Месмеръ уполномочиваль обучать; если же въ одномъ городь, напр., въ Львовъ, 4 доктора получили такое полномочіе, то они должны были удовольствоваться однимъ экземпляромъ, завѣщая его тому, кто переживетъ остальныхъ. Такимъ последнимъ экземпляромъ обладалъ д-ръ Picher-Granchamps, почетный членъ академіи наукъ въ Парижь, и передаль его президенту коммисіи, назначенному для изследованія магнетизма въ 1826 г. Документь этотъ много способствоваль благопріятному отзыву коммисін, какъ мы увидимъ впоследствіи.

Кому неизвёстно значеніе ученія о магнетизмё во всемъ его объемѣ, тотъ можетъ удивиться осторожности и таинственности Месмера и его учениковъ. Думаю, что новѣйшія открытія гипнотизма, о которомъ поговоримъ дальше, уяснять это отчасти.

По окончаніи курса, ученики вступали въ такъ назы-

ваемыя Гармоничныя Товарищества въ Парижѣ, Ліонѣ, Страсбургѣ и другихъ городахъ Франціи. Ни одинъ изъ нихъ не ропталъ на то, что ему пришлось дорого заплатить за тайны новой науки. Единственнымъ спорнымъ вопросомъ между ними и Месмеромъ былъ пылъ, съ которымъ ученики желали заниматься пропагандой, противъ чего Месмеръ протестовалъ, опасаясь злоупотребленій, а также и изъ личныхъ побужденій. Счастливые случаи излеченій увеличивались съ каждымъ днемъ. Одинъ изъ націентовъ Месмера г. Mialle издалъ въ 1826 г. сочиненіе въ двухъ большихъ томахъ, въ которыхъ собраны случаи излеченія всевозможныхъ бользней, за подписью 200 докторовъ съ приложеніемъ документовъ и свидѣтельствъ лицъ, достойныхъ довѣрія.

Но очевидно и непріятели не дремали, газеты и журналы наполнены были разными насмѣшками на тему о магнетизмѣ. Такъ, напр., было напечатано, что извѣстный ученый Court-de-Gébelin, авторъ «Первобытнаго міра», «умеръ вылеченный магнетизмомъ». Острота эта, повторяемая понынѣ недобросовѣстными авторами, не имѣла основанія, такъ какъ, во 1-хъ, 5 врачей подтвердили, что ученый этотъ 20 лѣтъ страдалъ болѣзнью почекъ и жить не могъ, а во 2-хъ, онъ умеръ годъ спустя послѣ леченія магнетизмомъ, отъ котораго послѣдовало значительное временное улучшеніе.

При такомъ положеніи вещей правительство не могло оставаться пассивнымъ и посл'єдовало назначеніе коммисіи для изсл'єдованія магнетизма. Волей неволей ученые должны были заняться возмущающею ихъ консерватизмъ новостью и мотивировать собственныя сужденія.

Въ составъ этой коммисін рядомъ съ врачами-чиновниками вошли ученые, пользующіеся изв'єстностью какъто: астрономъ (Bailly) Бальи (онъ долженъ былъ представить отчетъ), Франклинъ — изобрътатель громоотводовъ, Лавуазье-реформаторъ въ химін, Guillottin-придумавшій гильотину и Jussien—великій ботаникъ. Имѣн въ виду гласность этого акта и чтобы ослабить отпоръ. обратились не къ Месмеру, а къ d'Eslon'у, противъ чего Месмеръ протестовалъ, ссылаясь на то, что d'Eslon не имъль такой опытности, чтобы освътить вопросъ со всъхъ сторонъ. Это, однако, ни къ чему не послужило. Впрочемъ большинство членовъ коммисіи имѣли предвзятое мнѣніе и дѣло шло о томъ, чтобы сгруппировать факты и придать всему форму научной аргументаціи. Въ этомъ проявилъ свой талантъ составитель отчета Бальи, говорю таланть, такъ какъ онъ пустилъ въ ходъ всв аргументы, какіе только можно было привести, чтобы осм'вять магнетизмъ, сохраняя видимость спокойнаго академическаго безпристрастія. Тамъ есть удачныя замѣчанія, очень остроумныя критическія наблюденія. Кром'в того, Бальи оттениль очень основательно вліяніе психики на тыло, которое Месмеръ, проникнутый своей механической тенденціей, оставиль безъ вниманія. Очевидны также предубъждение и нежелание понять того, что тонкіе опыты требують соотв'єтственных условій, что, желая постигнуть новую истину, нужно держаться угла зрѣнія автора, такъ сказать слѣдовать за нимъ, а не противиться ему на каждомъ шагу. Коммисія объяснила всѣ явленія, демонстрируемыя d'Eslon'омъ, слъдствіями «воображенія, подражанія и прикосновенія». Эти три

агента стали вдругъ всемогущими, во изб'ежание допущенія новаго діятеля. Если субъекть засыналь во время магнетизированія, то, віроятно, отъ скуки; если ему было жарко, то это потому, что навърное онъ передъ этимъ много ходилъ; если женщина испытывала ощущение удушія, то это оттого, что она, віроятно, была затянута; если съ ней делались конвульсіи, то конечно она подражала другой и т. п. «Толпа поддается действію воображенія», говорять члены коммисіи, «въ толив люди больше подчиняются чувству, чемъ каждый по одиночке, разуми тогда менте активень». Это самое мнвніе можно бы отнести и къ членамъ коммисіи. Но всего забавнъе то, что увлекшись отрицаніемъ магнетизма и его врачебной силы, они выражають сомнине даже относительно пользы самой медицины; они приписываютъ все натуръ, высказываются противъ злоупотребленія лекарствами и даже противъ ихъ употребленія «тамъ, гдъ бользнь идетъ своимъ чередомъ». Это одно уже дълаетъ для насъ ценнымъ этотъ отчетъ, въ особенности, когда мы примемъ во вниманіе, что онъ быль составленъ въ эпоху полифармаціи. Въ окончательномъ заключеніи отчета говорится, что «магнетизмъ не существуетъ».

Доктора—члены коммисіи не ограничились этимъ: они составили другой рапортъ не гласный, о которомъ публика не должна была знать, долженствовавшій воздержать правительство отъ покровительства новому методу. Въ этомъ рапорть говорилось безъ околичностей, что магнетизмъ (не существующій) средство рискованное и вредное. Это, говорять они, «искусство вызывать конвульсіи», магнетизмъ раздражаеть нервную систему, а

потому не можеть имъть свойствъ успокаивающихъ. Почтенные академики забыли о томъ, что средства успокаивающія въ извъстныхъ дозахъ, въ другихъ опредъленныхъ дозахъ возбуждаютъ нервную систему. Что касается успъховъ леченія магнетизмомъ, то члены коммисіи ничего не могутъ сказать объ этомъ, потому что они не увърены въ томъ, что одновременно не были примъняемы другія средства секретнымъ образомъ, и то надо сказать, что поправленіе здоровья могло быть также слъдствіемъ прекращенія лекарствъ, злоупотребленіе которыми такъ часто приноситъ явный вредъ.

Этотъ негласный рапортъ подписали Poissonier, Caille-Mauduyt и Andry. Имена ихъ не переданы потомству; въ этомъ отношеніи жертва ихъ была счастливъе.

Другой негласный рапортъ написалъ Bailly, оспаривая также пользу прим'вненія магнетизма; при этомъ онъ обращалъ вниманіе на его безнравственность. «Общественное мнівніе, говоритъ Вальи, свид'єтельствуетъ, что ни у d'Eslon'а, ни у Месмера случаевъ излеченія не было». Это была ложь, недостойная великаго ученаго. Судьба вскор'є покарала его. Н'єсколько лівтъ спустя, во время террора, Бальи самъ долженъ былъ предстать предъ трибуналомъ бол'є суровымъ, чімъ тотъ, къ которому онъ призывалъ Месмера. Революціонный трибуналь приговорилъ его къ смерти. Въ ненастный, холодный день влачили его по улицамъ на гильотину; разнузданная толпа бросала въ него грязью и оскорбленіями и одинъ только челов'єкъ, рискуя собою, съ уваженіемъ сняль шляпу. Этотъ челов'єкъ былъ Месмеръ.

Было бы очень грустно, если бы изъ нъсколькихъ

извёстныхъ ученыхъ, вошедшихъ въ составъ коммисіи, не нашлось ни одного способнаго стать выше рутины и предубъжденій, обусловливаемыхъ страстями и личными отношеніями. Одинъ изъ членовъ коммисіи, знаменитый ботаникъ Jussieu, не пожелалъ подписать ни одинъ изъ вышеупомянутыхъ рапортовъ, но самъ представилъ правительству ранортъ votum separatum. Jussieu (Жюсье) отчасти раздъляеть мнъніе коллегь относительно вліянія воображенія, подражанія и прикосновія, но вм'вст'в γ съ тимъ присоединяетъ перечень опытовъ, продъланныхъ имъ самимъ, свидетельствующихъ о существовании особеннаго физическаго центеля, не зависящаго отъ воображенія, подражанія и прикосновенія. Между прочимъ, онъ приводитъ такой фактъ: онъ усиливался вліять вытянутой рукой на женщину, лишенную возможности видъть, и притомъ на разстояніи 6-ти футовъ при такихъ условіяхъ, что она не могла догадаться о производимомъ надъ нею опыть, между тъмъ получалось всегда одинаковое опредъленное дъйствіе. Jussieu не берется самъ разрѣшить вопросъ, но рекомендуеть дальнѣйшее наблюденіе фактовъ и протестуетъ противъ легкомысленнаго скептицизма, парализующаго всякій прогрессъ. Онъ думаеть, что физическая сторона магнетизма сведется со временемъ къ дъйствіямъ тепловымъ и электрическимъ; этимъ онъ и объясняеть частью лечебные результаты этого метода. Результатовъ этихъ онъ вовсе не оспариваетъ, напротивъ, припоминаетъ, что во всв времена лечили наложениемъ рукъ и было бы желательно, говоритъ онъ, чтобы этимъ средствамъ чисто эмпирическимъ придали научную опредвленность. «Этоть методъ, гово-

ритъ онъ, представилъ бы двойную выгоду: во 1-хъ, позволяя направлять животную теплоту на ослабленный органъ, онъ въ то же время не повышаетъ температуру, какъ средства даваемыя внутрь, во 2-хъ, не отягощаетъ желудка введеніемъ чуждыхъ элементовъ». Къ этому мнѣнію великаго ботаника кстати будетъ присоединить мнѣніе еще двухъ великихъ людей тогдашняго времени, чтобы не подумали, что во всемъ научномъ мірѣ не нашлось никого, кто бы могъ прозрѣть высоту идеи Месмера.

Знаменитый зоологь Кювье такъ говорить о магнетизм'в въ своихъ лекціяхъ «Сравнительной анатоміи»: «Нужно признаться, что въ наблюденіяхъ надъ взаимодействіемъ 2-хъ нервныхъ системъ трудно отд'єлить вліяніе воображенія субъекта, надъ которымъ экспериментируютъ, отъ физическаго вліянія активно на него д'єйствующаго. Однако, опыты съ субъектами, лишенными сознанія до начала опыта, и подобныя же проявленія у субъектовъ, лишившихся сознанія во время опыта подъ вліяніемъ магнетизма, также опыты на животныхъ не допускаютъ сомн'єнія въ томъ, что близость живыхъ тёлъ при изв'єстныхъ условіяхъ и соотв'єтствующія движенія оказываютъ д'єйствіе реальное, независимое отъ участія воображенія».

Астрономъ и математикъ, еще болве извъстный чъмъ Bailly, Лапласъ, въ своемъ аналитическомъ трактать о теоріи въроятностей такъ отвъчаетъ на заключеніе коммисіи: «Явленія особеннаго разряда, обусловленныя исключительной впечатлительностью нервной системы единичныхъ субъектовъ, дали поводъ предположить существованіе новаго дъятеля, извъстнаго подъ именемъ жи-

вотнаго магнетизма. Легко понять, что дійствіе такого агента очень деликатно, слабо и можеть быть легко затемнено побочными обстоятельствами; изъ того, что во многихъ случаяхъ оно вовсе не проявляется, еще не слідуеть, что оно вовсе не существуеть. Мы далеки отъ возможности привести въ извістность всі діятели природы и ихъ различные способы дійствія, а потому ни одинъ философъ не можеть оспаривать существованіе явленія потому только, что оно не можеть быть объяснено нами при настоящемъ состояніи науки».

Таково должно быть отношение науки свободной отъ предубъждений.

II.

Къ исторіи гипнотизма.

Въ виду тайнъ, которыми Месмеръ обставлялъ свои опыты въ такъ называемомъ залѣ кризисовъ, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что послѣ него нужно было открывать заново то, что ему было хорошо извѣстно. Изъ этихъ открытій особенное значеніе имѣютъ два, такъ какъ они совершенно видоизмѣнили характеръ магнетизма, и составляютъ въ его исторіи отдѣльную эпоху.

Месмеръ не усыплялъ своихъ больныхъ, или скорѣе оберегалъ для себя и для нѣсколькихъ избранныхъ учениковъ своихъ тайны магнетическаго сна, если таковой безъ умышленнаго его вызыванія самъ проявлялся во время магнетизированія. Однако, изъ позднѣйшихъ свѣ-

деній и другихъ записокъ Месмера мы видимъ, что ему хорошо были извъстны различныя свойства этого состоянія, хотя было бы преувеличеніемъ сказать, что ему было извъстно все то, что нынъ извъстно.

Какъ бы то ни было, — два открытія первостепеннаго значенія были сділаны и опубликованы безъ его участія. Одно изъ нихъ сділано было его ученикомъ, другое — постороннимъ врачемъ. Цервое касается сомнамбулизма, второе — магнетической каталепсіи.

Марграфъ de Puységur, — одинъ изъ посъщавшихъ курсы Месмера — чрезвычайно симпатичная личность своего времени. Онъ отличался ръдкою гуманностью; этотъ «чародъй изъ Визапсу», какъ назвали его современники, сдълался благодътелемъ всей окраины; трезвый умъ, воспламеняющійся новыми идеями, честный, открытый характеръ, скромность относительно своихъ познаній, которыя, однако, были довольно обширны — таковы отличительныя черты Puységur'а. Занимая высокій постъ въ артиллеріи — начальника королевскихъ корпусовъ, онъ былъ смълъ и настойчивъ, когда дъло касалось защиты его убъжденій. Деревенское простодушіе этого филантропа - аристократа совмѣщалось съ солдатскою жилкою.

Между учителемъ и ученикомъ немного было общаго: Месмеръ, своеобразный метафизикъ, никогда не горячился, говорилъ мало, писалъ еще меньше и такъ сжато, что надо много разъ вчитываться, чтобы не пропустить чего нибудь первостепенной важности. Puységur же, будучи простымъ наблюдателемъ, всякія метафизическія трудности разсѣкалъ саблей; всегда откровенный, онъ

писалъ много, разсказывая и балагуря, не жалвя времени и бумаги. Онъ не могъ понять ограниченій Месмера; по его мнівнію, хорошая вещь должна быть всюду разглашаема, не принимая въ соображеніе, употребить ли ее кто во зло или нівтъ.

Возвратившись въ свои богатыя помѣстья въ окрестность Суасона, онъ только и думалъ о томъ, какъ бы перейти отъ теорій, которыхъ не любилъ, къ практикъ.

«Не могу удержаться—писаль онъ 8-го марта 1784 г. къ одному изъ членовъ гармоническаго товарищества, чтобы не описать теб'в мои опыты, которыми я занимаюсь въ своемъ имвніи. Я такъ возбужденъ, что почти замечтался и чувствую потребность отдыха, покоя; думаю облегчить себя, написавъ тому, кто можетъ понять меня. Осуждая энтузіазмъ отца Гервье, я быль далекъ тогда отъ пониманія его, и нынь я не одобриль бы его, но вполнъ оправдаль бы... О, какъ я желаль бы, чтобы всь, занимающиеся подобно мнь животнымъ магнетизмомъ, могли хладнокровно взвешивать и подвергать оцънкъ поразительные результаты нашихъ наблюденій! Необходимо спокойствіе, надо владіть собою, слідуя примъру Месмера. Въ самомъ дъль, нужно большое усиліе воли, чтобы не потерять голову, следуя за чрезвычайными и благодътельными результатами, которыхъ можно добиться съ честнымъ сердцемъ и любовью къ добру, при посредств' магнетизма. Но перейдемъ къ фактамъ.

«Посл'в десятидневнаго отдыха въ деревн'в я занимался только своимъ садомъ. Случайно я зашелъ къ управляющему. У его дочери больли зубы до сумасшествія.

Шутя, я спросиль ее, хочеть ди она, чтобы я ее вылечиль? Она согласилась, и я началь ее магнетизировать; едва прошло минуть десять, какъ она сказала, что боль совершенно прошла и не возвращается болье.

«На другой день такимъ же способомъ и одинаково легко я вылечиль зубную боль у жены моего сторожа. Этотъ маленькій успъхъ побудилъ меня испытать, не смогу ли я помочь одному крестьянину, лътъ 23-хъ, который уже 4 дня страдаль воспаленіемъ легкихъ. Я навъстилъ его прошлый вторникъ, 4-го числа этого мъсяца въ 8-мъ часовъ вечера. Жаръ у него уже уменьшался. Я вельль ему присъсть и началь его магнетизировать. Каково же было мое удивленіе, когда по истеченіи четверти часа онъ преспокойно уснулъ, безъ всякихъ бользненныхъ проявленій и конвульсій. Я продолжаль поддерживать «кризисъ» (это значитъ, что онъ продолжалъ магнетизировать), это вызвало у него родъ «білой горячки» (бредъ); онъ говорилъ самъ съ собою громко о своихъ дёлахъ. Когда я зам'вчалъ, что мысли его принимали мрачную окраску, то я ихъ перерывалъ и наталкивалъ на болве веселыя. Этого достигнуть было нетрудно; онъ повесельлъ сразу, воображая, что стрыляеть въ цель на призъ, что танцуетъ на свадьбе и т. п. Я поддерживалъ въ немъ это настроеніе и побуждалъ его къ движеніямъ въ креслі, какъ будто бы онъ танцовалъ подъ музыку, которую я только мысленно напфвалъ, а онъ громко повторялъ мотивъ. Такимъ образомъ я вызвалъ у него испарину (это всегда бываетъ при магнетизированіи, если натура того требуеть безъ всякой гимнастики). Часъ спустя послѣ «кризиса» (усыпленія), я успокоиль его (разбудиль) и вернулся домой. Ему дали пить; я вельть послать ему хльба и бульона, и онъ вль въ первый разъ, какъ забольть, не ввши передъ этимъ въ теченіе 5-ти дней. Всю ночь онъ спалъ какъ убитый (магнетизированіе, обыкновенно, улучшаетъ сонъ; чёмъ на большее время кто усыпленъ, тёмъ крёпче у него является послё того нормальный сонъ). На другой день онъ чувствовалъ себя прекрасно. О моемъ визить онъ ничего не помнилъ.

«Въ посл'вдующіе дни возобновился только ознобъ, но онъ легко уступалъ могущественному д'вйствію магнетизма.

«Другой молодой человъкъ, 17-тилътъ, заболълъ третьяго дня приступомъ лихорадки съ сильной головной болью. Я началъ магнетизировать его, но впродолжение цълаго дня мнъ не удавалось облегчить его; вчера утромъ успокоилась головная боль; однако, послъ моего ухода возвратилась снова. Только вечеромъ мнъ удалось его усыпить. Но ночь онъ провелъ тревожно; сегодня утромъ я снова его успокоилъ, но, просто, хоть не отходи отъ него, — когда онъ просыпается, а меня нътъ, то боль появляется вновь (слъдовало усыпить его на болъе продолжительное время, но Пюнсегюръ боялся уйти, не разбудивъ его).

«Дѣвушка, 26-ти лѣтъ, страдавшая лихорадкой уже нѣсколько мѣсяцевъ съ болью желудка и головы, а также болѣзнью почекъ, сейчасъ же почувствовала облегченіе и проч. и проч.

«Признаюсь, я внѣ себя отъ радости, что могу дѣлать столько добра. Я могъ бы опасаться только за собствен-

ное здоровье, такъ какъ живу черезъ-чуръ интенсивно, если можно такъ выразиться».

Нѣсколько дней спустя у Пюисегюра насчитывалось уже 130 больныхъ; онъ помѣщалъ ихъ подъ намагнетизированнымъ имъ деревомъ. Одинъ изъ скептиковъ, изъ любопытства поѣхавшій въ Бузанси посмотрѣть, что тамъ дѣлается, такъ описываетъ свои впечатлѣнія:

«Представьте себ'в деревенскую площадь, по средин'в которой стоить огромный вязъ. Подъ вътвями его течетъ прозрачный источникъ. Дерево это древнее, но полное еще жизненной силы и зелени; издавна жители страны чтутъ его; подъ нимъ они собираются въ праздничные дни — утромъ на совъщание, — вечеромъ на танцы. Дереву этому Пюпсегюръ придаль лечебныя свойства. Вольные, держась за руки, располагаются кругомъ, а окружающая ихъ цёнь соединяется съ деревомъ... Учитель выбираетъ между ними боле воспримчивыхъ (къ магнетизму) и дъйствуетъ на нихъ прикосновеніемъ или приближеніемъ желізнаго прута; тогда у этихъ больныхъ наступаетъ кризисъ (т. е. сомнамбулизмъ), во время котораго физическія ихъ силы какъ будто усыплены, а умственныя, обратно, въ напряженномъ состоянін; глаза у нихъ закрыты, они ничего не слышатъ, кромъ голоса учителя. Посторонніе не должны прикасаться къ нимъ, даже прикосновение къ ихъ кресламъ раздражаетъ ихъ и вызываеть у нихъ конвульсіи, которыя только учитель можеть успокоить. Больныхъ этихъ въ состояніи кризиса зовутъ лекарями, потому, что у нихъ проявляется какъ бы сверхъестественная способность распознаванія чужихъ бользней при прикосновеній рукой къ

больнымъ. Даже черезъ одежду они чувствуютъ больной органъ и назначаютъ бол'ве или менве удачныя средства.

«Я позволиль дотронуться къ себъ одному изъ такихъ лекарей, женщинь, льтъ 50-ти. Я никому не говорилъ о своей бользни. Сомнамбула подержала руку надъ моей головою и сказала мнѣ, что она часто болить у меня и что, при этомъ, я чувствую шумъ въ ушахъ,—это была правда. Одинъ молодой человъкъ, съ недовъріемъ наблюдавшій это, хотіль тоже испытать на себі; она сказала ему, что онъ страдаетъ желудкомъ со времени тяжелой бользни, которую онъ перенесъ нъсколько льтъ тому назадъ, и онъ подтвердилъ это. Неудовлетворенный этимъ, онъ пошелъ дальше къ другому лекарю, шаговъ за 20-ть, -- тотъ сказалъ ему то же самое. Трудно изобразить недоум'вніе, выражавшееся на лиців молодаго человька, пришедшаго только посмъяться, а не съ цѣлью убѣдиться. Удивительные всего то, что лекаря эти, разсуждавшіе съ больными по 4 часа и изслідовавшіе ихъ, ничего не знали и не помнили съ той минуты, когда учитель ихъ привелъ ихъ въ обычное состояніе».

Возможно ли такое прозрвніе бользней въ сомнамбулизм'в?.. Да, возможно; только не надо придавать этому чрезм'врнаго значенія. Изъ лицъ, поддающихся усыпленію, только н'вкоторыя им'вютъ это свойство; но и они распознаютъ бользнь не всегда удачно. Такъ что къ практик'в такіе діагнозы прим'внены быть не могутъ.

Со времени этихъ открытій Пюисегюра магнетизмъ совершенно перемѣнилъ направленіе. Не сверхъестественныя, правда, но чрезвычайно-изумительныя проявле-

нія сомнамбулизма сосредоточили на себѣ все вниманіе: вмѣсто того, чтобы лечить простымъ естественнымъ методомъ Месмера, начали стремиться къ развитію сомнамбулъ и продѣлыванію съ ними всякаго рода чудесъ.

Пюисегюръ сознавалъ, что явленія эти необыкновенны и повърить имъ трудно, поэтому онъ боялся разглашать ихъ, чтобы не подвергнуться осмъянію. Вышеупомянутое письмо его не предназначалось для печати. Нъсколько мъсяцевъ спустя собственная въра его въ дъйствительность этихъ явленій укрѣпилась, но онъ все еще не рисковалъ задівать ученыхъ. Первое свое сочиненіе, которое представляеть перечень опытовь въ Бузанси: «Mémoires pour servir à l'histoire et à l'établissement du magnétisme animal» 1784 г. онъ издалъ (не указано мѣсто, -- должно быть въ Лондонѣ) лишь въ маломъ количествъ экземиляровъ и не назначилъ для продажи, а розослалъ только своимъ коллегамъ, т. е. бывшимъ ученикамъ Месмера, съ напечатаннымъ письмомъ, въ которомъ говоритъ, что пишетъ исключительно для магнетизеровъ, потому что не настало еще время для опубликованія этого; онъ просить, чтобы даже тоть, кто получитъ такой экземиляръ, никому не передавалъ его. Я опубликую это тогда, — добавляетъ авторъ, когда по крайней мёрё 50-тъ магнетизеровъ подтвердять мои наблюденія. Иначе напрасно было бы убъждать техъ, кто не видалъ ничего подобнаго. Вскоръ болъе 50-ти магнетизеровъ подтвердили дъйствительность описываемаго имъ, и тогда онъ выпустилъ въ светъ другія свои замътки въ 1785 г.

Другое открытіе, о которомъ я упоминаль, было сдѣлано 3 года спустя послѣ Puiségur'a ліонскимъ д-ромъ Пететеномъ. Любопытно то, что оно было сдѣлано совершенно случайно человѣкомъ, которому и не снился магнетизмъ, который и не радъ былъ тому, что видѣнное имъ вынуждаетъ его помимо воли къ признанію магнетизма, осмѣяннаго учеными корпораціями.

Рететіп быль лучшимъ врачемъ своего времени и пользовался громкой славой (президентъ ліонскаго общества врачей, членъ мёстной академіи); онъ дорожилъ своимъ положеніемъ, а потому въ первомъ его трудё слово «магнетизмъ» даже не упоминается. Слёдующая исторія выяснитъ намъ, какъ не разъ добросов'єстный врачъ рискуетъ жизнію паціента, потому только, что не знаетъ о магнетизмѣ, и какъ спасеніе больнаго можетъ зависёть отъ нёсколькихъ прикосновеній рукой, которыми иногда врачъ безсознательно и помогаетъ.

23-го декабря 1786 г. Пететенъ былъ вызванъ къ больной молодой женщинѣ, съ которой послѣ сильныхъ конвульсій сдѣлался обморокъ и она упала безъ чувствъ. Пульса у ней почти не было, дыханіе казалось прерваннымъ, щеки и губы поблѣднѣли, глаза подкатились, тѣло было холодное и влажное, животъ вздутъ.

Это былъ случай летаргіи.

Что въ такомъ пменно случав двлалъ бы магнетизеръ? Онъ началъ бы магнетизировать движеніями и легкимъ растираніемъ рукой вдоль твла, чтобы «войти въ общеніе» (en rapport) съ больной; потомъ, не прерывая спасительнаго въ такихъ случаяхъ сна, онъ перевелъ бы летаргическое состояніе въ сомнамбулическое,

чтобы распросить больную, зная, что, овладывь ея организмомъ посредствомъ произведенныхъ имъ движеній, онъ сможетъ въ каждую данную минуту разбудить ее дуновеніемъ. Что же сдылаль врачь?

Пететенъ, какъ всякій другой, зналь только то, что онъ обязанъ привести въ чувство больную, т. е. разбудить ее. Онъ началъ съ растираній горячими салфетками, потомъ давалъ нюхать нашатырный спиртъ, уксусъ, assa foetida, жегъ перья, прикладывалъ къ ногамъ раскаленное желѣзо, кричалъ на ухо. Ничего не дѣйствовало. Онъ приказалъ приготовить промывательное изътабаку, и намѣревался погрузить больную въ холодную воду со льдомъ.

Между тъмъ, изслъдуя сердце и ощупывая кожу, онъ безсознательно ее магнетизировалъ. Когда онъ началъ дълать движенія ея рукой для возбужденія циркуляціи и поднялъ ея руку вверхъ, то онъ удивился, что рука ея осталась неподвижной въ воздухъ.

Вольная была въ каталепсіи.

Она начала пѣть; нельзя было удержать ее, потому что она ничего не слышала. Пететенъ прибѣгалъ къ разнымъ средствамъ, но все было напрасно. (Онъ не зналъ, что надо было приложить руку къ подложечной ямкѣ, для того, чтобы она слышала его). Онъ ушелъ, но черезъ минуту его позвали опять, такъ какъ у больной снова повторились конвульсіи. Не долго думая, Пететенъ посадилъ больную въ одеждѣ въ холодную ванну со льдомъ. Прикосновеніе безсознательнаго магнетизера успокоило ее моментально, но холода она не чувствовала.

— Что это такое, спрашиваетъ она д-ра, что это плаваетъ около меня?

- Это ледъ.
- Вы вірно съума сошли, чтобы купать меня такимъ образомъ въ декабрів?
  - А развѣ вамъ холодно?
  - Нтть.
- Ну, такъ когда станетъ холодно, тогда васъ и вынутъ изъ воды.

Когда 22 минуты спустя онъ замѣтилъ у нея дрожь, онъ велѣлъ скорѣе вынуть больную изъ воды и перемѣнить на ней одежду; разумѣется, охлажденіе кожи вызвало, какъ реакцію, приливъ крови и возвратъ конвульсій, и каталенсія возобновилась. Снова безуспѣшно испробовавъ нашатырный спиртъ и проч., докторъ приготовилъ промывательное изъ табаку; вдругъ больная начала пѣть. «Я пережидалъ, говоритъ Пететенъ, потому что люблю выжидать нассивно, когда сама природа пробуждается и можетъ найти исходъ». Онъ только старался удержать больную отъ пѣнія и чуть не задушилъ ее. Ничего не помогало.

- Что это за наказаніе, сказаль онь, я никакь не могу успокоить эту женщину! говоря это, онь покачнулся на стуль и послыднія слова уже произнесь упавь на больную, такь что его лицо касалось ея груди.
- Эхъ, г. докторъ, сказала она, не сердитесь, я перестану пъть.

Онъ пробуетъ говорить съ нею опять, она не отвъчаетъ. Наконецъ, онъ пробуетъ говорить въ томъ самомъ положенія, какъ и прежде, только громче.

— Ахъ, какъ вы мнѣ повредили, возможно ли такъ кричать. Говорите тише!

Онъ началъ говорить тихо и больная отлично его слышала, если онъ рукой касался ея тёла, и не слыхала ничего, если онъ только кричалъ ей на ухо.

Первый шагъ былъ сдёланъ; нашъ безсознательный магнетизеръ зналъ уже, какъ войти въ общение (rapport) съ больной. Теперь нужно было лечить.

У больной была адская головная боль отъ вышеупомянутой ванны. Следовало подержать руки на голове, и головная боль прошла бы, но Пететенъ этого не зналъ и для того, чтобы отвлечь кровь отъ головы, вел'влъ приставить ей за уши 52 піявки и поить больную ячменной водой. На случай, если бы появились конвульсін, онъ вел'яль посадить ее въ холодную ванну и, наконець, велель держать ее въ холодной комнать безъ печей. Всв эти средства поддерживали бользнь; больной делалось все хуже, она не могла ничего есть, все выходило назадъ рвотой, приступы стали чаще и дольше. Обнаружилось начало умопом'вшательства. Пететенъ не только не велёлъ топить печь, но даже отворялъ окна, удивляясь, что горячка не проходить. Наконець, бросилъ всь средства, видя, что все напрасно. Однажды, когда онъ старался разгадать болёзнь, ему пришло въ голову, что эти приступы каталепсіи должны быть следствіемъ накопленія электричества въ головѣ и въ области желудка, и что если бы можно было уменьшить количество электричества, то приступы прекратились бы. Забавная мысль, хотя, какъ увидимъ, она привела его къ открытію. Онъ вообразиль, что, вдыхая воздухъ передъ носомъ больной, онъ отниметъ отъ нея этотъ избытокъ электричества. Съ этою целью онъ оперся руAn Maria

кою о ея голову, а самъ передъ ея лицомъ вдыхалъ воздухъ; дъйствія не оказывалось никакого, но неудобная поза вынудила его опереться и другою рукою, и онъ положиль ее на желудокъ больной. Такимъ образомъ. онъ безсознательно действоваль какъ магнетизеръ, т. е., какъ говорятъ, «вошелъ въ общение съ больной» («гарport»). Посл'в перваго вдыханія рука больной, до этой минуты недвижимая, пошевельнулась и больная открыла глаза, но они были еще безъ блеска и неподвижны (больная перешла изъ каталепсіи въ сомнамбулизмъ); при второмъ вдыханіи глазамъ ея вернулся естественный блескъ и больная пришла въ чувство. Такимъ образомъ приступъ, продолжавшійся обыкновенно 2 часа, былъ совершенно устраненъ впродолжение 2 минутъ; изъ этого следуетъ, что больная страдала 2 месяца, во первыхъ, вследствіе болезни, во вторыхъ, отъ употребленія противныхъ натурѣ средствъ, какія указывала патентованная наука, потому только, что врачъ не зналъ, что въ такихъ случаяхъ нужно приложить руку и дунуть √ въ глаза.

Въ слѣдующіе дни Пететенъ убѣдился, что не втягиваніе воздуха, но невольное дуновеніе было причиной пробужденія, и что это средство было дѣйствительно; нужно сначала положить руку на голову и на желудокъ. Съ этой минуты онъ овладѣлъ болѣзнью; когда каталепсія проявлялась, онъ прерывалъ ее немедленно, и недѣлю спустя приступы прекратились.

«Такое простое средство, говоритъ Пететенъ, между тъмъ польза отъ него такъ очевидна, какъ таинственна причина; я практиковалъ его до совершеннаго прекращенія приступовъ, и могу сказать безошибочно, что оно приносило действительную пользу въ борьбе съ этой не совсемъ безопасной формой каталепсіи».

Какъ вы думаете, открытіе Пететена обратило вниманіе врачей?

Нетъ, надъ нимъ сменлисъ.

Спустя 68 лѣтъ послѣ Пететена, это самое открытіе и при этихъ же условіяхъ сдѣлалъ д-ръ Puel и спасъ жизнь нѣсколькимъ больнымъ, потерявшимъ здоровье отъ употребленія лекарствъ. Академія наградила его, потому что Puel былъ такъ прозорливъ, что ни разу не употребилъ выраженія «магнетизмъ».

Думаете ли вы, что Puel'я слушали больше, чёмъ Пететена?

Это иллюзія. Никто не понималь, о чемъ идеть рѣчь. Спустя 26 лѣть послѣ Пюэля, пр. Charcot «открыль» «гипнотическую каталепсію» (магнетическую).

Слушали ли Charcot?

Да, толпы д-ровъ съвзжались въ Парижъ присмотреться къ его опытамъ, а вернувшись домой, прописывали бромистый калій... по методу Шарко...

Какъ же прикладываніе руки могло бы помочь въ такой тяжкой бользни, если мушки, ванны со льдомъ, сильная электризація и цілыя пачки ядовъ не помогаютъ?

Кто такъ лечитъ — шарлатанъ.

Кто поддерживаетъ такимъ образомъ болезнь — сторонникъ «здравой» медицины.

Когда больная Пететена въ припадкахъ сомнамбулизма страдала галлюцинаціями, когда ей цёлые долгіе часы представлялся тигръ или какое-то чудовище, готовое пожрать ее, Пететенъ ломалъ себѣ руки и шагалъ нетерпъливо по комнатѣ, удивляясь, что піявки не помогають. Онъ не зиалъ, что въ этомъ состояніи на больнаго дѣйствуетъ «уговариваніе», посредствомъ котораго можно измѣнить галлюцинацію или даже вовсе прекратить ее (какъ это дѣлалъ Пюисегюръ).

Но Пететенъ имълъ оправданіе, котораго не имъютъ теперешніе врачи: «внушеніе» не было еще извъстно.

Первый, открывшій «внушеніе», или, по крайней мѣрѣ, освѣтившій это явленіе, быль монахъ Фаріа изъ Португаліи.

Эта личность въ высшей степени оригинальна.

Фаріа прибылъ изъ Индіи въ Парижъ въ 1814 г. и устроилъ у себя дома публичныя чтенія и опыты.

Прежнія теоріи магнетизма допускали или д'яйствіе міроваго флюида, или д'яйствіе магнетическаго и нервнаго тока, или д'яйствіе топлоты и электричества, или вліяніе воли и в'яры, или, наконець, д'яйствіе воображенія безъ ближайшаго опред'яленія его проявленія. Фаріа стоить совершенно на другой точк'я зр'янія: онъ все объясняеть предрасположеніемъ паціента и вліяніемъ слова посредствомъ индивидуальнаго д'яйствія «мозга паціента на его т'яло».

«Прибывъ въ Парижъ послѣ войны въ 1815 г.,—пишетъ генералъ Noizet (впослѣдствіи сторонникъ магнетизма) — я узналъ, что индійско-португальскій монахъ даетъ у себя магнетическіе сеансы. Я пошелъ къ нему и засталъ въ его салонѣ лучшее общество. Въ особенности много было дамъ; прежде чѣмъ цѣло дошло до опытовъ, нужно было слушать пѣлый часъ малопонят-

ную речь высокаго старца съ меднымъ цветомъ кожи фигура у него была странная, и говорилъ онъ на очень скверномъ французскомъ языкѣ. Фаріа предупредилъ прежде всего, что онъ не обладаетъ никакой особой магнетической силой, что онъ не оказываетъ никакого личнаго вліянія, что вызываемыя имъ явленія обусловливаются исключительно способностью паціента и его организаціей. Потомъ онъ производилъ опыты на 8-10 субъектахъ изъ публики, изъ нихъ 1-2, а иногда и больше, склонны были къ сомнамбулизму. Одни изъ зрителей выходили отъ него съ сомниніемъ въ души, подозрѣвая фокусничество и шарлатанство; они не возвращались болье. Другіе, искавшіе только развлеченія, находили, что это занимательно, и больше не думали объ этомъ. Только немногіе обращенные удивлялись и недоумъвали. Что касается меня, то я пришелъ съ желаніемъ узнать новое, я слушалъ и присматривался съ полнымъ вниманіемъ. Вскорів я убіндился, что сообщенія нашего чудотворца, помимо странной формы изложенія мистическихъ идей, заключали въ себв глубокій смысль и много новыхъ истинъ. Самъ онъ произвелъ на меня впечатлиніе убъжденнаго человика; такое же впечатлиніе производили и лица, участвовавшія въ сеансахъ. Я тоже сдълался участникомъ ихъ и тоже ушелъ убъжденнымъ въ дъйствительности явленій, приписываемыхъ животному магнетизму».

Нуазеть началь производить опыты самъ, и когда ему удалось усыпить одного молодаго офицера, онъ укрѣпился въ своей вѣрѣ.

Какимъ же способомъ действовалъ Фаріа?

Онъ вліялъ исключительно «приказаніемъ» и «уговариваніемъ». Испытывая субъекта, онъ приказывалъ ему
сидёть спокойно, становился передъ нимъ и нёсколько
минутъ неподвижно всматривался въ него; потомъ громкимъ голосомъ говорилъ— «сии». Это испытываніе онъ
повторялъ до 3-хъ разъ; послё этого онъ признавалъ
субъекта невпечатлительнымъ. Случалось, однако, что
паціентъ засыпалъ. Тогда Фаріа тоже приказаніемъ лишалъ его способности говорить, чувствовать, двигаться,
вызывалъ у него галлюцинацію чувствъ, приказывалъ,
напр., ёсть картофель вмёсто груши, уничтожалъ или
усиливалъ обоняніе и, наконецъ, будилъ паціента тоже
приказаніемъ.

Генералъ Нуазетъ не уснулъ, но испытывалъ во время опыта особыя ощущенія, которыя такъ описываетъ: «Когда, закрывъ глаза, я услыхалъ приказаніе «спи», то, несмотря на то, что я ожидалъ этого, мнѣ показалось, будто темное покрывало упало на меня, я чувствовалъ состояніе безсилія и отяжельнія, которое, однако, не перешло въ сонъ; при этомъ я испытывалъ сжатіе желудка и потъль. Но черезъ минуту я совершенно отрезвился и пришелъ въ себя. Повторенное приказаніе вызывало то же дъйствіе, но безъ усыпленія. Посль опыта я чувствоваль отяжельніе въкъ, и не могъ открыть ихъ, пока не приказалъ Фаріа».

Сообщенія нашего брамина забавляли Парижъ довольно долго. Ни одинъ ученый не посвятиль себя изслідованію этого вопроса.

Одинъ весельчакъ хотълъ посмъяться надъ старцемъ; актеръ по призванію, онъ легко выучился подражать

«сенситивамъ», и по командѣ фаріа исполнялъ его требованія лучше другихъ. По окончаніи опыта онъ объявилъ, что все это было притворно. Газеты повторяли этотъ фактъ, и въ продолженіе 3-хъ дней Парижъ забавлялся «разоблаченіемъ шарлатана»; на 4-й день всѣ о немъ забыли. Даже тѣ, на которыхъ онъ оказывалъ вліяніе, утверждали, что они забавлялись на чужой счетъ, опасаясь, чтобы ихъ не заподозрили въ соглашеніи съ «обманщикомъ».

Одинъ Нуазеть не отказался отъ своихъ наблюденій, и позже издалъ цённый трудъ о сомнамбулизмѣ, пользуясь указаніями Фаріа. «Нѣсколько мѣсяцевъ спустя,— пишетъ онъ — я засталъ бѣднаго монаха въ полномъ одиночествѣ; всѣ отъ него разбѣжались. Онъ писалъ тогда сочиненіе, и предполагалъ, что оно составитъ четыре тома. Онъ просилъ меня объ исправленіи его рукописи. Задача была не легкая, потому что старецъ упорно держался своихъ выраженій. При томъ же я долженъ былъ покинуть Парижъ, и оставилъ его на произволъ судьбы. Вскорѣ Фаріа умеръ, успѣвъ издать только первый томъ.

Спустя 36 лётъ послё Фаріа, явленіе «внушенія» открыль Braid. Но никто его не слушаль. По прошествіи 24-хъ лётъ то же самое открыль Liébault. Но никто его не читаль. Наконець, 16 лётъ спустя послё д-ра Liébault, проф. Бернгеймъ сдёлаль всеобщимъ достояніемъ свою «теорію внушенія», и съ тёхъ поръ она признана большинствомъ ученыхъ.

Нельзя, однако, сказать, чтобы опыты Фаріа не оказали изв'єстнаго вліянія. Сотни лиць, которыхь ему удалось усыпить въ продолжение нѣсколькихъ мѣсяцевъ, заинтересовали общество. Два года спустя, а именно—въ 1819 году, публичныя лекціи о магнетизмѣ Бертрана, д-ра парижскаго факультета, привлекли толпу слушателей. Успѣху его много содѣйствовало соч. Делёйза (Deleuze) «Исторія магнетизма и его критика» (1813 г.), написанная съ большимъ тактомъ и спокойствіемъ, вышедшая во многихъ изданіяхъ французскихъ и иностранныхъ, а также трудъ бр. Кювилье (de Cuvilliers), которыхъ какъ Бертрана и Нуазета, можно считать учениками Фаріа.

Вольше всего, однако, надѣлали шума опыты въ госпиталяхъ (1820 г.). Начало ихъ было слѣдующее. Въ одномъ обществѣ, состоявшемъ преимущественно изъ докторовъ, смѣялись надъ магнетизмомъ. Одинъ докторъ, по имени (Husson) Гюссонъ, молчалъ; онъ былъ самый солидный въ этомъ собраніи; спросили его мнѣніе. «Я не знакомъ съ магнетизмомъ, отвѣчалъ онъ;—вотъ все, что я могу сказать о немъ, но думаю, что этотъ вопросъ не такъ простъ, какъ вы полагаете, и, если бы мнѣ представился случай познакомиться съ нимъ, признаюсь, я приступилъ бы къ нему безъ предубѣжденія».

Этотъ отзывъ д-ра Гюссона дошелъ до молодаго студента медика Дюпотета (du Potet), который впослъдствін былъ однимъ изъ главныхъ столновъ магнетизма; онъ тогда уже обладалъ нъкоторыми познаніями въ этой области.

На другой же день молодой человъкъ явился въ госпиталь Hotel-Dieu, въ которомъ д-ръ Гюссонъ былъ главнымъ врачемъ, и съ готовностью вызвался магнетизировать больных съ цёлью убёдить докторовъ заведенія въ дёйствительности этих явленій.

Его приняли съ высокомфрной усмѣшкой. Одинъ Husson оставался учтивымъ. По его приказанію, ему показали одну тяжко больную девушку, она была почти безъ надежды, магнетизеру предложили ее вылечить. Дъвушка была истощена до послъдней степени, потому что извергала все, что ей давали. Въ продолжение 9-ти місяцевъ употребили 1200 піявокъ, пускали ей 20 разъ кровь, обкладывали льдомъ, давали опій и мускусъ... ничего не могло остановить кровавыхъ изверженій. Въ полномъ упадкъ силъ принесли ее на носилкахъ въ особый покой. Магнетизеръ сталъ передъ нею; не прикасаясь, подержаль руку въ области подложечной ямки, и дълалъ медленныя движенія сверху внизъ также безъ прикосновенія. Манипуляціи эти продолжались минутъ 20. Больная казалась совершенно безучастной; но съ этой минуты рвота прекратилась. По истечении 27-ми дней она была здорова и выписана изъ госпиталя. Но, несмотря на это, Du Potet былъ... объявленъ шарлатаномъ, и дальнъйшіе опыты запрещены.

Однако, некоторые более смелые врачи продолжали изыскания. Многочисленные опыты доказали, что при магнетическомъ усыплении можно достигнуть полной безчувственности; усыпленнымъ щекотали ноздри перомъ, щипали ихъ, кололи, держали ноги ихъ въ ванне изъгорчицы, ставили банки, прикладывали целыми часами горчишники, жгли передъ ихъ носомъ мухоморы и держали подъ носомъ нашатырный спиртъ, отъ котораго одинъ изъ присутствующихъ врачей заболелъ. Усып-

ленные не чувствовали ничего. Эти факты склонили д-ра Шапелена (Chapelaen'a) попробовать операцію въ сомнамбулическомъ усыпленіп. Случилось такъ, что д-ръ Клоке (Cloquet), одинъ изъ извъстныхъ тогда хирурговъ, долженъ былъ оперировать ракъ груди 64-летней женщины, которую до этого времени магнетизировалъ д-ръ Шапеленъ. Этотъ последній и предложилъ сделать ей операцію въ состояніи усыпленія. Cloquet согласился, и операція была сділана 12-го апріля 1829 года. На яву больная не соглашалась на операцію, но усыпленную Шапеленъ уговорилъ и освоилъ съ этою мыслью. Прибывъ рано, Cloquet засталъ больную уже усыпленною, и она спокойно говорила объ операціи. По приказанію Шапелена, больная сама разделась и села въ кресло. Сделавъ сначала одинъ надрезъ выше рака, другой ниже полукругомъ, отдёлили съ осторожностью опухшія железы, им'вя въ виду ихъ сос'ядство съ артеріей, и выръзали ракъ. Все это заняло минутъ 10. Больная все время спокойно разговаривала съ операторомъ безъ мальйшихъ признаковъ боли, безъ измъненій въ голось, пульсь или дыханіи. Перевязавъ боковую грудную артерію, ее зашили и перевязали рану, послів чего больная, все еще въ сомнамбулическомъ состояніи, сама перешла въ постель. Ее оставили спать въ продолжение 48-ми часовъ. На третій день очистили рану, перевязали снова, при этомъ по прежнему не замъчалось перемъны пульса и дыханія. Съ этой минуты опасность миновала, больная стала поправляться.

Теперь я долженъ перейти къ самой главной эпох'в въ исторіи магнетизма которую составляеть назначеніе

въ 1825 году академической комиссіи. Въ этомъ году медицинская академія получила письмо отъ Фуасака (Foissac'a), д-ра парижскаго факультета, въ которомъ онъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Въ продолженіе 2-хъ лѣтъ я произвожу ежедневные опыты, и пришелъ къ убѣжденію, что врачебный міръ не долженъ дольше игнорировать это великое благодѣтельное открытіе. Я открыто объявляю себя сторонникомъ магнетизма, и желаю, чтобы академія провѣрила истину моихъ словъ».

Сообщеніе этого письма на зас'єданіи 11-го октября 1825 г. естественно вызвало сильную оппозицію.

- На что намъ комиссія, говорилъ Renaudin,—магнетизмъ давно похороненъ.
- Нѣтъ, не похороненъ, отвѣтили другіе, —если отовсюду слышно о леченіи магнетизмомъ. Нужно разънавсегда покончить съ этимъ.

По поводу разд'вленія голосовъ, президентъ Г. Дубль (Double) заявиль, что такъ какъ академія не приготовлена къ такого рода предложенію, то не выбрать ли сначала комиссію только зат'вмъ, чтобы обсудить, стоитъ ли и возможно ли академіи заниматься вопросомъ о магнетизм'ь?

Предложеніе это было принято, и въ комиссію избраны были Adelon, Pariset, Marc и Renaudin. Но этотъ послъдній, заявивъ, что самый фактъ обсужденія вопроса о магнетизм'в не достоинъ академіи, отказался отъ назначенія. Вм'єсто него былъ избранъ Bourdin.

Мѣсяцъ спустя, а именно 13-го декабря 1825 г., названная комиссія рѣшила, что слѣдуетъ заняться разслѣдованіемъ вопроса о магнетизмѣ. Рѣшеніе свое она моти-

вировала тымь, что хотя академія осудила магнетизмъ раньше, но въ настоящее время магнетизмъ совершенно видоизмынился (при Месмеры не было рычи о сомнамбулизмы); что цынные труды гг. Делёйза (Deleuse), Бертрана (Bertrand) и Жоржета (Georget) выяснили достаточно, что магнетизмъ вопросъ серьезный; что заграницей такіе доктора, какъ Гуфеланъ (Heffeland), Пасаванъ (Passavant), Борке (Borker), Штосрегенъ (Stossreghen), главный врачъ русскаго царя, — объявили себя сторонниками магнетизма и т. д.

Такое заключение привело, однако, въ недоумѣние большинство членовъ комиссии. Первый изъ нихъ высказался Деженеть (Desgenettes).

— Самое заключеніе комиссін, говориль онъ, признающее возможность заниматься магнетизмомъ, можетъ дурно повліять на молодые умы. Если мы начнемъ говорить о магнетизмѣ, то студенты перестанутъ учиться, и намъ останется только закрыть курсы и школы, не дожидаясь бунта.

Г. Бальи (Bailly) выражаетъ опасенія другого рода. Если правда все то, что говорятъ магнетизеры, то общественному порядку грозитъ переворотъ. Какой нибудь великій магнетизеръ получитъ возможность, сидя на своемъ чердаків въ Парижів, потрясать тронами Китая и Японіи.

Г. Дубль (Double) раздъляетъ магнетизеровъ на двъ категоріи: обманывающихъ и обманутыхъ, а потому онъ тоже противъ назначенія комиссіи.

Г. Рошу (Rochoux) не видить въ магнетизм'в ни одного факта, стоющаго вниманія.

Г. Рекомье (Rékomier) въритъ, что существуетъ ка

кое-то магнетическое вліяніе, но къ медицинь оно примынимо быть не можеть (на следующемь заседаніи онъ перемынить мныніе).

Г. Газо (Gaso) не понимаеть, чего хочеть комиссія. Если интересно видѣть конвульсіи истеричныхь, то для этого не требуется никакой комиссіи. Но нѣкоторые изъчленовъ комиссіи, какъ то: Megendie, Orfila, Virey, Lainec, Chardel и др., подали голось за разсмотрѣніе вопроса. Разсудокъ, такимъ образомъ, нашель нѣсколькихъ представителей.

Г. Итаръ (Itard), напр., говоритъ, что будь магнетизмъ реальнымъ или даже лишь воображаемымъ агентомъ, его все таки нужно изслъдовать. Если мы не рышимся на это, насъ будутъ укорять, и это послужитъ не въ пользу академіи. Вы говорите о ея достоинствъ; я полагаю, что ничего не можетъ быть достойнъе ученаго, какъ желаніе узнать то, чего онъ не знаетъ.

Г. Жоржетъ (Georget), извъстный физіологъ, предостерегаетъ, чтобы не слишкомъ расточать прозвища шарлатанъ. Дъйствія шарлатановъ секретны, и они держатъ въ тайнъ свои средства, тогда какъ магнетизеры не переставали домогаться разслъдованій, дъйствуютъ явно, повторяя непрестанно: «дълайте такъ, какъ мы, и получите тъ же результаты». Стоитъ еще обратить вниманіе на то, что защитниками магнетизма являются тъ, которые видъли, наблюдали, изслъдовали; тъ же, которые произносятъ приговоръ надънимъ, почти и ничего не наблюдали сами.

Лерминье говорилъ: «Студенты спрашиваютъ меня, что я думаю о магнетизмъ, а я не знаю, что отвътить

имъ. Берегитесь, чтобы, отклоняя разследованія, не подвергнуться упреку въ ослешленіи и отсталости.

Гуссонъ, наконецъ, сказалъ блестящую рѣчь въ пользу разслѣдованія, послѣ чего большинствомъ 10-ти голосовъ было постановлено выбрать «постоянную комиссію», состоящую изъ 11-ти членовъ, которая должна была разслѣдовать, что такое магнетизмъ, и какъ къ нему должно относиться (рукоплесканія). Въ составъ этой комиссіи вошли: Leroux, Bourdois, de la Motte, Double, Magendie, Guersaut, Loënec, Fhillaye, Marc, Itard, Fouquier, Guéneau de Mussy (28-го февраля 1826 г.). По причинъ нездоровья Loënec былъ замѣщенъ Гуссономъ, который впослѣдствіи долженъ былъ составить отчетъ.

Посл'в 5-л'втнихъ наблюденій въ госпиталяхъ и частной практикъ коммисія представила отчетъ... единогласно благопріятный для магнетизма. Всв главнівншія явленія, относящіяся къ нему, признаны были д'віїствительными, даже тв изъ нихъ, которыя случаются реже, какъ-то: действіе на разстояніи, зреніе съ закрытыми глазами, прозрѣваніе болѣзней и передача боли, не говоря уже о д'виствительности сомнамбулизма, пониженной (анестезія) и повышенной (гиперестезія) чувствительности, такъ называемаго «общенія» (rapport) между магнетизеромъ и усыпленнымъ, лечебнаго дъйствія магнетизма, укръпленія силъ посредствомъ него и т. п. Все это подтвердили члены коммисіи посл'в самаго тщательнаго контроля, отмітивъ различныя ошибки и заблужденія, отділивъ факты, зависящіе отъ воображенія или недостаточно уб'єдительные. Требованія коммисін при обставленіи опыта были такъ придирчивы, даже

мучительны, что выдающійся медіумъ (medium) доктора Фуасака (Foissac) удалился, не желая болье служить объектомъ для опытовъ.

Можно себ'в представить, какое недоум'вніе вызвало сообщеніе этого отчета коммисіи въ объем'в почти 100 печатныхъ страницъ. Онъ былъ составленъ такъ старательно, такъ обдуманно, м'вры осмотрительности и предосторожности такъ тщательно выяснены были и вм'вст'в съ т'вмъ столько въ немъ было неотразимой логики, что ни однимъ возгласомъ не было прервано его чтеніе. Быть можетъ, въ первый разъ на двухъ зас'вданіяхъ академіи господствовала гробовая тишина. По окончаніи чтенія раздались даже рукоплесканія. Восхваляли оратора; но когда первое впечатл'вніе прошло, академики испугались того, что произошло.

— Я не върю ушамъ своимъ, — замътилъ одинъ изъ нихъ, — и готовъ былъ бы вторично прослушать.

На это Гуссонъ отв'втилъ, что докладъ этотъ онъ оставляеть на столъ, и каждый въ правъ его просмотр'вть.

Когда предложили, какъ это обыкновенно бываетъ, напечатать отчетъ коммисіи — одинъ изъ членовъ д-ръ Castel выразилъ рѣшительный протестъ. «Если бы большая часть фактовъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ этомъ докладѣ, говорилъ онъ, оказалась истиною, то это поколебало бы половину нашихъ свѣдѣній по физіологіи, и было бы рискованно и даже небезопасно разглашать подобныя вещи путемъ печати».

Къ какому же окончательному рѣшенію склонилась академія, принявъ отчетъ своей коммисіи, высказывающейся, между прочимъ, такъ:

«Разсматриваемый, какъ терапевтическое средство, магнетизмъ долженъ занять опредвленное мъсто въ ряду врачебныхъ наукъ».

Въроятно, она постановила проводить эту мысль въ жизнь? — Нътъ.

Можетъ быть, она признала, что по крайней мъръ въ нъкоторыхъ случаяхъ его слъдуетъ примънять?—Нътъ.

Можетъ быть она сочла 5-лѣтнія изслѣдованія коммисіи недостаточными и полагала нужными дальнѣйшія изслѣдованія врачей? — Нѣтъ.

Академія попросту положила отчетъ подъ сукно, чтобы не деморализировать общественное мнѣніе.

Мало знакомый съ этимъ вопросомъ могъ бы допустить, что тогдашнее высокое развитіе медицинскаго искусства оправдывало академію въ ея пренебрежительномъ отношеніи къ новымъ средствамъ, что она была довольна успѣхами терапевтическихъ знаній и считала ихъ настолько удовлетворительными, что не видѣла нужды въ присвоеніи новыхъ методовъ?

Это быль бы единственный мотивь, который могь бы сколько-нибудь оправдать ее.

Посмотримъ, такъ ли это было? Вотъ что говоритъ по поводу этого великій Вісһат (Биша): «Въ ученіи медицины замѣтнѣе, чѣмъ въ другой наукѣ, заблужденія человѣческаго ума. Что я говорю? Это даже не наука, а неоформленный сборъ не систематичныхъ, часто ребяческихъ понятій, средствъ, кажущихся только полезными, и перепутанныхъ, скучныхъ, фантастически-составленныхъ формулъ. Говорятъ, что медицинская практика не привлекательна; скажу болѣе, она въ извѣст-

номъ отношени не можетъ удовлетворить человъка разсудительнаго, потому что онъ не найдетъ основныхъ положеній въ большей части ученій нашей медицины».

Профессоръ Rostan (Ростанъ) добавляетъ: «Ни одна человъческая наука не завадена столькими предразсуд-ками, какъ терапія; всякая классификація лекарствъ, каждая почти формула составлены ошибочно».

Dubois d'Amiens (Дюбуа д'Аміент) въ своемъ предисловіи къ «Общей патологіи» не боле радужно смотрить на вещи: «Наша медицина, говорить онъ, страдаеть отсутствіемъ законовъ, мы ищемъ общихъ положеній, а найдены лишь эмпирическія истины, и то отрывочныя и разрозненныя».

Всего опредъленнъе высказался Broussais (Бруссе), который такъ рисуетъ намъ положеніе вещей, противъ котораго возстаетъ: «Представьте себъ громадное количество врачей, раздающихъ квартами слабительныя, рвотныя, возбуждающія средства, какъ вино, алкоголь, висмутъ, фосфоръ, и это на деликатныя оболочки желудка въ состояніи воспаленія и т. д.

Подумайте, не приносила ли медицина до сей поры больше вреда, чъмъ пользы человъческому роду? Я признаю, что она оказываетъ услугу страждущему существу, поддерживая въ немъ... ложную надежду; но этого рода заслуга ея не дозволяетъ ставить ее въ уровень съ другими естественными науками, а скоръе низводитъ ее на одну линію съ астрологіей и другаго рода предразсудками»...

Таково было мивніе ведичайшаго врача того времени о состояніи современной ему медицины, о томъ, что

было. Чёмъ же онъ замёнилъ то, что было. Онъ лечилъ все кровопусканіемъ. Тё истощали человёчество у слабительными, этотъ прямо выпускалъ кровь.

Вышеприведенныя цитаты дають намь возможность понять засъданіе медицинской академіи, происходившее въ 1835 г., о которомь я разскажу вкратцъ, придерживаясь стенографическихъ записокъ. Мы узнаемъ здъсь нашихъ знакомыхъ, которые съ такимъ пренебреженіемъ отзывались о магнетизмъ.

Диспуты началъ Саригоп (Капюронъ), сторонникъ Broussais. Въ поданномъ имъ докладѣ онъ высказываетъ слѣдующее оптимистическое сужденіе: «Вслѣдствіе успѣховъ медицины, сдѣланныхъ ею за послѣднія 20 лѣтъ, мы можемъ считать смерть въ острыхъ болѣзняхъ случайностью, обусловленною развѣ тѣмъ, что поздно прибѣгнули къ недостаточно энергичнымъ средствамъ».

Это самомниніе, разуминтся, вызвало протесть съ разныхъ сторонъ.

- Къ несчастію, говориль одинъ изъ членовъ, статистика не подтверждаеть этого.
- Всё методы, которые были испытаны въ продолжение 20-ти лёть, —замётилъ другой, —дали плачевные результаты. Влагодаря имъ, я утратилъ не одно дорогое существо.
- Что касается меня, говорилъ Bouillaud, то я пускаю кровь не больше другихъ коллегъ, но только дѣлаю кровопусканія одно за другимъ и при этомъ теряю одного больнаго на восемь, вмѣсто одного на трехъ, у какъ теряютъ они.
  - Это новая мода, -- говорилъ Етегу, -- даетъ больше

случаевъ смертности, чёмъ другія. Я видёлъ печальные результаты частыхъ кровопусканій у Bosquillon'a, который и самъ умеръ после 14-ти кровопусканій.

Саригоп. Я оспариваю, что Bosquillon часто пускаетъ кровь—только 3 раза въ день: illico, meridie et sero. Это въ первый день. Если на следующій день больной умеръ (смехъ), то не его въ томъ вина, а если остался живъ, то ужъ въ последующіе дни ему больше не делаютъ кровопусканій. Между темъ Bouillaud пускаетъ кровь ежедневно.

Castel. Пусть каждый собираеть свои трупы. Я разъ только пускаю кровь и результаты получаются лучше. Желать устранить всё болёзни методомъ частыхъ кровопусканій, это значить не имёть понятія о первыхъ началахъ практики.

Capuron (Капюронъ): Изъ этого следуетъ, что мы двигаемся не впередъ, а назадъ.

Castel (Кастель): О, это несомивнно.

Esquirol (Эсквироль): Однажды пришла въ Сальпетріеръ дівушка больная воспаленіемъ легкихъ, но сильная, крізпкая, толстая—просто кровь съ молокомъ. Кому и пускать кровь, какъ не такимъ субъектамъ, отозвались со всіхъ сторонъ. Pinel (Пинель), будучи противникомъ этого метода, отговариваетъ товарищей, но такъ какъ они настаиваютъ, то мягкій податливый Pinel соглашается. Въ тотъ же день сділали больной кровопусканіе. На слідующій день она умерла.

Pariset (Паризе): Во время одной эпидемической болізни, которую доктора принимали за воспаленіе легкихъ, ділали частыя кровопусканія и больные умирали одинъ за другимъ. Испуганный этимъ Barillon запретилъ кровопусканіе и уб'єдился, что это была febris miliar (потница), а не воспаленіе легкихъ, и что кровопусканіе препятствовало благопріятному теченію неопасной бол'єзни, убивая больныхъ.

Капюрона: Ничего нътъ удивительнаго, потому что бользнь не была изследована. Сказано такъ: первый больной, которому сдёлано кровопусканіе, умеръ, за нимъ другой, третій и четвертый (продолжительный сміхъ), но эти факты цитированы безъ подробностей. Когда первый больной умеръ, не вскрывали тела, когда умеръ второй — то же самое, ахъ, да, ему разстегнули пуговицы (смѣхъ) и увидали, что у него на груди сыпь. Сказали, что я возстаю противъ Pinel'a; это неправда, я очень его уважаю, но я не могу уважать его бол'е, чёмъ самого Гиппократа. Но еслибы Гиппократь быль здівсь (сміхть), ну да, еслибы онъ сюда пришелъ, я сказаль бы ему въ глаза, что думаю (новый взрывъ смёха). Я сказаль бы ему: отче, патріархъ нашъ, великій оракулъ, ты написалъ прекрасныя вещи, ты воздвигнулъ себь памятникъ, но ты высказалъ много странныхъ вещей, напр., ты сказаль, что въ острыхъ бользняхъ діогнозъ всегда невъренъ.

Много голосовъ: Это лучшее изъ сказаннаго имъ.

Capuron: Ты сказаль много прекраснаго, но у тебя такое отношеніе къ бользнямь, какое допускается только въ точныхъ наукахъ. Но если въ естественныхъ наукахъ можно сказать, что четвероногіе звъри имъютъ четыре ноги, что млекопитающіе...

Голоса: Довольно, довольно, къ порядку!

Капюрона: Итакъ, я сокращаю и кончаю, утверждая, что въ острыхъ бользняхъ смерть составляеть исключение.

Одинъ изъ членовъ (съ проніей): Напр., въ холерь!

Emery (Эмери). Во время одной эпидеміи рожи 200-мъ больнымъ безъ исключенія я давалъ рвотный корень по 2 и 3 раза въ день, тѣмъ не менѣе вылечивалъ; я не хочу этимъ сказать, что я лечилъ ипекакуаной, однако, вылечивалъ, не смотря на употребленіе этого средства (смѣхъ).

Bouillaud (Бульо). Я прошу академиковъ говорить о фактахъ, оставивъ шутки. Вопросъ о стоимости методовъ можетъ быть ръшенъ только статистикой, но я былъ бы очень благодаренъ тому, кто могъ бы указать мнѣ хоть одну точную статистику въ медицинѣ, которая велась бы хоть впродолженіе 30-ти лѣтъ.

Думаю, что вышеприведеннаго достаточно для того, чтобы дать понятіе о томъ, что именно тогдашніе врачи противопоставляли естественному методу леченія болізней магнетизмомъ, и во имя чего противъ него протестовали.

Нужно было быть наивнымъ подобно du Potet, чтобы отъ такихъ людей надъяться признанія магнетизма.

Теперь перехожу къ послъднему очерку исторіи, въ которомъ выступаетъ на сцену новое выраженіе, долженствующее искупить гръхи своего предшественника.

Это новое выраженіе — «гипнотизмъ». Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ описаннаго нами засѣданія Парижской Академіи, въ Англію прибылъ магнетизёръ французъ Charles Lafontaine (Лафонтенъ), внукъ великаго баснописца и съ большимъ успѣхомъ организовалъ въ г. Манчестерѣ публичные чтенія и опыты. Доктора, по обыкновенію, пожимали плечами, глядя сверху внизъ на

новаго «шардатана». Но одинъ изъ нихъ James Braid (Брэдъ), человъкъ смътливый и наблюдательный, убъдился, что явленія, вызываемыя Lafontain'омъ, дъйствительны, а потому ръшилъ заняться ихъ изслъдованіемъ.

Исходя изъ положенія, господствовавшаго въ науків, что физическаго вліянія магнетизёра на магнетизируемаго не существуеть, онъ началь доискиваться другой причины этихъ явленій. Онъ сталъ производить опыты, стараясь привести ихъ къ простійшему виду. Lafontaine держаль за руки, неподвижно всматриваясь въ глаза, и ділаль движенія руками.

Braid устранилъ прикосновеніе и движенія, а всматриваніе въ глаза зам'єнилъ всматриваніемъ въ мертвый предметъ, а именно въ блестящую пуговицу, въ пробку отъ графина и т. п.

Тъмъ не менъе по истечени нъсколькихъ минутъ на многихъ изъ испытываемыхъ имъ лицъ находилъ сонъ, совершенно сходный съ тъмъ, который Lafontaine назвалъ магнетическимъ.

Въ этихъ случаяхъ, разсуждалъ Braid, индивидуальность экспериментатора не имъла никакого вліянія, а значитъ причина должна находиться въ самомъ медіумъ. Брэдъ объяснилъ ее «утомленіемъ зрѣнія» и «сосредоточеніемъ вниманія на одномъ пунктѣ». Вызванное такимъ образомъ особое нервное состояніе онъ назвалъ отъ греческаго слова «hipnos»—neurohipnotizm'омъ или просто гипнотизмомъ, и въ 1842 г. выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе «Neurohipnology», въ которомъ съ небывалою дотоль точностью и трезвостью разбираетъ эти явленія. Удостовърившись въ физіологическомъ ихъ дъйствіи,

Braid (Брэдъ) рѣшилъ удостовѣриться и въ лечебномъ ихъ примѣненіи. Вотъ первый случай изъ его практики, который онъ описываетъ въ своей книгѣ.

Г-жа Roiley, 54-хъ лъть, съ 16-ти лъть страдала невралгіей въ головь и глазахъ, а также ослабленіемъ зрвнія, которое за последнее время почти совсемъ потеряла. Въ продолжение 15-ти л'ытъ лечили её по правиламъ «здравой» медицины. Ставили ей піявки и мушки безъ числа и м'вры, черезъ каждыя н'всколько нед'вль брили ей голову, чтобы поддерживать нагноеніе кожи, дёлали примочки изъ холодной воды и втиранія алкоголя; отъ этого леченія кожа потрескалась не только на голов'ь, но и на рукахъ. Она испробовала всевозможныя лекарства, принимала три раза въ день успокаивающія пилюли, которыя на самомъ дёлё успоканвали только врача, а больную окончательно лишили сна. Отъ сильныхъ средствъ она потеряла память. Видя, что все уже испробовано, Braid решился попробовать и лечение гипнотизмомъ. Восемь минутъ гипнотизаціи исправили зръніе, а н'всколько нед'вль спустя прекратились боли и вс'в припадки, даже твердая, болъзненно трескавшаяся кожа на рукахъ стала мягкой и гладкой. Это исцеление, говорить Braid, всецьло относится къ дъйствію гипнотизма; никакихъ лекарствъ ей не прописывали болье, и до сихъ поръ, т. е. годъ спустя после леченія, больная чувствуетъ себя прекрасно. Это излечение удостовъряется подписями четырехъ свидетелей и самой паціентки, добавляющей, что описаніе Брэда даеть лишь слабое понятіе о томъ, что она выстрадала впродолженіе 16-ти літь.

Подобныхъ исцъленій Брэдъ приводить десятки. Очевидно, онъ имълъ возможность убъдиться въ полезности этого метода.

Но спрашивается, убъдилъ ли онъ другихъ? — Нътъ, его никто не читалъ. Бредъ началъ съ отрицанія магнетическаго дъйствія и вообще индивидуальнаго вліянія, а дъйствіе такъ называемыхъ «пассовъ» объяснялъ просто дъйствіемъ токовъ воздуха; но потомъ онъ измънилъ мнѣніе объ этомъ, и, оставаясь при своихъ теоріяхъ относительно гипнотизма, призналъ, однако, магнетизмъ, какъ особенный дъятель (отличающійся отъ гипнотизма). «которымъ, добавляетъ онъ, я не занимался».

Большая часть изъ его последователей были мене добросовъстны. Въ ихъ сочиненіяхъ вездъ повторяется, что ученый англичанинь разъ на всегда убиль магнетизмъ. Нътъ нужды, что эти толкователи Брада очевидно не читали его. То, что открылъ Брэдъ, важно само по себъ, и если оно разнится теоритически отъ прежнихъ магнетическихъ теорій (не всёхъ, потому что Фарріа Bertrand и Henin de Cuvillier говорили тоже), то фактически оно составляетъ прежде всего подтвержденіе того, о чемъ говорили магнетизёры. Констатировавъ дъйствительность физіологическихъ явленій, Braid перешелъ къ практическому ихъ примъненію, и въ своемъ сочинени упоминаетъ 69-ть случаевъ счастливаго излеченія, перечисляя такія бользни, какъ: «потеря эрвнія и слуха (даже глухонъмыхъ), разныя боли, параличи, конвульсіи, безчувственность, судороги, заиканія, ревматизмъ, нервное разстройство травматическаго происхожденія, головныя боли, разстройство спиннаго мозга, пляска Св. Вита, икота, объ формы эпилепсіи, нервныя бользни сердца, сердцебіеніе, разныя спазмы и проч.».

Какъ видимъ, это исключительно «нервныя» бользни, и отсюда столь распространенное мивніе, что гипнотизмъ (а подъ нимъ подразумъвается и магнетизмъ) можетъ быть примъненъ только въ этихъ бользняхъ. Это предразсудокъ, потому что вообще, по моему мивнію (предостерегаю здъсь, что я высказываю страшную ересь), при примъненіи терапевтическихъ средствъ нужно имъть въ виду не «бользни», а «больныхъ». Итакъ, въ одной и той же бользни гипнотизмъ можетъ принести пользу одному больному и оказаться безсильнымъ для другаго.

Что такое животный магнетизмъ?

Это дъйствіе человъка здороваго и сильнаго на больнаго и слабаго.

Что же такое гипнотизмъ?

Это сонъ особаго рода, возникающій подъ вліяніемъ утомленія и сосредоточенія вниманія у лицъ, соотвѣтственно расположенныхъ.

Если мы расширимъ понятіе гипнотизма и отнесемъ сюда состояніе схожее съ нимъ такъ называемаго «магнетическаго сна», который вызывается вліяніемъ индивидуальнаго дійствія одной особи на другую, то и тогда не было бы основанія идти дальше въ этомъ направленіи и окрещивать этимъ же названіемъ всі проявленія магнетизированія безъ усыпленія, при которыхъ никакой переміны въ психическомъ состояніи субъекта не происходитъ.

Если у кого болить желудокъ и я облегчаю эту боль,

прикладывая къ нему руку, то въ этомъ нъть ничего гипнотическаго. Тв, которые смешивають эти пва понятія, не признають дійствія магнетизма иди приписывають действие его воображению, упрошая, такимъ образомъ, разрѣшеніе вопроса. Но это вовсе не упрошеніе. Сваливаніе всего на воображеніе не даетъ еще права врачамъ отрицать практическое значение магнетизма. Въ своемъ отвътъ коммиссіи d'Eslon сказалъ: «если воображение можетъ излечивать, то булемъ лечить воображеніемъ». Къ несчастію, для этого требуются психологическія знанія, которыхъ часто не достаетъ нашимъ врачамъ; поэтому они и считаютъ вздоромъ все, что нельзя обернуть въ бумажку или закупорить въ бутылку. Braid доказаль, что действіемъ исключительно реакціи мозга на собственный организмъ можно достигнуть поразительныхъ излеченій. Казалось бы, что «магнетизмъ» въ такой форм'в проявленія, гдів всякіе таинственные дъятели были исключены, гдв не было ръчи ни о волъ и въръ, ни о ясновидъніи, ни о дъйствіи мысли, что въ проявлении чисто физіологической реакціи магнетизмъ, представленный къ тому подъ другимъ именемъ, не долженъ былъ устрашать ученыхъ. Вышло наоборотъ. Braid быль такъ же осмвянъ, какъ и магнетизёры. какъ Фаріа, котораго онъ былъ духовнымъ ученикомъ. Излеченія его считали иллюзіей, діагнозы поверхностными, средства недостойными ученаго: приказать комунибудь всматриваться въ пуговицу и такимъ путемъ лечить параличъ? Не смешно ли это? Каждый пожималъ плечами и шелъ дальше. Еслибы Braid придумалъ противъ астмы какія-нибудь депешки изъ съры, камфары, изъ чего-нибудь, то снискаль бы славу, но сказать, что можно лечить д'ыствіемъ воображенія безъ прим'єси порошковъ, лепешекъ..... это очень см'ело.

Braid умеръ, всёми забытый и въ нуждё. Теперь онъ сталь извёстнымъ....

Книга его, въ которой такъ много превосходныхъ замѣчаній, переведена на французскій языкъ, 41 годъ спустя послѣ выхода оригинала, котораго никто не читалъ.

Во Франціи методъ Braid'а старался ввести въ употребленіе д-ръ Durand de Gros (подъ псевдонимомъ д-ра Philipsa), 1853—1860 гг., но безуспѣшно. Онъ подтвердилъ, что «психическимъ вліяніемъ мысли на тѣло можно вызывать симптомы, свойственные разнымъ болѣзнямъ, и замѣнить дѣйствіе всякихъ спецификовъ, то есть лечить болѣзни, не оставляя вредныхъ послѣдствій отъ дѣйствія лекарствъ».

Это ученье, нын'в признанное, казалось тогда черезъчуръ см'вшнымъ и ему не давали в'єры. Такая же судьба постигла труды докторовъ Charpignon, Demarquay и Giraud-Toulon.

Около 1860 г. было много неблагопріятных случаевъ при хлороформированіи, и доктора начали искать бол'є безопаснаго средства для анестезированія больныхъ. Магнетизеры и гипнотизеры натолкнули на мысль воспользоавться состояніемъ гипноза для операцій. Н'єсколько операцій были удачно сд'єланы этимъ способомъ: Вгоса и Follin сд'єлали разр'єзъ нарыва, а д-ръ Guékineau изъ Пуатье сд'єлалъ ампутацію ноги у больнаго въ состояніи гипнотическаго сна. Velneau и Вгоса представили академіи этотъ новый способъ, стараясь обойти

выражение магнетизмъ или гипнотизмъ. Правительственная наука, благодаря проскрипціи этихъ средствъ, не знала о томъ, что несколько десятковъ летъ до этого д-ръ Esdaille сдълалъ 300 операцій въ магнетическомъ снѣ, что въ 1829 г. Jules Cloquet вырѣзалъ этимъ способомъ груди, въ 1845 и 1846 гг. д-ръ Loysel ампутироваль ногу и выръзаль железы, что въ 1845 г. д-ра Fanton и Toswel въ Лондонв отняли обв ноги, что въ 1847 г. д-ра Ribaud и Kiaro оперировали наростъ на нижней челюсти и т. д. Нечего удивляться, что объ этомъ не знали въ 1859 г., коль скоро и теперь доктора, не любящіе заглядывать въ книги, утверждають, что гипнотизмъ не можетъ имъть примъненія въ хирургіи. Несомненно, онъ не можетъ иметь постояннаго примененія, потому что не каждаго можно усыпить и не всв усыпленные въ одинаковой степени териють чувствительность, но онъ можеть быть приминень въ извистномъ числ'в случаевъ, приблизительно 15-ти на сто, и преимущественно по отношенію къ слабымъ, для которыхъ хлороформъ небезопасенъ.

Пробы эти не ув'внчались усп'вхомъ, во 1-хъ, потому, что, не зная объ ограниченномъ числ'в впечатлительныхъ лицъ, разочаровались отрицательными опытами, въ которыхъ исключительно задавались ц'влью произвести анестезію, а во 2-хъ, потому, что печать начала распространять поб'вды магнетизма и ученые испугались собственнаго д'вла. Вообще со времени Брэда ничего ужъ новаго по существу не открыто, только всл'вдствіе незнанія или умышленнаго игнорированія исторіи магнетизма по десяти разъ д'влали одно и то же открытіе, и къ тому же безплодно.

Итакъ, въ 1865 г. извъстный врачъ Lasseguè сдълалъ открытіе, что, закрывъ глаза и нажимая глазныя яблоки, иможно вызвать родъ сна съ частичной или общей каталепсіею у нъкоторыхъ истеричныхъ и неистеричныхъ лицъ.

Одновременно д-ръ Льебо (Liébeault) примъняетъ съ огромнымъ успъхомъ методъ внушенія (Faria) къ леченію бользней, и издаетъ въ 1866 г. превосходное сочиненіе «О снъ и состояніяхъ аналогичныхъ», которое никто не читаетъ.

Liébeault сначала былъ сторонникомъ чисто психической теоріи, впоследствіи онъ призналь ее неудовлетворительной, а въ магнетизм'в призналъ физическій агентъ, но и не оставлялъ гипнотическое внушеніе.

Обращеніе этого человіка, занимавшагося ежедневной практикой впродолженіе 20 літь, заслуживаеть вниманія.

По прошествіи 20 леть коллеги Liébault въ Нанси заинтересовались темь, что онъ делаль, и начали изучать гипнотизмъ. Около 1875 г. работы по этому вопросу появляются все въ большемъ количестве.

Chermak (1873 г.) и Prayer (1878 г.) изучають его на животныхъ, Richet (1875 г.) на людяхъ.

Наконецъ, разглашеніе опытовъ (Donate) Доната, заинтересовавшихъ публику, склонили професс. Charcot (Шарко) 1878 г. заняться этимъ вопросомъ.

Съ этого момента и только съ этого момента гипнотизмъ признанъ. Цёлыя толпы молодыхъ ученыхъ, не опасаясь уже анаеемы, бросаются изучать гипнотизмъ. Впродолжение 10 лётъ вышло нёсколько сотенъ книжекъ и брошюръ, трактующихъ объ этомъ предметъ

научнымъ образомъ. Въ нихъ мы читаемъ о массъ новыхъ открытій (давно извъстныхъ) и массу выдумокъ на магнетизеровъ. Но дёло подвигается впередъ, потому что до сего времени труды въ этомъ направленіи гибли, работали безплодно, а нынъ каждый псевдо-новый опытъ повторяется и подхватывается всёми газетами.

Для уясненія настоящаго положенія вещей мы должны разд'єлить ученых в на три школы— дв'є французских в и одну німецкую.

1) Школа проф. Шарко (Charcot), или такъ называемая школа Salpetrière (Сальпетріеръ), не намѣтила никакой теоріи, но она признаетъ дѣйствіе физическихъ агентовъ: магнита, металловъ и чисто физическихъ впечатлѣній на состояніе гипноза, въ которыхъ отличаетъ три типа: летаргію, каталепсію и сомнамбулизмъ. Ученые этой школы задались, главнымъ образомъ, составленіемъ классификаціи и анализомъ физіологическихъ явленій.

Мы имъ обязаны, главнымъ образомъ, изследованіями нервно-мускульной возбудимости, явленій перенесенія (transpert), а за последнее время и трансферта съ одной особи на другую (д-ръ Бабинскій). Эта школа делаетъ много наблюденій на маломъ числе лицъ исключительно истеричныхъ и составляетъ схемы, далекія отъ истины.

2) Школа проф. Бернгейма, ученика Liébault, или нансійская школа держится исключительно основы психической. Она не признаеть д'ыствія физических агентовь, и все объясняеть внушеніемь. Она производить опыты на большомъ количеств'ь больныхъ и здоровыхъ, а потому доходить до выводовъ бол ве широкихъ и болье практическихъ. Она не смотрить на гипнотическое

состояніе, какъ на неврозъ, а считаетъ его идентичнымъ съ обыкновеннымъ сномъ. Она не столько ищетъ теоретическихъ истинъ, сколько практическихъ, и въ широкихъ размѣрахъ примѣняетъ гипнотизмъ къ медицинѣ. Къ этой школѣ относится ново-изданное сочиненіе проф. Fonta и Segard «La medecine suggéstive», заключающее 99 клиническихъ наблюденій.

3) Школа эклектическая согласуется больше всего съ Braid'омъ, имъетъ сторонниковъ во Франціи (du Mont-paillier, Voisin, Luys), но больше всего привилась въ Германіи (Haidenhain, Weinhold, Grülzner, Berger и др.), къ ней же принадлежитъ большинство итальянскихъ ученыхъ.

Вышепоименованныя школы признають только гипнотизмъ, хотя некоторые изъ ихъ сторонниковъ въ отдельности склоняются въ пользу магнетизма.

Школа магнетическая, признающая гипнотизмъ и магнетизмъ, имъетъ еще мало сторонниковъ. Къ ней принадлежатъ: Liébault, Richet, Barety и сторонники всего новаго.

Вообще можно сказать, что гипнотизмъ признанъ уже во всей его широтъ, — магнетизмъ же едва въ малой части его проявленій.

Я не имъть намъренія вдаваться въ тоеретическій разборь вопросовь, которые еще не дозръли для популяризаціи ихъ. Разборь такого рода быль бы умъстень въ ограниченномъ кругъ естествоиспытателей, психологовъ и врачей. Я хотъль собственно разсказать нъсколько важнъйшихъ эпизодовъ изъ исторіи магнетизма и гипнотизма, имъя въ виду разсъять заблужденія, по-

вторяемыя впродолжение 100 летъ теми, которые сами никогда не заглядываютъ въ источники.

Изложенное мною выше даетъ мнъ, кажется, право высказать два замъчанія: одно изъ нихъ печальное, другое отрадное.

Печально то, что когда появляется новая идея, идущая въ разръзъ съ господствующей рутиной, то вмъсто того, чтобы изслъдовать ее хладнокровно, отбросить ложное въ ней и принять истину, люди забрасываютъ ее грязью; потому печально, что она могла бы уже быть намъ полезной столько времени, тогда какъ приходится еще долго ждать ея очереди на полученіе права быть изслъдованной.

Отрадно же то, что, не взирая на всв препятствія и на столько безплодныхъ усилій, ничего собственно не пропадаетъ даромъ, и оскорбленная или осмъянная у истина не гибнетъ.

III.

0 различныхъ состояніяхъ гипноза.

Въ предыдущихъ главахъ я старался представить историческій очеркъ магнетизма отъ временъ Месмера и по настоящее время. Я остановился нъсколько на вопросахъ современнаго знанія, не вдаваясь, однако, въ подробный ихъ анализъ и этимъ самымъ оставляя безъ отвъта большую часть вопросовъ, интересующихъ публику: всь-ли поддаются усыпленію, или только слабые, или же только женщины? Что такое гипнозъ? какія его проявленія? Какую пользу онъ можетъ принести? Можетъ-ли онъ принести вредъ? и т. д.

Теперь я хочу отв'тить на н'екоторые изъ этихъ вопросовъ.

Само собою разумѣется, что въ популярномъ изложеніи и въ такой молодой наукѣ, какъ гипнотизмъ, отвѣты эти могутъ дать лишь относительное удовлетвореніе и не могутъ вполнѣ исчерпывать вопроса. Но они основаны на долгомъ опытѣ и вытекаютъ изъ убѣжденія независимо отъ предубѣжденій противъ той или другой школы, отъ того или другаго авторитета. Вотъ все, что я могу обѣщать, и постараюсь это выполнить.

Итакъ, начнемъ съ вопроса, можно-ли вызвать необычайное особое состояніе, называемое «гипнозомъ» или «искусственнымъ сомнамбулизмомъ», заставляя всматриваться въ блестящій предметь, или дѣлая извѣстныя движенія, называемыя «пассами», наконецъ устнымъ приказаніемъ и внушеніемъ?

Кажется, что между людьми образованными, которымъ не чужды успѣхи физіологіи послѣднихъ лѣтъ нѣтъ, такихъ, которые могли бы въ этомъ сомнѣваться. Если же таковые и найдутся, то мы можемъ не принимать ихъ въ разсчетъ.

Выло бы потерей времени доказывать дыйствительность того, что подтвердили сотни ученыхъ и для признанія чего покажется неудовлетворительнымъ и собственный опытъ, если голова набита предубъжденіями.

Научный скептицизмъ можетъ быть въ настоящее время оправданъ только относительно извъстныхъ частностей или подробностей этого вопроса. Какъ-то, таковы-ли свойства гипноза, какъ приписываютъ ему различные авторы, или только нъкоторые изъ нихъ досто-

върны? Такъ-ли велико число лицъ поддающихся усыпленію, какъ полагають нѣкоторые? Въ самомъ-ли дѣлѣ гипнозъ такое могущественное лечебное средство? Такъ ли великъ переворотъ, который должны сдѣлать эти явленія въ физіологіи, психологіи и терапіи, въ педагогикѣ и въ судебной медицинѣ, какъ это утверждають сторонники реформы?

Воть вопросы, относительно которыхъ можно имѣть сомнѣнія, и которыми мы займемся въ настоящее время. Во-первыхъ, присмотримся къ тому, что такое «гипнотическое состояніе», какъ въ своей симптомотологіи или формѣ проявленій, такъ и въ своей физіологической сущности. Казалось бы, что если природа этихъ явленій недостаточно еще выяснена, то симптомотологія, т. е. простое описаніе отличій различныхъ состояній гипноза, не можетъ представлять затрудненій.

Къ несчастію, это не такъ. Тѣ авторы, которые съ легкостью перечисляють всѣ свойства гипнотическаго сна, доказывають только, что у нихъ въ этомъ отношеніи мало опытности, или же, что они въ своихъ опытахъ видять именно то, что хотять видѣть, то, что ихъ сразу поразило и что они придерживаются, увы, очень закоренѣлаго въ медицинѣ способа разсужденія «отъ частнаго къ общему».

Тщательно изучивъ гипнотическое состояніе одного индивидуума, говорятъ, что обыкновенно «такъ проявляется гипнозъ», а если у другихъ находятъ не вполніз то же самое, то объясняютъ, что это формы «несовершенныя, неклассическія». Выходитъ такъ, что какого-нибудь типа классификаціи, установленной въ

Парижѣ, не находятъ вовсе въ Нанси, а того, что утверждаютъ въ Парижв и въ Нанси не находять въ Бреслау, -- наконецъ, всв эти три типа значительно разнятся отъ того, что описывали боле согласно (по причинъ одинаковаго метода) прежніе магнетизеры. Откуда же этотъ хаосъ? Это происходить оттого, что, согласно съ общирными наблюденіями, предпринятыми безъ предубъжденій, не существуеть однообразнаго типа, по которому исключительно проявлялись бы всв особенности состояній гипноза. На вопросъ: какое наступаетъ состояніе у челов'вка подъ вліяніемъ изв'єстнаго агентанельзя дать простаго отвъта, потому что состояние это бываетъ различно, соотвътственно индивидуальнымъ особенностямъ. Существуетъ столько типовъ гипноза, сколько гипнотиковъ: у каждаго свой типъ, который видоизмъняется къ тому же, хотя и въ меньшей степени, отъ условій времени и отъ метода вызыванія гипноза.

На этомъ собственно и основывается огромное реформаторское значеніе всей этой группы явленій, такъ какъ они обнаруживаютъ обширность и силу «индивидуальныхъ различій», они приводятъ къ ограниченію теоріи «физіологическаго единства» человѣческаго рода, которая, будучи понята слишкомъ широко, должна была привести къ ошибочному схематизму разныхъ лечебныхъ методовъ, не исключая самого гипнотизма. Несомнѣнно, что каждому изъ насъ нуженъ кислородъ для дыханія, каждому необходима пища для поддержанія жизни, у каждаго бьется сердце до самой смерти и каждаго можно умертвить большей или меньшей дозой яда; вотъ степень физіологическаго единства, за кото-

рой следуеть целая градація различій, хорошо выраженная въ пословице: «одного шило бреть, другого и бритва не береть».

Возьмемъ примъръ: передъ нами два человъка равнаго возраста и здоровья. Одного изъ нихъ я могу однимъ словомъ лишить чувствительности, могу сдёлать руки и ноги его какъ-бы одеревенвлыми, приказать ему пить смолу вмёсто шампанскаго, внушить ему, что онъ видитъ льва, что онъ вдетъ верхомъ, что онъ утопаетъ, могу, наконецъ, вызвать у него чувство холода, жара, испарину, отнять у него память, заставить забыть даже собственное имя, — тогда какъ другой разсмвется мнв. въ глаза и скажетъ, что онъ и не думаетъ подчиняться моимъ внушеніямъ. (Я ссылаюсь въ этомъ отношеніи на д-ровъ Liébeault, Bernheim, Bremaud и многихъ другихъ). Оба эти человъка могутъ быть здоровыми, т. е. изследование посредствомъ известныхъ намъ приемовъ не обнаружило въ нихъ никакого уклоненія отъ нормальнаго состоянія. Никакіе другіе физіологическіе опыты не обнаружили въ такой мъръ индивидуальнаго различія. Одна и та же доза лекарства можетъ одному помочь. другому повредить, а третьему не сдълать ни пользы, ни вреда; но такая разница въ «силв» двиствія одного и того же агента не можеть быть обнаружена никакимъ другимъ методомъ: съ одной стороны мы видимъ, что вся нервная система безусловно подчинена, поражена, покорена, послушна каждому мановенью; съ другой стороны — ничего. Въ области мертвыхъ механизмовъ мы замѣчаемъ такую разницу между тяжелой мельницей, жернова которой приводятся въ движение сильнымъ теченіемъ рѣки, и маленькимъ вертящимся кружкомъ Крукса, который движется подъ вліяніемъ напряженія солнечнаго луча. Когда испортится мельница, ее поправляютъ, починяютъ молотомъ и топоромъ; но годится-ли исправлять молотомъ и топоромъ радіометръ Крукса? Тѣмъ не менѣе, если-бы тѣ два человѣка заболѣли малокровіемъ, обоимъ прописали-бы желѣзо. Если-бы у нихъ была лихорадка, обоимъ давали-бы хину. Если-бы у нихъ сдѣлался плевритъ имъ обоимъ приложили-бы мушки.

У лицъ, особенно склонныхъ къ гипнозу, можно вызывать даже въ бодрственномъ состояніи физіологическія измѣненія посредствомъ внушенія. Достаточно иногда, чтобы докторъ предупредилъ о имѣющемъ наступить дѣйствіи лекарства или чтобы больной самъ предвидѣлъ его дѣйствіе, чтобы лекарство подѣйствовало, хотя-бы оно состояло изъ хлѣба и сахара. А такъ какъ впечатлительныхъ лицъ (сенситивовъ) довольно много, то можно себѣ представить хаосъ въ казуистикѣ медицины! Благодаря именно этому эмпиризму и нежеланію врачей признать значеніе индивидуальныхъ различій, которыя такъ отчетливо проявляются, благодаря гипнотизму, ежегодно появляются новые медикаменты, отлично дѣйствующіе... пока не пройдетъ на нихъ мода.

Если такъ велика разница между лицами впечатлительными и невпечатлительными по отношенію къ гипнотизму, то нельзя удивляться, что и самая впечатлительность эта представляется въ очень различной формъ. У однихъ замъчается угнетеніе, у другихъ возбужденіе; одни представляють изъ себя послушное орудіе, у дру-

7

гихъ, напротивъ, проявляется въ сомнамбулизмъ смълость и относительная самостоятельность. Однихъ можно-бы, кажется, пэрвзать въ куски, другіе не переносять даже приближенія къ нимъ постороннихъ лицъ. Одни испытывають въ этомъ состояніи неизъяснимое наслажденіе, другіе наобороть страдають, третьи выказывають безразличіе. Даже относительно степени впечатлительности нельзя установить единаго типа: у однихъ выраженіемъ максимальной впечатлительности является подчинение каждому внушенію, хотя они вовсе не способны къ проявленіямъ иного рода, другіе наоборотъ могутъ служить объектами для разнообразныхъ тонкихъ опытовъ, но вовсе не склонны къ иллюзіямъ, галлюцинаціямъ, не подчиняются внушенію. Наконецъ, у одного и того же лица гипнозъ можетъ представлять различные виды совершенно особеннаго типа индивидуальнаго характора. Такъ напр., одна изъ моихъ больныхъ, обыкновенно, въ первую минуту по усыпленіи обнаруживаетъ страданіе и безпокойство, доходящее иногда до отчаянія и мысли о самоубійстві, но черезъ 1/2 часа начинаетъ проявлять оптимистическое довольство собою и людьми; другая съ самаго начала впадаеть въ безчувственное состояніе, называемое «летаргіей», а потомъ внезапно переходитъ въ дъятельный, активный сомнамбулизмъ и начинаетъ заниматься хозяйствомъ; третья сначала теряетъ свою личность и проникается моими впечатленіями: весела, когда я весель, утомлена и печальна, если я утомлень и печалень, потомъ постепенно переходить въ экстазъ, и тогда не слышить даже того, что я говорю ей, погружаясь въ собственныя виденія; четвертая прежде всего впадаетъ въ «каталепсію»: ея члены и глаза неподвижны, какъ у статуи; потомъ, напрягаясь въ общемъ tetanos в, падаетъ, какъ колода въ состояни «паралитическаго ардензма» (aidei paralitique), въ которомъ нътъ ни мысли, ни чувства, ни движенія; нъсколько минутъ спустя, втеченіе которыхъ незамътно даже дыханія, пробуждается съ веселымъ пъніемъ и переходитъ въ активный сомнамбулизмъ, который только для очень привычнаго наблюдателя отличается извъстнымъ съуженіемъ сознанія отъ бодрственнаго нормальнаго состоянія.

Я умышленно привель здёсь только тё случаи, въ которыхъ применяли одинъ и тотъ же способъ гипнотизированія, не изменяли его во время самого усыпленія, не делали никакихъ внушеній, и въ которыхъ измененія состоянія обусловливаются исключительно природой самихъ паціентовъ.

Если мы нападемъ на организмъ въ высшей степени впечатлительный въ смыслѣ «пассивной» податливости, о которой я упоминалъ, то понятно, что мы сможемъ вызывать въ немъ какія угодно проявленія, измѣняя ихъ самобытный характеръ и порядокъ; тогда къ естественному ихъ разнообразію присоединится разнообразіе искусственное, и получится комплексъ ихъ иногда довольно устойчиваго характера. Пассивная податливость нѣкоторыхъ гипнотиковъ отличается не только тѣмъ, что въ нихъ можно вызывать разнородную симптоматологію, и тѣмъ, что эта симптоматологія, разъ вызванная, укореняется на основаніи ассоціацій отдѣльныхъ представленій, и повторяется въ аналогичныхъ условіяхъ. Итакъ, если случилось, что у нашего гипнотика про-

явились въ нашемъ первомъ опытв опредвленныя состоянія, чередующіяся и сміняющіяся при употребленіи извъстныхъ воздъйствій, направленныхъ на извъстные пентры его, и если наблюдатель проникнуть предуб'вжденіемъ, что гипнозъ можетъ представлять одинъ классическій типъ, то онъ можеть принять проявленія и способъ реагированія своего гипнотика за типическіе, и потомъ будеть отыскивать ихъ и у другихъ. У менье впечатлительных онъ не встрытить ихъ; но относительно болве податливыхъ, - стоитъ только быть настойчивымъ въ отысканіи техъ же проявленій и реакцій, чтобы найти ихъ на самомъ дъль, или невольно, искусственно ихъ вызвать. Точно также могли-бы быть открыты другія проявленія и другія реакцін, если приступить къ изследованию съ предубеждениемъ относительно ихъ существованія. Очевидно, такому самообману всего легче подпасть тогда, когда изслидователь всепівло углублень въ изслівдованіе внівшнихъ, физическихъ признаковъ, упуская изъ вида психическое состояніе паціента, и не старается ежеминутно отдавать себъ отчеть относительно игры его воображенія и относительно того, насколько паціенть догадывается о томъ, чего собственно донскивается экспериментаторъ. Именно такимъ образомъ тщательно изследуя физическія явленія и пренебрегая совершенно психическими явленіями, производились первые опыты въ Сальпетріер'в; этимъ объясняется то, что «гипнотическія состоянія», описанныя проф. Шарко подъ названіемъ «летаргіи», «каталепсіи» и «сомнамбулизма» и описанныя въ классическомъ докладъ, представленномъ академін наукъ 13-го февраля 1882 г., оказались искусственнымъ произведенемъ самаго метода изслъдованія, а проявленія ихъ, съ выключеніемъ всъхъ подробныхъ описаній, только въ самыхъ грубыхъ чертахъ выдерживаютъ критпку изслъдователей.

Темъ не мене я упомянуль уже, что въ грубыхъ чертахъ подразделение это можетъ иметь полезное применение, а критика деталей здесь неуместна: поэтому я охарактеризую названныя три классическия состояния.

«Летаргія» — это самый глубокій сонъ; погруженный въ это состояніе представляеть изъ себя неодушевленную колоду; глазныя яблоки обращены вверхъ, такъ что, приподнимая въки, мы видимъ одинъ бълокъ. Приподнятые члены опускаются, какъ у мертваго; при этомъ полная нечувствительность не только кожи, но и слизистыхъ оболочекъ. Однако, согласно наблюденіямъ парижской школы, въ этомъ состояніи существуеть еще извістная впечатлительность, даже чрезмърная относительно механическихъ импульсовъ; она заключается въ следующемъ: если мы будемъ раздражать надавливаниемъ мускула сухожиліе его, или только нервъ, идущій къ нему, то мускуль этоть сокращается, напрягается, дервенветь; желая его разслабить, нужно такимъ же образомъ раздражать мускуль противоположный, который служить для произведенія движеній, противоположныхъ сгибанію и сокращенію. Способность эта названа «чрезм'врной мускульно-нервной возбудимостью». Что касается этого последняго отличія, то парижская школа придаеть ему большое значеніе между физическими проявленіями и видить въ этомъ върное средство не только для распознаванія летаргіи отъ каталенсін и сомнамбулизма, но и для отличія притворной летаргіи отъ настоящей. Къ сожальнію, ни одно изъ этихъ положеній не устояло, такъ какъ чрезмірная мускульно-нервная возбудимость не существуеть во многихъ формахъ летаргіи, и обратно: у очень многихъ индивидуумовъ она можетъ проявиться въ каталенсіи и въ сомнамбулизмів, а у ніжоторыхъ даже и на яву.

«Каталепсія» искусственная отличается отъ самобытной только тёмъ, что ее можно прекратить въ каждую данную минуту. Отъ летаргіи же она отличается тімъ, что приподнятые члены не опускаются, какъ у мертваго, но сохраняють данное имъ положение съ восковою податливостью. Это состояніе издавна было изв'єстно магнетизерамъ, а новыя мелочныя опредъленія признаковъ, присвоенныя ему парижской школой, далеко не постоянны Что касается этого состоянія вообще, то оно представляеть менье глубокую степень сна, чьмъ летаргія, гдь психическая жизнь замираеть совсемь, между темъ какъ тамъ пробуждается частично, по большей части въ формъ галлюцинацій. Тъмъ не менье, галлюцинаціи эти могутъ быть вызваны только пассивно, и въ этой фазъ не замъчается еще никакихъ проявленій активности и слъдовъ самодъятельности. Эта послъдняя обнаруживается только въ «сомнамбулизм'в». Въ этой фаз'в паціенть можеть отвічать на вопросы, можеть даже разговаривать и ходить по собственной иниціатив'в. Однако, если мы имъемъ полный гипнозъ, то по пробуждении не остается никакихъ воспоминаній. Между тімь, въ нівкоторыхъ формахъ сомнамбулизма даже мысль можетъ быть само-

бытно активной. Усыпленный можетъ мыслить, размышлять, искать, приноминать переходъ изъ другого состоянія гипноза и нормальной жизни. Несомивню, что эта фаза гипноза самая богатая проявленіями, бол'ве или менве особенными, исключительными, нервдко, повидимому, сверхъестественными. Нечувствительность относительно боли можеть быть въ этомъ состоянии полной точно такъ, какъ въ летаргін и въ каталепсін; иногда потерянная чувствительность однихъ органовъ вознаграждается, т. е. уравновышивается повышенной чувствительностью другихъ, точно также, какъ усыпленіе известныхъ струнъ духовной жизни можетъ вознаграждаться напряженіемъ жизненности другихъ. Въ этомъ отношеніи разнообразіе индивидуальныхъ комбинацій безгранично, и всякое подведение явлений подъ одинъ новографическій типъ (съ точки зрвнія описательной) можеть быть только искусственнымъ. Также и въ физическихъ отличіяхъ, признаваемыхъ парижской школой, нътъ никакой устойчивости.

Нельзя ли, однако, въ хаосв этихъ явленій отыскать какую-нибудь путеводную нить, которая связала бы ихъ какъ-нибудь. Эта задача не невозможна, но только, желая ее выполнить, нужно, главнымъ образомъ, налегать не на физическія проявленія, а на проявленія психическія, ставя ихъ на первомъ планѣ, а физическія на второмъ. Легко придти къ выводу, что гипнозъ прежде всего феноменъ «мозговой», а слъдовательно, главнымъ основаніемъ происходящихъ въ немъ перемънъ должны служить психическія проявленія. Охарактеризовавъ психическія перемъны, какъ главную ось этой категоріи явле-

ній, мы можемъ прибавить къ нимъ относящіяся къ данному случаю физическія переміны, и, такимъ образомъ, иміть полное представленіе объ извістной формі гипноза. Говорю «въ данномъ случай» потому, что о прочныхъ типахъ, точно опреділенныхъ, и подъ которые можно было бы подвести всі случаи, встрічаемые въ практикі, не можетъ быть и річи по причинамъ, поименованнымъ выше.

Затыть классификація, которую я изложу ниже, не будеть такимъ сборникомъ типовъ, но только теоретической схемой, служащей къ тому, чтобы наблюдатель, желающій въ нъсколькихъ выраженіяхъ дать точное опредъленіе состоянія, въ которомъ находился его паціентъ, могъ бы это легко сдълать, не прибъгая къ длинному перечню и постоянному повторенію признаковъ, какъ психическихъ, такъ и физическихъ.

Во всёхъ гипнотическихъ явленіяхъ безъ исключенія въ умственной дёятельности паціента замёчается извёстная аномалія, которая отличается степенью, но всегда той же природы. Назовемъ ее «суженіемъ сознанія» у Это единственный признакъ, обнаруживающійся подствиню. Чтобы объяснить, что нужно понимать подъ этимъ выраженіемъ, присмотримся прежде всего къ исихической жизни на яву.

Поле нашихъ впечатлѣній и воображенія въ нормальномъ состояніи всегда болѣе или менѣе обширно. У человѣка въ бодрственномъ состояніи всѣ чувства и всѣ способности дѣятельны, хотя бы только нѣкоторыя изъ нихъ функціонировали въ данный моментъ. Несомнѣнно, что при нормальномъ мышленіи нельзя думать о нѣ-

сколькихъ предметахъ одновременно; но рядомъ съ главной нитью нашихъ мыслей всегда проскальзываютъ менье ясныя, побочныя, какъ отражение вліяній извив или которыя возникають посредствомъ ассоціацій. Въ данный моментъ, наприм'връ, хотя мысль моя занята изложеніемъ моего взгляда на гипнотическія явленія, но желая выполнить эту задачу, я долженъ осв'ежить въ своей памяти всю группу этихъ явленій во всемъ ея объем'ь; чтобы не употребить такого выраженія, которое не могло бы обнять некоторыхъ изъ нихъ, или же включало бы слишкомъ много, я долженъ помнить, что сказаль и что остается еще сказать, не увлекаясь, однако, детальнымъ разборомъ одного изъ тёхъ безчисленныхъ вопросовъ, которые при этомъ сами собой возникаютъ. но требовали бы особаго спеціальнаго изложенія. При всемъ этомъ являются мысли побочныя подъ впечатлъніемъ окружающаго: я получаю рядъ впечатлівній зрительныхъ и слуховыхъ, хотя бы отъ звука собственнаго голоса, даже осязаніе пола и канедры, стёсненіе одежды вызывають своеобразныя ощущенія и т. д. Ошибается тоть, кто думаеть, что впечатленія эти излишни, что они только м'вшають. Они и м'вшають и вм'вств помогаютъ, они какъ бы поддерживаютъ сознаніе. Последнее не можеть быть вполна даятельнымь безь этой подкладки разнообразныхъ впечатл'вній. Убыль одного чувства не можеть еще зам'втнымъ образомъ отразиться на состояніи сознанія, но недочеть двухъ, трехъ изъ нихъ уже причиняетъ положительное разстройство. Штрюфиель приводить примъръ больнаго, потерявшаго осязаніе, вкусь и обоняніе, который, кром'в того, сталь

глухъ на правое ухо и не видѣлъ лѣвымъ глазомъ. Этому больному стоило закрыть правый глазъ и заткнуть лѣвое ухо, чтобы почти немедленно потерять сознаніе. Прибавимъ, что не только полный недостатокъ впечатлѣній, но и однообразіе ихъ можетъ наводить сонъ. Такъ мельникъ засыпаетъ при грохотѣ мельницы и пробуждается при остановкѣ ея, потому что каждая смѣна впечатлѣній будитъ наше сознаніе. Для людей, развитыхъ умственно, собственныя ихъ мысли могутъ поддерживать бодрственное сознаніе, тѣмъ не менѣе, оно неизбѣжно поддерживается въ насъ массой разнородныхъ впечатлѣній, хотя бы и безсознательныхъ. Однимъ словомъ, на яву господствуетъ «полиидеизмъ», т. е. богатство впечатлѣній, мыслей и вообще психической дѣятельности.

Теперь обратимъ вниманіе на такое гипнотическое состояніе, которое всего мен'ве разнится отъ психической жизни на яву, и посмотримъ, въ чемъ собственно зам'вчается уклоненіе. Такимъ состояніемъ является активный или «д'ятельный сомнамбулизмъ». Мнів часто случается съ терапевтическою ц'ялью оставлять больныхъ въ этомъ состояніи на бол'ве продолжительное время. Я разговариваю съ ними, какъ будто они не спятъ. У нівкоторыхъ изъ нихъ даже глаза открыты, они могутъ двигаться, ходить, ссориться, спорить, разсуждать, півть, шить или стряпать (я былъ однажды приглашенъ на об'ядъ, приготовленный лунатикомъ); если бы въ это время вошелъ посторонній, незнакомый съ этой формой сомнамбулизма, то онъ не догадался бы, что видитъ передъ собою спящаго. Однако, присматриваясь внимательніе, онъ зам'в-

тилъ бы извъстную особенность. Глаза, хотя открытые, глядять почти неподвижно. Спящій видить передъ собою, но не видитъ вокругъ. Слышитъ того, кто обращается къ нему, въ особенности своего магнетизера, но не слышить другихъ или слышитъ хуже. Поле его впечатлений значительно ограничено. Работу, находящуюся въ его рукахъ, онъ исполняетъ превосходно, но онъ не почувствуетъ неожиданный уколъ булавки въспину. Въ психической діятельности замінается то же суженіе сознанія, только это трудніве замізтить. Такъ напр., разговоръ ведется свободно, но односторонне, въ одномъ направленіи, вертится какъ бы въ замкнутомъ кругів; вліяніе разностороннихъ побочныхъ соображеній, которому человівкъ подчиняется на яву, прекращается; взгляды односторонніе, хотя временами бол'є трезвые, всл'єдствіе отсутствія побочныхъ мотивовъ. Вообще, усыпленный искренне, можеть мене подделываться, маскироваться. Побужденія, дійствующія въ данный моменть, усиливаются отъ недостатка контроля надъ ними и противодвиствія другихъ побужденій. Такъ напр., если на яву было недовольство жизнью, то въ усыпленномъ состояніи оно можетъ разростись до отчаянія; если были пріятныя впечатленія, то они переходять въ родь экстаза. Въ общемъ память ограничена въ данный моментъ, но она становится очень точной, боле точной, чемъ на яву, относительно изв'ястнаго ряда воспоминаній; такъ напр., неръдко случается, что усыпленный субъектъ можетъ повторить дословно цёлыя страницы книжки, которую передъ этимъ онъ разъ прочиталъ со вниманіемъ. Однимъ словомъ, во всёхъ сферахъ мы наблюдаемъ «су-

женіе сознанія», которое сопровождается обыкновенно большею отчетливостью представленій и усиленіемъоднихъ чувствъ и впечатленій на счеть другихъ. Всёмъ известны легенды о необычайной ловкости лунатиковъ, смёло переходящихъ опасныя места; это обусловливается темъ, что они не видять опасности; лунатикъ видить или скорће представляетъ себъ ясно только ту узкую дорожку, по которой проходить, но ничего не видить вокругъ, а потому не боится. Каждый изъ насъ легко пройдеть по балкв, положенной на землв, и точно также прошель бы по этой балкъ, находящейся на большой высотв, если бы онъ не сознаваль опасности. Следовательно, въ сомнамбулизмъ мы замъчаемъ тотъ же полиндензмъ, какъ на яву, но полиндензмъ суженный; только извъстныя части мозга функціонирують сильно, а другія усыплены. Болье того, и въ дьятельности этихъ активныхъ частей мозга замічаемъ какъ бы перерывы. Въ особенности это замътно въ пассивномъ сомнамбулизмъ. «Въ пассивномъ сомнамбулизмъ паціентъ можетъ говорить, но только тогда, когда мы спросимъ, можетъ мыслить, но лишь до техъ поръ, пока длится импульсъ, вызывающій данную группу мыслей, можеть двигаться, но только по приказанію, и потомъ впадаеть въ летаргическій сонъ. Наконецъ, въ «активно-пассивномъ сомнамбулизмъ» субъектъ дълается совершенно безсмысленнымъ автоматомъ; вызванное движение повторяется имъ безъ конца, пока его что-нибудь не остановить; онъ становится похожимъ на голубей, которымъ Флуренсь выразываль мозгъ, оставляя только автоматические центры; голуби эти стоятъ неподвижно на одномъ

мъстъ, и околъли бы надъ миской съ верномъ, если ихъ не заставить клевать. Перепуганные, они взлетають вверхъ, и несутся по прямой линіи, пока не ударятся о ствну и не упадуть. Аналогія этихъ фактовъ полная, потому что хотя у сомнамбула мозъ не вынутъ, но обезсиленъ и неспособенъ къ самостоятельной дъятельности. Разумвется, что эти три формы сомнамбулизма ръдко обнаруживаются въ отдъльности и отчетливо. Обыкновенно состоянія пассивное и активное перемежаются и комбинируются различно въ зависимости отъ большей или меньшей глубины гипноза. Если представленія д'ятельнаго мозга уменьшаются въ количеств'ь, то они выигрывають въ смысле ясности. Сосредоточение вниманія позволяеть намъ видіть данный предметь, но одновременно находящіеся другіе предметы мы перестаемъ зам'вчать.

Нъмецкая школа Герберта прекрасно выяснила этотъ законъ взаимнаго ослабленія впечатльній, а покойный проф. Дробишъ любилъ сравнивать представленія съ извъстнымъ количествомъ каучуковыхъ мячиковъ, сжатыхъ въ одномъ ящикъ. Когда мы вынемъ нъкоторые изъ нихъ, тогда другіе, занимая ихъ мъсто, силою своей эластичности расправляются и округляются. Вотъ почему, желая что-нибудь припомнить, мы закрываемъ глаза и дълаемъ усиліе устраниться отъ всякихъ побочныхъ впечатльній.

Возьмемъ теперь такой частный случай, въ которомъ, благодаря естественнымъ особенностямъ индивидуума, всѣ впечатлѣнія и представленія могутъ быть быстро исключены, кромѣ одного. Что же пропзойдеть? — Это

единственное представленіе усиливается и д'влается господствующимъ. Одна большая пружина, не сжатая другими, напрягаетъ или, лучше сказать, проявляетъ всю свою силу. Это будетъ фаза «монопдеизма». Это безспорно самое занимательное и наибол'ве мистическое изъ вс'вхъ состояній гипноза.

Обособленное, изолированное представление становится галлюцинаціей; оно принимаетъ образность и яркость дъйствительнаго впечатлънія. Если въ данный моменть я произнесу слово «ламиа», то каждый изъ слушателей пойметь, о чемъ я говорю, потому что звукъ этого слова вызоветь соответственное представление лампы; но этотъ образъ промелькиетъ бледный, не ясно очерченный, и никому не придетъ въ голову принять это представленіе за дъйствительное впечатление стоящей на столе лампы. Желая получить болье ясное о ней представление, нужно закрыть глаза, устранить отъ себя всв другія впечатленія и сосредоточить мысль на одномъ этомъ предметь, такъ какъ всякія другія мысли заслоняють это внутреннее видъніе. Знаменитый французскій психологъ Н. Таіпе (Тэнъ) превосходно описаль въ своемъ соч. «Объ интеллекть» эту борьбу впечатлиній между собою и ихъ взаимное сглаживаніе. Въ мозгу загипнотизированнаго этой борьбы н'ьтъ. Постороннія впечатя внія и представленія какъ бы выметены изъ мозга; но органъ этотъ не мертвъ; напротивъ того, онъ способенъ къ сосредоточенной дъятельности, именно благодаря пріостановкъ другихъ функцій нервной системы; поэтому данное прелставленіе, оставленное нами въ этомъ мозгу, или которое мы вызвали въ немъ, пріобрѣтаетъ исключительную

силу, и стоить сказать усыпленному субъекту: «вотъ лампа», и онъ увидить ее ясно, отчетливо и такъ живо. какъ еслибы она стояла передъ нимъ на яву. Болве того (тутъ мы вступаемъ въ область наиболье поучительныхъ феноменовъ), если субъектъ находится, хотя бы минутно, въ состояніи полнаго моноидензма, то мы увидимъ, что «зрачки у него сократятся» при видъ воображаемой ламиы. Я демонстрироваль этоть опыть 8-мъ лътъ тому назадъ въ Варшавскомъ Общестъ врачей. Опыть доказываеть, что «представленіе можеть не только перейти въ галлюцинацію, но сверхъ того можетъ проявить «физическое» действіе, свойственное действительному впечатленію». Если и внушу субъекту, что лампа погасла, и что вокругъ господствуетъ полная темнота, то зрачки его расширятся до такой степени, что является возможность изследовать внутрепность глаза офтальмоскопомъ такъ, какъ послъ впусканія атропина. Примъръ этотъ показываетъ, что въ состояніи гипноза мы можемъ чисто психическимъ воздействіемъ. т. е. путемъ центробъжнымъ, вызывать перемъны, которыя до сихъ поръ умели вызывать исключительно лишь физическими, внешними агентами. Идемъ дале: если я скажу усыпленному субъекту «ахъ, какъ жарко»! то въ мозгу его, неспособномъ къ контролю, вызовется не только представленіе, но и ощущеніе тепла. Если я буду настаивать, повторяя внушеніе или уговариваніе впродолжение некотораго времени, то я могу вызвать у него не только ощущение тепла, но и «дъйствительное повышеніе t°», которое въ моемъ опытв достигло 0.9° С. Наобороть, въ горячкъ можно добиться пониженія t°

на цёлый градусь впродолжение 2-хъ часовъ. Я производиль этотъ опыть 5 лёть тому назадъ въ Сальпетріерѣ въ присутствіи Voisin, еще нісколькихъ врачей надъ больной чахоткою, а 9 льтъ назадъ у меня быль менве успешный опыть во Львов'в, тогда t° понизилась всего на 1/2°. Послѣ того я не возобновляль этихъ опытовъ. Почему? — Потому что, по моему мнинію, не слидуеть злоупотреблять, распоряжаясь по своему произволу организмомъ паціента. Бываютъ случаи, когда пониженіе t° полезно для организма; но столь распространенное нынъ стараніе прерывать лихорадку съ помощью хины и антипирина очень часто приноситъ вредъ. Лихорадка большею частью не есть проявление бользии, а следствие стремленія организма пересилить бользнь. При нервныхъ хроническихъ страданіяхъ, магнетизируя безъ усыпленія, очень часто «вызываемъ лихорадку», послів которой наступаетъ замѣтное улучшеніе. Вообще это хорошій признакъ, когда при магнетизированіи повышается t°: не разъ такимъ образомъ я способствовалъ проявленію желаннаго кризиса. Прерываніе лихорадки въ такихъ случаяхъ должно идти въ разрѣзъ съ цѣлями природы и м'вшать установленію равнов'всія въ организм'в, разрешению местного восполения, выделению вредных элементовъ или всасыванію выпотовъ. Сама природа указываетъ намъ этотъ раціональный путь. Магнетизмъ (я говорю въ данный моментъ о магнетизированіи безъ усыпленія и безъ внушенія) не вызываетъ въ организм'в никакой пертурбаціи, а только укрыпляеть его и ускоряеть самостоятельную реакцію организма противъ бользни. Не вполнъ понятыя въ настоящее время наблюденія свиль-

тельствують, что въ хроническихъ нервныхъ бользняхъ появляющаяся воспалительная бользнь ведеть къ выздоровленію. Такимъ образомъ не разъ вылечивались эпилепсія и даже умопомъщательство. Посль тифа или рожи головы вылечивались отъ истеріи, невралгіи или меланхоліи. Вотъ почему не слъдуеть дъйствовать даже посредствомъ внушенія на пониженіе t°, не распознавъ точнымъ образомъ, представляетъ ли лихорадка, о которой идетъ ръчь, явленіе бользненное или же она является какъ реакція организма противъ бользни. Въ этомъ отношеніи магнетизмъ даетъ намъ извъстный критерій, на которомъ я, однако, дольше останавливаться здъсь не могу.

Подобно проявленіямъ тепловымъ мы можемъ модифицировать посредствомъ внушенія и другія функціи, такъ какъ всіє онів находятся въ зависимости отъ нервной системы. Такъ, напр., мы можемъ отнять или увеличить аппетитъ. Літъ 20 тому назадъ у меня удался этотъ опытъ помимо воли. Мальчикъ, котораго я усыпилъ, разсказывалъ намъ въ состояніи ясновидівнія, что дівлаютъ наши знакомые въ такъ называемомъ западномъ країв...

— Они сидятъ за ужиномъ, говорилъ онъ, и ѣдятъ горячій картофель съ кислымъ молокомъ.

Видно было по его лицу, что ему нравится это кушанье. Я думаль, что по пробужденіи онъ пожелаеть устроить себ'в подобное угощеніе. Но вышло наобороть. Когда наступило время ужина, мой сомнамбуль не хочеть ничего всть. Спрашиваю, почему это? Потому, отвічаеть онь, что я навлся картофелю съ кислымь молокомъ. — Гдѣ, когда? Онъ былъ очень смущенъ вопросомъ, потому что ничего болѣе не могъ припомнить, но въ этотъ вечеръ онъ ничего не ѣлъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, я какъ-то собирался въ театръ съ одной особой; она была голодна и хотѣла прежде чего-нибудь поѣсть, я же не желалъ опоздать и уговаривалъ ужинать послѣ театра. Такъ какъ ее можно было усыпить въ одну минуту, то я гипнотизирую ее и говорю: «ты уже не хочешь ѣсть, ты совсѣмъ сыта». Я разбудилъ ее, и мы пошли въ театръ. Послѣ театра мы должны были ужинать; но внушеніе такъ хорошо подѣйствовало, что аппетитъ у ней пропалъ совершенно и вернулся только на другой день.

Такимъ же образомъ можно «вызвать» аппетитъ. Впрочемъ, это случается неръдко при лечении магнетизмомъ, безъ гипнотизма и внушенія, потому что действіемъ здороваго тела на больное мы ускоряемъ обмень веществъ, а спеціально действуя рукой на подложечную ямку и кишки, мы можемъ возбудить въ нихъ перистальтическое движеніе. У субъектовъ, склонныхъ къ усыпленію и къ состоянію моноидензма, можно достигнуть того же скорве посредствомъ внушенія. Но слвдуеть ли д'вйствовать внушеніемъ (если возможно), когда больной слабветь безъ пищи?- Нвтъ, не следуетъ. Тутъ повторяется исторія съ лихорадкой. Иногда возврать аппетита полезенъ, но очень часто и нътъ, можетъ даже продлить бользнь. Почему больные обыкновенно теряютъ аппетить? Потому что большею частью больной организмъ долженъ кое-что вывести, выделить, обновить въ тканяхъ; стремясь къ этому, онъ долженъ сперва «потребить» то, что есть. Но такъ какъ целесообразность организма никогда не достигаетъ полноты совершенства, то, выдыляя непотребное, онъ выдыляеть и часть того, что долженъ былъ бы сохранить. Организмъ не можетъ, какъ хирургъ, выръзать только ракъ и оставить все остальное, хотя иногда и это удается ему, напр., когда отчетливо обозначенная линія м'ьстной гангрены отдівляеть больныя части отъ здоровыхъ. Но чаще естественная сила самосохраненія требуеть помощи или хирурга, который бы удалиль больныя части, или врача, который бы укрвпиль здоровыя части твла. Но здоровыя части не укрыпляются пищею въ ту пору, когда больной, чувствуетъ къ ней отвращение, равно и средствами искусственно возбуждающими аппетить; нужно, чтобы аппетить появился самь естественнымь путемь. Дъйствуя только магнетизмомъ, я не имъю сомнъній, что повредилъ больному, потому что аппетитъ у него придетъ лишь тогда, когда онъ можетъ появиться, это значитъ тогда, когда монмъ вліяніемъ укрупятся симпатическіе нервы, управляющие законами растительной жизни, въ которыхъ замъчается нарушение правильности во всъхъ самыхъ разнообразныхъ бользияхъ. Дыйствуя непосредственно внушениемъ, я могъ бы вызвать аппетитъ преждевременно. Почему преждевременно? Потому что неръдко организмъ прозорливъе врача назначаетъ самъ себъ голодное леченіе, которое, напр., подъ именемъ метода Шрота, даетъ такіе чудодійственные результаты при золотух в и бользнях кожи, при различнаго рода катаррахъ, вообще вездъ, гдъ нужно впередъ израсходовать испорченныя ткани, выд'влить вредные продукты, а потомъ уже обновить ткани и реставрировать органы. Однимъ словомъ, отсутствіе аппетита, подобно лихорадкѣ, можетъ быть не симптомомъ болѣзни, но признакомъ реакціи организма противъ болѣзни, а потому смѣлое пользованіе внушеніемъ не всегда умѣстно.

Независимо отъ какого бы то ни было примъненія, самый фактъ возможности такого рода вліяній покажется многимъ неправдоподобнымъ. Какимъ образомъ простымъ внушеніемъ можно оказывать дійствіе на функціи, не зависящія, повидимому, отъ психической жизни? Я не удивляюсь этому неверію. Врачи такъ привыкли всего искать въ клеточкахъ, не интересуясь впечатленіями и представленіями, а психологи такъ долго работали надъ обособленіемъ души отъ тѣла, что всв явленія, основанныя на пхъ взаимодійствін, оставались неизученными. Если же и случались такіе факты, какъ напр., такъ наз. «стигматы у экстатиковъ», обнаруживающіе силу вліянія воображенія на тело, или исцеленіе одержимыхъ или леченіе истеріи посредствомъ «экзорцизмовъ», которые доказывали лечебную силу внушенія, то на нихъ смотръли или какъ на чудеса, которыя не изследуются, или же не давали имъ веры, предполагая иллюзію или обманъ. При такомъ настроеніи изследователей не могло быть, конечно, и речи о разъясненій этихъ явленій. Только гиппотизмъ вывелъ все это на свътъ, и лишь теперь можетъ быть ръчь, во 1-хъ, о провъркъ этихъ фактовъ (а при терпъніи и желаніи всякій можеть выполнить эту задачу), а во 2-хъ, о включенін ихъ въ изв'єстныя раціональныя формулы.

Попробуемъ это сдёлать.

Всякій знаетъ, что онъ можетъ шевельнуть пальцемъ, когда захочетъ, никого это не удивляетъ, потому что съ этимъ фактомъ мы освоились. Никому не приходитъ въ голову, что это явленіе очень сложное и вполнѣ аналогичной природы съ повышеніемъ t° посредствомъ внушенія или съ появленіемъ стигматовъ. Вся разница въ томъ, что одни изъ этихъ явленій болѣе обыденны, а другія исключительны.

Желая шевельнуть пальцемъ, я представляю себъ это движение и произвожу его на самомъ дълъ. Какимъ образомъ? - Этимъ я вовсе не затрудняюсь; довольно съ меня того, что я изъ опыта знаю о возможности выполненія этого акта простымъ побужденіемъ воли. Но какимъ образомъ воля или представление о движении, будучи проявленіями психической жизни, сокращають соотв'ьтствующіе мускулы? Объ этомъ я ничего не знаю. Этотъ процессъ связанъ двумя звеньями: одно изъ нихъ психическое и сознательное, другое физическое и безсознательное. Желая шевельнуть пальцемъ, нужно въ извъстныхъ и только въ известныхъ нервахъвызвать известные токи и въ некоторыхъ мускулахъ, только въ некоторыхъ извёстныя сокращенія. Эти возбужденія и сокращенія появлялись сначала «рефлекторно», независимо отъ нашей воли; но когда разумъ развился, въ немъ постепенно окрыпли «представленія» объ этихъ движеніяхъ, видінныхъ глазомъ, ощущаемыхъ кожей и мускульнымъ чувствомъ. По мфрф повторенія «окрфпла ассоціація» между представленіемъ движенія и тіми возбужденіями и сокращеніями, которыя его осуществляютъ, или, говоря короче: между представленіемъ и

извъстнымъ органическимъ состояніемъ. Такую ассопіацію мы назовемъ «пдео-органической» въ отличіе отъ обыкновенныхъ ассоціацій или ассоціацій между представленіями, о которыхъ говорится въ психологіи, напр., когда видъ тучи вызываетъ мысль о дождъ или имя напоминаетъ человъка. Познакомившись съ фактомъ существованія «идео-органических» ассоціацій, нужно припомнить изъ психологіи о томъ, что если, напр., прелставленіе тучи напоминаетъ намъ о дождів, то и обратно представление о дождъ можетъ вызвать мысль о тучахъ, а изъ физики мы знаемъ, что если теплота можетъ производить механическое движение, то и обратно послъднее можетъ производить теплоту. Это и есть «законъ обратности», который я изложиль въ моемъ сочиненіи «Сила какъ движеніе», и котораго могу коснуться зд'ясь лишь очень поверхностно. Такъ какъ эти два звена, о которыхъ мы говорили, суть звінья одной ассоціаціи, то станетъ понятно, что если движение вызвало представление. то обратно последнее можетъ вызвать движение. Можетъ, но не всегда вызываетъ, потому что для этого требуются спеціальныя условія. Какія же это спеціальныя условія?

Устраненіе препятствій. Препятствія эти главнымъ образомъ психической природы: одни представленія ослабляють и даже парализують другія. Положимъ, я представляю зѣвоту; но умъ мой занять въ данную минуту чѣмъ угодно, только не зѣвотой. А еслибы я сидѣлъ такъ спокойно, какъ почтенный читатель, и такъ же любезно поддавался бы пассивнымъ впечатлѣніямъ, то, кто знаетъ, можетъ быть простое воспоминаніе о зѣвотѣ и вызвало бы ее. Такое осуществленіе идеи

мы называемъ «идеопластикой»; основой для нея ;служать «идео-органическія ассоціаціи», а импульсь, вызывающій первую при посредств'я вторыхъ, мы называемъ «внушеніемъ» или уговариваніемъ. Если мн'в удается вызвать у усыпленнаго субъекта повышение t°, субъективное или объктивное, увъряя его, что жарко, то это потому, что въ его организм'в впродолжение жизни укоренилась ассоціація между состояніемъ организма соответствующимъ теплу и представлениемъ тепла, и что одно можетъ вызывать другое. Въ состояніи моноидеизма условія для такой идеопластики исключительно благопріятны. «Представленіе, теряя свои психическія ассоціаціи, возстановляєть свои органическія ассоціаціи» и такимъ образомъ осуществляеть то самое состояніе, символомъ котораго оно должно было служить для сознанія. Само собою разумівется, что если мы захотимъ посредствомъ внушенія вызвать такое органическое состояніе, которое никогда въ данномъ организм'в не бывало, тогда мы будемъ разочарованы, и это служитъ для меня однимъ лишнимъ доказательствомъ того, что Нантійская школа заблуждается, допуская, что она все производить внушениемъ и только посредствомъ внушения, потому что въ сущности идеопластика — это «припоминаніе», а припоминать мы можемъ только то, что уже раньше знали. Если я могу отогръть ноги больному посредствомъ внушенія, то это потому, что нормальная циркуляція въ ногі ассоціировалась съ субъективнымъ ощущениемъ тепла; но если-бы я сталъ ему внушать, что у него на ладони растутъ волосы, то отъ этого у него не выросли-бы волосы на ладони. Нантійская школа,

усыпляя внушеніемъ, вызываетъ лишь нормальный сонъ; если же и при этомъ методѣ нѣкоторые индивидуумы впадаютъ въ состояніе гипноза, то это потому, что въ этомъ случав употребляють, не придавая значенія, и другіе пріемы, какъ-то: прикладываніе рукъ, пассы, заставляють всматриваться въ одну точку, — все это оказываеть действіе при внушеніи и безь внушенія; играеть туть роль также и подражаніе, которое въ изв'єстной мфрф замфияетъ нашъ собственный опытъ. Я долженъ прибавить, что предыдущее суждение должно быть ограничено следующимъ соображениемъ: подобно нашей фантазін, которая изъ изв'єстныхъ данныхъ творить новыя комбинаціи въ поэзін, и въ этомъ физіологическомъ творчествъ, если можно такъ выразиться, изъ извъстныхъ элементовъ опыта могутъ образоваться новыя комбинаціи. Н'якто, напр., никогда не бывшій въ состояніи каталепсіи, можетъ, однако, проявить ее въ усыпленіи подъ вліяніемъ внушенія, какъ только я ему скажу: «твоя рука сохранить всевозможныя положенія, какія я ей придамъ». Однако, такая неподвижность членовъ относительно разъ даннаго положенія еще не есть настоящая каталепсія; каждый опытный наблюдатель можетъ убъдиться, что эта характерная восковая гибкость членовъ можетъ выработаться только постепенно изъ каталепсін, появившейся подъ вліяніемъ внушенія, которую нужно разсматривать какъ-бы проявленіемъ податливости паціента, а не характернымъ проявленіемъ гипноза. Наконецъ, я долженъ упомянуть, что гипнотическое состояніе, вызванное первый разъ иными пріемами, можетъ быть вызвано повторно внушеніями только

ими, что для поверхностнаго наблюдателя является аргументомъ въ пользу исключительной теоріи внушенія. Аргументь этоть основанъ на неточныхъ разсужденіяхъ: изъ того, что явленія, вызванныя первый разъ магнитомъ, металломъ или сосредоточеніємъ вниманія и переутомленіемъ одного чувства, можно повторно вызвать однимъ внушеніемъ, не слѣдуетъ еще, что магнитъ и металлъ съ одной стороны, а сосредоточеніе вниманія и переутомленіе съ другой—не дѣйствуютъ иначе, какъ черезъ посредство внушенія. Разсуждая такимъ образомъ, можно придти къ убѣжденію, что лошади не могуть вести локомотивъ, потому что локомотивъ можетъ самъ идти безъ лошади.

Мы говорили о состояніи моноидеизма и я упомянуль о каталепсін; легко зам'тить, что если полиидензмъ соотвътствуетъ сомнамбулизму въ подраздъленіяхъ Парижской школы, то каталепсія — одно изъ проявленій моноидензма. Въ самомъ дълъ, каталенсія выражается въ томъ, что одно положеніе, данное членамъ, остается неизмѣннымъ за недостаткомъ другихъ представленій и стремленій, въ силу которыхъ усыпленный могъ бы перемънить положение тыла. Это моноидеизмъ нассивный. проявляющійся въ состояніи мускуловъ. Въ другихъ формахъ моноидензма мы наблюдаемъ проявленія болье внутренняго характера, психическія; но онъ можеть обнаруживаться иначе и извив, какъ моноидензмъ активный, напр., если руку паціента привести въ однообразное вращательное движение, то онъ будеть повторять это движение непрестанно, не въ силахъ будучи ни измънить его, ни удержать, или если мы переведемъ взглядъ

паціента на глаза другого, то онъ будеть сліднть за нимъ какъ безумный, не будучи въ силахъ закрыть глаза или смотръть куда-нибудь въ сторону; онъ находится какъ бы подъ гнетомъ этого единственнаго, навязаннаго ему впечатленія. Некоторые изъ читателей могутъ навърное припомнить этотъ опытъ, популяризованный Донатомъ: когда магнетизеръ перевелъ взглядъ г-жи L. на одного изъ присутствующихъ, то она ни на шагъ отъ него не отходила и съ необыкновенною силою протестовала противъ попытокъ лишить ее этого единственнаго предмета, овладъвшаго всъмъ ея вниманіемъ. Эти опыты доказывають намъ, какую огромную силу обнаруживаетъ воображение, если ничто не перебиваетъ единственнаго представленія и не стесняетъ его. Усыпленный субъектъ, притягиваемый магнетизеромъ, обходить всв преграды, лишь бы достигнуть до него, и при этомъ нередко обнаруживаетъ силу вчетверо бол'ве обыкновенной. Для наблюдателя явленіе это им'ветъ видимость действительной физической атракціи, и ему невольно приходить на умъ сравнение о притяжении жельза магнитомъ; но аналогія только кажущаяся, потому что въ этихъ опытахъ физическое дъйствіе не играетъ никакой роли: гипнотикъ побуждается собственнымъ воображеніемъ, а не притягивается посторонней силой. Онъ видитъ магнетизера и не видитъ ничего болве; поглощенный мыслыю ходить за нимъ, онъ неспособенъ къ воспріятію другой мысли, потому и кидается за нимъ, какъ автоматъ, у котораго завели пружину. Однако, если въ этомъ случав, какъ было сказано, все объясняется воображеніемъ, то изъ этого еще не следуетъ, чтобы ана-

логичное явление не существовало въ магнетизмъ и безъ участія воображенія. Такъ разсуждають обыкновенно поверхностные наблюдатели, но не такъ должно разсуждать. Говорять, что рука не дъйствуеть на гипнотика, потому что, действуя рукою безъ ведома усыпленнаго, я не достигь желаемаго. Это не доказательно. Тотъ, который такъ разсуждаетъ, могъ ничего не обнаружить не только у одного, но и у 50-ти и у 100 гипнотиковъ, но и это не могло бы быть принято за отрицательный результать, потому что такіе сенситивы, которые могли бы служить для отрывочныхъ опытовъ действія магнетизма безъ участія воображенія и для оказанія д'яйствія руки безъ въдома паціента, очень ръдки. 100 опытовъ могли дать отрицательные результаты, ничего не доказывающіе, ограничивающіе только легкость демонстраціи этого рода случаевъ, а 101-ый можетъ дать доказательство положительное, которое уничтожить предъидущія. Изъ того, что 100 челов вкамъ не вредитъ куреніе, не слідуетъ еще, что нътъ такихъ, которымъ бы оно не вредило. Изъ того, что 100 бусолей съ грубой проволокой не обнаруживають существованія токовь въ нервахь и мускулахь, не значить еще, что ихъ не обнаружить гальванометръ du Bois Reymond'a. И въ самомъ д'Ел'в, какъ съ помощью этого последняго аппарата можно обнаружить существование токовъ въ нервахъ и мускулахъ, такъ есть сенситивы, на которыхъ рука оказываетъ дъйствіе на разстояніи безъ участія воображенія. Я производилъ такой опыть 8 л. тому назадъ въ г. Львовъ въ обществъ врачей надъ однимъ студентомъ университета, у котораго голова была закрыта, между твиъ какъ протянутая рука оказывала на него дъйствіе на разстояніи. И этоть факть не достаточно убъждаеть нась въ томъ, что рука дъйствуеть подобно магниту, но во всякомъ случать доказываеть, что она дъйствуеть независимо отъ воображенія, такъ какъ усыпленный не могь знать, гдъ находится рука.

Я стараюсь избъгать насколько возможно техническихъ выраженій, но я долженъ привести еще одно, характеризующее особое состояние моноидензма. Это такъ называемыя «катаплексія», которую не нужно смішивать съ каталепсіей. Мы знаемъ уже, что представляеть изъ себя эта последняя. Катаплексіей можно назвать изв'єстнаго рода безсиліе отъ испуга (отъ слова Katapleksein испугь), только это испугъ особаго спеціальнаго присхожденія. Въ опытахъ Доната надъ лицами изъ публики чаще всего проявлялось это состояніе гипноза. Онъ поступаеть такимъ образомъ: велитъ стоящему передъ нимъ опереть свои ладони, сильно нажимая, на его ладони; этимъ напряженіемъ силы и вниманія въ одномъ направленіи онъ приготовляетъ паціента впродолженіе нісколькихъ минуть, а потомъ вдругь съ угрожающимъ выраженіемъ лица впивается въ него взглядомъ. Если паціенть впечатлителенъ, то въ мозгу его происходитъ сотрясение, которое уничтожаетъ всякую самодъятельность мысли и вызываетъ въ организмъ требуемое состояніе. Если же магнетизеръ при этомъ сделаетъ движение рукою, какъ будто бы онъ хотель приковать ноги къ земле, то ноги останутся точно прикованными. Паціентъ, не смотря на всѣ усилія, не можетъ двинуться съ мъста или перейти черезъ означенную черту. Мы видимъ, что это состояніе не похоже

на каталенсію, такъ какъ у паціента ніть восковой гибкости мускуловъ; не похоже оно и на параличъ, потому что паціенть можеть производить другія движенія, напр., перебирать ногами или даже идти назадъ, но не можетъ произвести именно того движенія, которое ему запрещено; оно не похоже также и на состояніе «tetanos'a» (одеревеньніе), потому что въ ногь ньть контрактуры (судороги) или постояннаго сокращенія мускуловъ, когда нога точно изъ дерева и вовсе не сокращается; это безсиліе только относительное, исихическое, относительно только извъстнаго движенія, безсиліе, стъсненіе, вызванное потрясеніемъ аналогичнымъ испугу. Preyer относитъ къ этой категоріи опыты съ животными, въ особености надъ птицами, у которыхъ, собственно говоря, нътъ сна; глаза у нихъ открыты, дыханіе ускоренно, удары сердца учащены, но при этомъ полное безсиліе и зам'єтная нечувствительность. Лучше всего эти опыты удаются на канарейкахъ и на ракахъ. Канарейку кладутъ на руку вверхъ брюшкомъ, и при этомъ придерживаютъ пальцами такъ, чтобы она не могла шевельнуться; послъ нъсколькихъ безполезныхъ попытокъ вырваться птица приходить къ убъжденію, что она потеряла способность двигаться. Эта мысль поражаеть ее страхомъ и она обезсиливаетъ на самомъ дълъ. Рака ставятъ головой внизъ, подпирая его ножками, и такъ поддерживаютъ его нъсколько минутъ, послъ чего онъ самъ будетъ стоять неподвижно; отрезвить его можно дуновеніемъ. Однако, и между животными бывають индивидуумы не впечатлительные, но вышеупомянутые опыты удаются надъ большей частью изъ нихъ. Состояніе катаплексіи можетъ

наступить у людей впечатлительныхъ подъ вліяніемъ сильнаго неожиданнаго звука или подъ вліяніемъ неожиданнаго ослъпительнаго свъта, также какъ каталепсія, но случается это почти исключительно съ теми, которые были уже гипнотизированы, и при этомъ пріемами, не согласными съ правилами гигіены. Добросов'єстный и знающій магнетизеръ не допустить, чтобы у его паціента развилась такая бользненная впечатлительность къ постороннимъ вліяніямъ. Въ медицинѣ это состояніе не имветь применения и не должно быть вызываемо у больныхъ вовсе, а у здоровыхъ очень осторожно. Субъекты, надъ которыми производять публичные эксперименты этого рода, подвергаются иногда нервному разстройству. Можно, однако, изб'єжать этого разстройства, нужно старательно будить паціента и хорошо привести его въ себя, а если у него наступило уже нервное разстройство, то нужно усыпить его и оставить въ покож на некоторое время, потомъ гарантировать его внушениемъ и старательно пробудить. Между твмъ, если пассивныя состоянія монопдеизма вызваны мягкими пріемами, то они представляютъ самое благодарное поле для терапіи посредствомъ внушенія. Иногда достаточно одного внушенія въ этомъ состояніи для излеченія отъ долговременной бользни. Но чистая форма моноидеизма наблюдается ръдко, а потому соотвътственно индивидууму следуеть прибегать къ различнымъ гипнотическимъ пріемамъ или методамъ. Изъ этого не следуеть, чтобы внушение удавалось «только» въ состоянии моноидеизма. Монопдеизмъ такое состояніе, въ которомъ внушеніе должно имъть успъхъ, но оно можетъ удасться и при

полиидеизмѣ, потому что это состояніе представляетъ изъ себя нѣчто смѣшанное, включая лишь въ себя моменты моноидеизма въ большей или меньшей степени; поэтому терапевтическое внушеніе можетъ быть съ успѣхомъ примѣняемо и въ очень легкихъ формахъ гипноза, а иногда и на яву. Впрочемъ, субъектовъ, вовсе не поддающихся усыпленію и внушенію, можно лечить собственно магнетизированіемъ, дѣйствіе котораго, если паціентъ и не ощущаетъ субъективно, обнаружитъ объективно силомѣръ, термометръ или приборъ для измѣренія чувствительности.

« Если каталенсію или другое состояніе моноидензма поддерживаеть только одно известное впечатленіе, напр. свёть, то въ такомъ случай ослабление этого впечатления погружаеть больного въ более глубокій сонь, въ которомъ ужъ вовсе нътъ мысли. Это состояние мы называемъ «аидеичнымъ», это полный покой, отдыхъ вскуъ функцій животной жизни; какъ таковой, онъ играетъ неизмъримо важную роль въ терапіи. Очень часто безсонница, нервное разстройство и т. п., будучи лечимы безуспъшно наркотическими средствами и такъ называемыми успоканвающими средствами, которыя на самомъ дълъ отравляють и нарализують, поддаются излечению при болве или менъе долгомъ примънении андеичнаго гипноза, потому что это состояние успокаиваеть не оттого, что парализуетъ мозгъ или отравляетъ нервы, но оттого, что предоставляеть имъ естественный полный отдыхъ и время для возстановленія ихъ нормальнаго состоянія. Иногда сама природа прибъгаетъ къ этому лечебному методу въ своихъ чудодъйственныхъ кризисахъ и очень

часто стремится къ улучшенію состоянія организма посредствомъ сна. Вольшая часть незначительныхъ забольваній проходить сномъ. Если мы этого достигаемъ посредствомъ обыкновеннаго сна, который представляетъ относительный отдыхъ, то ничего неть удивительнаго, что это свойство въ высшей степени присуще гипнотическому сну, который представляеть полный отдыхъ. Нападали на Месмера, что онъ подвергаетъ опасности жизнь своихъ паціентовъ, вызывая у нихъ так. наз. имъ «кризисъ». Это были упреки людей неспособныхъ подняться до пониманія простой новой истины, потому только, что она выходить за черту школьныхъ формуль. Вызывать кажущуюся смерть или конвульсіи съ цілью излеченія тяжкой, но менье страшной бользни -- это еще и по сей день не вмѣщается въ головахъ врачей. Тѣмъ не менте, есть случан, въ которыхъ безусловно натъ другого пути для спасенія. Время отъ времени встръчаются въ печати разсказы, въ родъ следующаго: молодая особа тяжко больная чувствовала себя все хуже и хуже; наконецъ, впала въ летаргію, изъ которой, не смотря на всв средства, указанныя наукой, ее вывести не могли, и когда думали, что уже наступила смерть и приступили къ погребальнымъ приготовленіямъ, больная вдругъ стала оказывать признаки жизни и очнулась съ замътнымъ улучшеніемъ въ состояніи здоровья. Доктора надвются, что при употреблении нужныхъ лекарствъ (а на самомъ дълъ помимо употребленія лекарствъ) больная совершенно поправится. Въ такихъ случаяхъ летаргическій сонъ не быль проявленіемь ухудшенія, но единственнымъ путемъ спасенія, лечебнымъ методомъ, который

избрала сама природа. Быть можеть, последняя нашла бы и другой выходъ, напр., вызвала бы сильную лихорадку вмѣсто сна, но такъ какъ лекарства задержали этоть роль реакціи, то она выбрала иной путь, предоставленный ей, безсиліе, кажущуюся смерть; а если изъ нея старались вывести больную посредствомъ сильныхъ агентовъ, то этимъ только препятствовали природъ, раздражали организмъ, жаждавшій между тімъ покоя и только покоя. Легкая степень кратковременнаго летаргического сна часто случается въ магнетической практикъ, которая содъйствуетъ вышеупомянутымъ стремленіямъ природы. Не разъ были у меня случаи, когда больная вдругь падаеть въ совершенномъ безсилін, дыханіе останавливается, пульсь слаб'веть или исчезаеть моментально: тогда я двлаю — что нужно, согласно указаніямъ магнетической практики, но никогда не стараюсь будить больную даже дуновеніемъ въ глаза, а тымъ болве какими нибудь сильно двиствующими средствами, потому что состояніе этого рода, вызванное естественнымъ путемъ, никогда не представляетъ опасности; наоборотъ, послъ него всегда наступаетъ улучшение. Если бы я былъ врачемъ, дающимъ лекарства, я не имълъ бы этого спокойствія; если бы я и думаль, что въ данный моменть такой глубокій сонъ благод телень для больного, однако самый тоть факть, что я вызваль его искусственно, чуждыми элементами, «лекарствами», отняль бы у меня спокойствіе. Можетъ быть доза была очень сильна? Можеть быть она дана не во-время, слишкомъ заблаговременно? Можетъ быть слишкомъ поздно? Можетъ быть не станетъ жизненной силы для наступленія реакціи пробужденія и т. д. и т. д. Всего этого я не опасаюсь, потому что я не насиловалъ природу, она сама вызвала это состояніе при моемъ сод'яйствін, но не всладствіе моего вм'вшательства и рівшенія. Этимъ содійствіемъ, какъ следствіемъ магнетизированія, природа могла воспользоваться совсёмъ иначе; она могла вызвать лихорадку или конвульсіи, потъ или послабленіе желудка. Даже внушеніемъ я не назначаю формы «кризиса», если не увъренъ, что та или другая форма его наиболъе цълесообразна. Съ другой стороны опытъ подтверждаетъ, что та форма кризиса, которую избираетъ сама природа, 🕒 всегда наилучшая. Потому-то меня никогда не смущають случаи, когда больного или повидимому здороваго невозможно разбудить. Если первыя попытки разбудить безуспъшны, то это значить, что будить не нужно, что «лучше не будить», я пережидаю, пробую опять будить черезъ нъкоторое время, но не дълаю насилія, и при этомъ всегда убъждаюсь, что такія міры только благодътельны для больного.

Вышеупомянутыя уступки въ пользу натуральнаго физіологическаго процесса не уменьшають значенія того факта, что никогда ни одинъ врачъ не имъетъ такой непосредственной, моментально сказывающейся власти надъ больнымъ, какъ магнетизеръ. Не только внушеніемъ, но и самымъ дъйствіемъ руки онъ ежеминутно можетъ измънять настроеніе своего больного, который находится въ его власти.

Хлороформомъ можно усыпить каждаго, гипнотизмомъ же только нъкоторыхъ, но въ этомъ именно и наша гарантія, что мы не дъйствуемъ противъ природы. Усыпляя гипнотизмомъ, мы можемъ модифицировать и дозу, и последствія въ границахъ несравненно болене широкихъ, чемъ при употребленіи наркотина, которымъ даже при лучшихъ условіяхъ врачъ не можетъ распологать такъ, какъ внушеніемъ или движеніемъ руки.

Въ аидеичномъ состояніи мозгъ совершенно нед'ятеленъ, автоматичные же центры могутъ оставаться болье или менье двятельными. Мы убъждаемся въ этомъ, раздражая кожу съ цёлью обнаружить физическіе признаки или отличія даннаго состоянія. Если, при раздраженіи кожи, слизистыхъ оболочекъ и роговицы глаза, мы не получаемъ никакихъ проявленій чувствительности, если зрачекъ не реагируетъ на свътъ, а ухо на звукъ, то это состояніе самаго глубокаго сна: «паралитическій аидеизмъ». Это состояніе сна болье глубокаго, чемъ летаргія парижской школы, потому что въ немъ не замізчается повышенной нервно-мускульной чувствительности. Если же она проявляется, то это будеть «летаргическій аидеизмъ». Если судороги или общее сведеніе, возможныя въ этомъ состояніи, проявляются самопроизвольно, если все тило какъ-бы одеревенило, то это «тетаническій андензмъ» (отъ слова tetanos). Но подобное общее одеревенвые можеть проявляться и при сохраненіи мыслительной способности, въ такомъ случав это будетъ «тетаническій полиидензмъ» — полиидензмъ полный, если одеревенвніе бываеть на яву, — частичный, если бываетъ въ сомнамбулизмъ. Этотъ примъръ объясняетъ намъ, какъ далеко завело-бы насъ заблужденіе, если-бы мы въ оценке гипнотическихъ состояній придерживались исключительно физическихъ признаковъ, отличій и проявленій.

Вообще мы видимъ, что въ нашемъ подраздѣленіи группа состояній аидеичныхъ соотвѣтствуетъ состоянію «летаргіи» профессора Шарко, или скорѣе включаетъ его, обнимая сверхъ того другія состоянія родственныя, не входящія въ рубрику Парижской школы.

Въ такомъ же отношеніи находится группа состояній моноидеичныхъ къ «каталепсіи» Парижской школы, а самая каталепсія является одной изъ мен'ве глубокихъ формъ моноидеизма.

Наконецъ, «сомнамбулизмъ» уже болье соотвытствуетъ группы полииденчной, хотя и здысь возможны разнообразныя формы, разбора которыхъ мы здысь касаться не будемъ.

Но остановимся еще надъ различіемъ, представляемымъ всёми этими формами вмёстё взятыми въ зависимости отъ причинъ ихъ вызывающихъ, различіемъ, которое всего характернёе проявляется въ полиидензмё. Всё эти состоянія вмёстё взятыя назовемъ «гипнозомъ» или гипнотическимъ сномъ. Названіе это ново; оно ведеть свое начало отъ того времени, когда доктора занялись изслёдованіемъ этихъ явленій, и слово это изобрётено Braid'омъ (Бредомъ). До этого же искусственный сомнамбулизмъ назывался «магнетическимъ сномъ». Одно-ли и то же означаютъ эти два названія? Развё нётъ никакого различія въ означаємыхъ ими состояніяхъ? Такъ утверждаютъ нынёшніе гипнотизёры, желающіе заградить «магнетизму» доступъ въ науку и замёнить его вполнё «гипнотизмомъ».

Кто знакомъ съ сочиненіями магнетизёровъ Пюизегюра, Делёза, Дюпотэ (Puyzégur, Deleuz, Dupotet) и описываемымъ ими магнетическимъ сномъ и нын'в читаетъ въ новъйшихъ книжкахъ описаніе гипноза, тотъ съ трудомъ признаетъ ихъ тождество.

Нынѣшніе гипнотизёры развивають автоматовь, которыхь можно толкать туда и сюда, слѣпое орудіе разнообразныхь вліяній; между тѣмъ прежніе магнетизёры описывають почти съ религіознымь чувствомъ возвышенных состоянія замагнетизированныхъ.

Магнетизёры слушали своихъ медіумовъ, совѣтуясь съ ними какъ съ ясновидящими, тогда какъ гипнотизёры только командуютъ, приказываютъ, пренебрегая самодѣятельностью медіумовъ. Магнетизёры подчинялись природѣ, гипнотизёры хотятъ повелѣвать ею. Первые приписывали себѣ индивидуальное вліяніе и старались не мѣшать вліяній, другіе не признаютъ личнаго вліянія и позволяютъ всякому и каждому издѣваться надъгипнотиками.

На чьей сторон'в правда? Она, какъ и всегда, находится по средин'в, но нравственное и терапевтическое значеніе этихъ двухъ формъ совс'вмъ не одинаковое, и, признавая всю научную заслугу гипнотическихъ изсл'вдованій, я не колеблюсь въ признаніи за магнетизмомъ бол'є высокаго практическаго значенія. Но въ данный моментъ мы заняты только опред'єленіемъ подразд'єленій.

Все-ли равно, какимъ образомъ былъ вызванъ искусственный сомнамбулизмъ? Состояніе, вызванное всматриваніемъ въ мертвый предметъ, идентично-ли съ состояніемъ, вызваннымъ манипуляціями живаго существа? Не всегда. Иногда различія бываютъ очевидны.

Гипнотикъ, усыпленный свътящейся пуговицей, слы-

шитъ всякаго, одинаково чувствуетъ прикосновеніе каждаго, можетъ поддаваться внушенію многихъ, и одинаково можно разбудить его дуновеніемъ, вѣеромъ или мѣхами; находящійся же въ магнетическомъ снѣ слышитъ только своего магнетизёра, поддается только магнетизёру, реагируетъ неодинаково, иногда совсѣмъ не чувствуетъ прикосновенія постороннихъ и разбудить его можетъ только магнетизёръ.

Само собою разумѣется, что въ этихъ двухъ типахъ могутъ быть всевозможные переходы, потому что съ одной стороны магнетизирующій можетъ не обладать индивидуальнымъ вліяніемъ или, быть можетъ, медіумъ не способенъ обнаружить его; съ другой стороны тотъ, который усыпляетъ при посредствѣ мертваго предмета, можетъ «помимо воли» (какъ это случалось у Бреда и нынѣ случается у Бернгейма) оказывать дѣйствіе на паціента и вызвать состояніе, схожее скорѣе съ магнетическимъ сномъ, нежели съ обыкновеннымъ гипнозомъ. Какъ бы то ни было, разница между этими двумя типами существуетъ и нѣтъ причины скрывать ее потому только, чтобы не признать даже «частичной» правоты той или другой теоріи.

Если-бы мы даже вовсе не вдавались въ разборъ теорій, то и такъ должны признать факты, а факты эти, разсматриваемые безпристрастно, достаточно обнаруживаютъ разницу между обыкновеннымъ гипнозомъ и магнетическимъ сномъ, и мы не должны вычеркивать прежнее названіе, должны оставить за нимъ право гражданства въ наукъ. Разница эта была-бы еще болъе замътна, если бы мы хорошо ознакомились съ рядомъ другихъ

особенностей магнетического сна, которыя въ обыкновенномъ гипнов не наблюдаются. Свойства, обнаруживающіяся въ состояніи магнетическаго сна, переходять далеко за предълъ аксіомъ, принятыхъ въ физіологіи. Но говорить о нихъ было-бы преждевременно. Всй безпристрастные изследователи, которые проникли въ глубь тайнъ магнетическаго сна, стали лицомъ къ лицу съ этими новыми и неожиданными истинами, сочли благоразумнымъ сохранить ихъ для себя и для ограниченнаго круга серіезныхъ изследователей, а не делать ихъ достояніемъ толпы, жаждущей болве чудесъ, чемъ научныхъ истинъ. Тѣ, которые не придерживались этого, поплатились за это, - ихъ назвали легковърными, а дълу они повредили, но не послужили ему. Тѣмъ не менѣе, я счелъ-бы не достойнымъ себя, если-бы я скрывалъ истину изъ-за того, чтобы не подвергнуться пересудамъ. Мнв все равно, что скажуть тв, въ чыхъ головахъ не вм'вщаются новыя истины, и которые не хотять заняться ихъ провъркой. Мнъ достаточно внутренняго уб'ёжденія, что я пытливо, осторожно, критически отнесся къ новымъ фактамъ, празнаніе которыхъ стало необходимымъ, неизбъжнымъ.

И такъ, я признаю физическое дъйствіе одного организма на другой, несмотря на то, что въ большей части случаевъ гипноза оно не обнаруживается. Признаю возможность дъйствія мысли безъ внѣшнихъ проявленій, несмотря на то, что на большемъ числѣ субъектовъ оно не обнаружится. Признаю возможность воздъйствія впечатлѣній на разстояніи, которое не можетъ быть объяснено воспріятіемъ нашихъ обычныхъ чувствъ,

несмотря на то, что случаи этого рода, выдерживающіе строго научную критику, очень різдки. Признаю все это, но считаю преждевременнымъ говорить объ этомъ на публичныхъ лекціяхъ. Для меня эти факты расширяють только кругь познаній, ни въ чемъ не изм'вняя реальнаго, позитивнаго міросозерцанія; въ глазахъ публики они могли-бы принять видимость чудесъ и дать толчекъ фантазіи на темы старыхъ предразсудковъ. Не такова моя задача. Цъль моя-популяризировать наиболее осязаемыя, наиболее проверенныя и наиполезнъйшія практическія свъденія. Если я достигну этого, я буду счастливъ, и думаю, что этимъ принесу пользу обществу, которое еще съ недовъріемъ и колебаніемъ относится къ этимъ фактамъ. А если эти явленія, ныні неуловимыя, удастся сділать въ будущемъ болье доступными, если труды изследователей дозволять намъ оріентироваться точн'є въ этомъ новомъ мір'є явленій, тогда теперешнія сомнінія исчезнуть, и я буду въ состоянии представить моимъ читателямъ свъдънія болве опредвленныя, наблюденія болве глубокія и взгляды болве широкіе.

Въ заключение я долженъ отмътить тотъ отрадный фактъ, что, благодаря смълой иниціативъ нъкоторыхъ молодыхъ врачей, лечебное примънение новъйшихъ открытій въ области гипнотизма начинаетъ уже пробивать себъ съ успъхомъ дорогу въ практической жизни...

